

ВЕКТОРЫ

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 3(04)
2024

zhurnal_vektor@mail.ru

ВЕКТОРЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2024. № 3(04)

Научный журнал.

Издается с декабря 2023 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Главный редактор [А. А. Романов](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: zhurnal_vektor@mail.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

Дата выхода в свет 30.09.2024. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

© Академия ФСИН России, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Романов Алексей Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, romanov.rzn.62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0066-6860>.

Заместитель главного редактора – Ганишина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, начальник кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>.

Ответственный секретарь – Пашукова Анастасия Дмитриевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, pashukova_21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6198-4929>.

Аксенова Галина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, polinaax@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1391-5878>.

Асташова Надежда Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Россия, nadezda.astashova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3531-2747>.

Горностаев Станислав Викторович, доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, stanislavrz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>.

Кириллова Татьяна Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, НИИ ФСИН России, главный научный сотрудник, г. Москва, Россия, tatiana-kirillova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>.

Корнетов Григорий Борисович, доктор педагогических наук, профессор, Корпоративный университет развития образования, главный научный сотрудник отдела педагогической рискологии, г. Москва, Россия, kgb58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5974-3464>.

Пастушеня Александр Николаевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Международный университет «МИТСО», г. Минск, Беларусь, anp-1308@yandex.ru.

Черемисова Ирина Валерьяновна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>.

Шаранов Юрий Александрович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>.

Шмелева Елена Александровна, доктор психологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе и дополнительному образованию, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Россия, noc_shmeleva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4698-5226>.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – Alexey A. Romanov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, romanov.rzn.62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0066-6860>.

Deputy Editor-in-Chief – Irina S. Ganishina, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>.

Executive Secretary – Anastasia D. Pashukova, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of General and Pedagogical Psychology, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, pashukova_21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6198-4929>.

Galina I. Aksenova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, polinaax@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1391-5878>.

Nadezhda A. Astashova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russia, nadezda.astashova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3531-2747>.

Stanislav V. Gornostaev, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, stanislavrz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>.

Tatyana V. Kirillova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Research Institute of the FPS of Russia, Chief Researcher, Moscow, Russia, tatiana-kirillova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>.

Grigory B. Kornetov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corporate University of Educational Development, Chief Researcher of the Department of Pedagogical Riskology, Moscow, Russia, kgb58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5974-3464>.

Alexander N. Pastushenya, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, MITSO International University, Minsk, Belarus, anp-1308@yandex.ru.

Irina V. Cheremisova, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>.

Yuri A. Sharanov, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>.

Elena A. Shmeleva, Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Director for Research and Additional Education, Shuisky Branch of Ivanovo State University, Shuya, Russia, noc_shmeleva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4698-5226>.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

Начало XXI в., как и любая историческая эпоха, нуждается в межнаучном анализе, интегративности поисковых усилий, интерпретации интегрального знания, получаемого в новейших научных исследованиях. Стремление к новому невозможно без определения основных тенденций и направлений развития современного психолого-педагогического знания, чем и обусловлено название журнала «Векторы психолого-педагогических исследований». Поиск основных векторов развития педагогической и психологической науки становится естественным и необходимым в период кардинальных преобразований в образовательной системе России. В этих процессах значимую роль приобретает общественно-педагогическая мысль и деятельность педагогов, нацеленных на осуществление проникновения педагогических идей во все сферы жизни российского общества. В силу этого важно организовать профессиональный диалог педагогов и психологов, найти единомышленников, выйти на всероссийский и международный уровень, постоянно расширяя круг авторов, целевые установки и содержательную сферу психолого-педагогического знания, отражающегося на страницах нового издания «Векторы психолого-педагогических исследований». Журнал преследует цель стать частью психолого-педагогического мейнстрима, доказать, что потенциал вузовской науки находит выход и применение вне зависимости от региональных границ.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The beginning of the 21st century, like any historical epoch, needs an interscientific analysis, the integrativity of search efforts, and the interpretation of integral knowledge obtained in the latest scientific research. Striving for the new is impossible without defining the main trends and directions of development of modern psychological and pedagogical knowledge, which explains the name of the journal "Vectors of psychological and pedagogical research". The search for the main vectors of the development of pedagogical and psychological science becomes natural and necessary during the period of cardinal transformations in the educational system of Russia. In these processes, socio-pedagogical thought and the activities of teachers aimed at the penetration of pedagogical ideas into all spheres of life of Russian society acquire an important role. Because of this, it is important to organize a professional dialogue between teachers and psychologists, find like-minded people, reach the All-Russian and international level, constantly expanding the range of authors, targets and the meaningful sphere of psychological and pedagogical knowledge reflected in the pages of the new edition "Vectors of psychological and pedagogical Research". The journal aims to become a part of the psychological and pedagogical mainstream, to prove that the potential of university science finds a way out and application regardless of regional borders.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (zhurnal_vektor@mail.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 20 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Список источников

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail zhurnal_vektor@mail.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed.

References

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ

- 9 Диалогическое общение педагогов и психологов

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕДАГОГИКИ

- 12 *Корнетов Г. Б.* Феномен вербального обучения и его место в педагогическом наследии сократа и платона

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 27 *Ганишина И. С., Гусева А. С.* Сравнительно-психологический анализ смысловой сферы личности различных групп осужденных с помощью методики «Тест уровней смысловой сферы Б. С. Братуся»
- 35 *Сухарева Н. Ф., Тимошенко А. П.* Агрессивное поведение людей зрелого возраста с разной стрессоустойчивостью
- 42 *Яшкова А. Н., Кирюхина С. А., Кирюхина М. Н.* Влияние родительского отношения на агрессивные тенденции ребенка

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

- 49 *Цветкова Н. А.* Особенности импульсивности и волевой саморегуляции подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственном изоляторе
- 60 *Ильиных Н. А.* Трансформация ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных как средство пенитенциарной пробации

КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА

- 70 *Жильцова Ю. В., Кулешова Е. А.* Психологическая профилактика суицидального поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы России
- 80 *Бушмакин А. С.* Вклад ветеранских организаций в патриотическое воспитание, социокультурное развитие и сохранение исторического наследия в уголовно-исполнительной системе России
- 87 *Сорочкина Е. В.* Психологические аспекты формирования мотивации служебно-профессионального саморазвития сотрудников в период прохождения службы в уголовно-исполнительной системе

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

- 95 *Курдин Д. А.* Китайская психологическая наука: обзор актуальных исследований

ПАМЯТНЫЕ И ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

- 105 *Симакова Т. А.* К 90-летию со дня рождения профессора Ивана Ивановича Купцова
- 109 *Цуркан Р. К.* Памятное слово о Дмитрие Владиславовиче Сочивко (к 65-летию со дня рождения)

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ

Уважаемые читатели и авторы журнала «Векторы психолого-педагогических исследований»!

Современный этап развития системы высшего образования предполагает увеличение количества научных разработок, ориентированных на расширение спектра психологических исследований, поиск новых методов и технологий преподавательского труда. В этих условиях объективно возрастает значимость профессионального диалога педагогов и психологов, расширения содержательной сферы психолого-педагогического знания [3, с. 9]. По мнению члена редколлегии нашего журнала профессора Н. А. Асташовой, значительный потенциал для инновационного развития имеют диалоговые технологии, отражающие естественное стремление к активности в образовательном пространстве. Включение диалога в образовательный процесс «придает ему своеобразную оригинальность и даже исключительность в самовыражении субъектов обучения и воспитания» [4, с. 13]. Многие важнейшие направления воспитательной работы, например, развитие патриотизма курсантов образовательных организаций ФСИН России [2], могут быть реализованы лишь в условиях диалогового общения обучающихся и преподавателей.

Интересную форму профессионального общения на страницах журнала в виде интервью реализовал заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе доктор юридических наук А. В. Акчурина [1]. Его собеседником стал профессор кафедры юридической психологии и педагогики профессор А. А. Романов, имеющий многолетний опыт работы в качестве члена диссертационных советов Академии ФСИН России и РГУ имени С. А. Есенина, главного редактора научных журналов, члена экспертного совета ВАК Минобрнауки по педагогике и психологии и др. Своеобразными собеседниками стали также профессор Г. Б. Корнетов (г. Москва), профессор Н. П. Юдина (г. Хабаровск), профессор С. А. Завражин (г. Владимир), профессор Н. А. Асташова (г. Брянск), охарактеризовавшие достижения и заслуги своего коллеги А. А. Романова в научной и преподавательской работе.

Для интервью были подобраны достаточно объемные и сложные вопросы: о мотивах увлечения педагогикой, о знаковых фигурах, оказавших влияние на становление будущего ученого; о процессе вхождения в научную деятельность; о задачах педагогики сегодняшнего дня и смежных с ней науках; о результатах педагогической деятельности и открытиях в педагогике; о педагогическом мастерстве, молодых ученых и др. Приведем один из советов молодым исследователям: для получения приемлемого результата, «ты должен уметь работать за столом, с желанием и интересом, часами, днями, месяцами, годами» [1, с. 16]. Материалы таких бесед должны войти в обязательное чтение адъюнктов всех специальностей. А рубрика «Открытая трибуна» всегда доступна для преподавателей, имеющих желание поделиться опытом своей работы над решением имеющихся сегодня в высшем образовании проблем.

В предлагаемом читателям очередном номере «Векторы психолого-педагогических исследований» (№ 3(04), 2024) член редколлегии журнала профессор Г. Б. Корнетов предложил свою статью «Феномен вербального обучения и его место в педагогическом наследии Сократа и Платона». Вербальное (словесное) обучение формировалось, говорит автор, одновременно и вместе со становлением наделенного сознанием

и речью человека, общества и культуры, с педагогической деятельностью и процессом образования. Сила слова, являющаяся фундаментом вербального обучения, в полном объеме была уже осознана Сократом и Платоном. Вербальное обучение, согласно их точке зрения, решает важнейшие образовательные задачи, которые, в принципе, не могут быть решены никаким другим образом. Устное слово для величайших философов стало важнейшим инструментом «ведения души» к мудрости, приобщения ее к знанию. Сам Сократ, еще при жизни признанный «мудрейшим из греков», будучи гениальным, во многом никем и никогда не превзойденным педагогом, не написал ни одного сочинения. Он отдавал предпочтение устному слову и живому общению, стремясь к тому, чтобы его собеседники-ученики овладевали истинным знанием и становились добродетельными людьми. Педагогическая деятельность этих величайших мыслителей античной эпохи дала, по утверждению автора, блестящие результаты, являясь неисчерпаемым источником педагогической мудрости. Неслучайно интерес к философии Древней Греции, наследию Сократа и его ученика Платона, не ослабевает и в наше время.

В этом номере широко представлены психологические исследования, тесно связанные с культурой профессиональной подготовки специалиста, разработкой новых методологических установок и методик, ориентированных на совершенствование практической работы сотрудников уголовно-исполнительной системы России. Среди них исследования смысловой сферы личности различных групп осужденных (И. С. Ганишина, А. С. Гусева), работы наших коллег из Мордовии, представивших результаты изучения агрессивного поведения людей зрелого возраста с разной стрессоустойчивостью (Н. Ф. Сухарева, А. П. Тимошенко) и влияния родительских отношений на агрессивные тенденции ребенка (А. Н. Яшкова, С. А. Кирюхина, М. Н. Кирюхина). Актуальны и ориентированы на практику статьи о саморегуляции подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственном изоляторе (Н. А. Цветкова), трансформации ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных как средство пенитенциарной probation (Н. А. Ильиных). Отметим и статьи, посвященные культуре профессиональной подготовки специалиста (Ю. В. Жильцова, Е. А. Кулешова, А. С. Бушмакин, Е. В. Сорочкина).

Рубрика «Международный опыт» предлагает статью Д. А. Курдина «Китайская психологическая наука: обзор актуальных исследований», входящую в серию публикаций, знакомящих российского читателя с историей возникновения, традициями, особенностями, деталями и уникальными аспектами организации психологической науки в Китае.

Особое внимание обратим на рубрику «Памятные и юбилейные даты». Статья Т. А. Симаковой посвящена 90-летию со дня рождения профессора Ивана Ивановича Купцова, много лет проработавшего в Академии ФСИН России. В 1974 г. он возглавил кафедру исправительно-трудовой педагогики и психологии Рязанской высшей школы МВД СССР, не имеющей аналогов на тот период.

Для этой же рубрики Р. К. Цуркан подготовил статью «Памятное слово о Дмитрии Владиславовиче Сочивко (к 65-летию со дня рождения)». Выделим мысль автора о том, что Д. В. Сочивко, рассматривая тему индивидуального в психологии, обнаружил тот компонент «пенитенциарной (покаянной!) системы, который есть основа духовно-ориентированного консультирования осужденных в колониях».

По содержанию этого номера даем справку: всего размещено 11 статей, подготовленных 18 авторами из 5 городов (Москва, Пермь, Рязань, Саранск, Севастополь), среди которых 4 доктора наук.

Список источников

1. Акчурин А. В. О некоторых современных направлениях развития педагогической науки и практики: интервью с доктором педагогических наук, профессором Алексеем Алексеевичем Романовым // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 2(03). С. 9–26.
2. Кириллова Т. В., Пашукова А. Д. Культурологический аспект развития патриотизма курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // Векторы психолого-педагогических исследований. 2023. № 1. С. 52–60.
3. Никитюк С. М. Новый журнал Академии ФСИН России // Векторы психолого-педагогических исследований. 2023. № 1. С. 9.
4. Романов А. А. Основные направления современных педагогических исследований // Векторы психолого-педагогических исследований. 2023. № 1. С. 13.

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Как всегда, мы ждем от Вас новых интересных статей
по насущным проблемам педагогики и психологии!

*Главный редактор научного журнала
«Векторы психолого-педагогических исследований»
Алексей Алексеевич Романов*

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕДАГОГИКИ

Научная статья
УДК 371.33

ФЕНОМЕН ВЕРБАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И ЕГО МЕСТО В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ СОКРАТА И ПЛАТОНА

Григорий Борисович Корнетов¹

¹ Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Московской области «Корпоративный университет развития образования», Россия, kgb58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5974-3464>

Аннотация. Обращение к истории показывает, что вербальное (словесное) обучение формировалось одновременно и вместе со становлением наделенного сознанием и речью человека, общества и культуры, педагогической деятельностью и процессом образования. Фундаментом вербального обучения является то, что называют силой слова, которая в полном объеме, была уже осознана Сократом и Платоном. Для них устное слово оказывается важнейшим инструментом «ведения души» к мудрости, приобщения ее к истинному знанию, содействию и стимулированию развития ее познавательной деятельности.

Ключевые слова: вербальное обучение, устное слово и живое общение в обучении, педагогическое наследие Сократа и Платона

Для цитирования

Корнетов Г. Б. Феномен вербального обучения и его место в педагогическом наследии Сократа и Платона // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 3(04). С. 12–26.

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF PEDAGOGY

Original article

THE PHENOMENON OF VERBAL LEARNING AND HIS PLACE IN THE PEDAGOGICAL LEGACY OF SOCRATES AND PLATO

Grigorij Borisovich Kornetov¹

¹ State Autonomous Educational Institution of Additional Professional Education of the Moscow Region "Corporate University of Educational Development", Russia, kgb58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5974-3464>

Abstract. An appeal to history shows that verbal learning was formed simultaneously and together with the formation of a person endowed with consciousness and speech, society and culture, pedagogical activity and the educational process. The foundation of verbal learning is what is called the power of the word, which was fully realized by Socrates and Plato. For them, the spoken word turns out to be the most important tool for "leading the soul" to wisdom, introducing it to true knowledge, promoting and stimulating the development of its cognitive activity.

Keywords: verbal learning, spoken word and live communication in learning, the pedagogical legacy of Socrates and Plato

For citation

Kornetov, G. B. 2024, 'The phenomenon of verbal learning and its place in the pedagogical legacy of Socrates and Plato', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(04), pp. 12–26.

В ряду величайших учителей достойное место занимает древнегреческий философ Сократ (469–399 гг. до н. э.). В учебных курсах, в научных и публицистических текстах по истории и теории педагогики, по дидактике и частным методикам периодически встречается упоминание о том, что Сократ, еще при жизни признанный «мудрейшим из греков», не только не написал ни одного сочинения, но и будучи гениальным, во многом никем и никогда не превзойденным педагогом, являлся последовательным противником использования письменной речи в педагогической деятельности наставника. На протяжении всей жизни он отдавал безусловное предпочтение устному слову и живому общению в деле содействия тому, чтобы его собеседники-ученики овладевали истинным знанием, становились добродетельными людьми. Эта позиция Сократа наиболее подробно была изложена и проанализирована в диалоге «Федр» его учеником Платоном (427–347 гг. до н. э.) [34]. Именно в «Федре» Платон вложил в уста Сократа развернутые рассуждения о том, что возможности письменной речи являются значительно более ограниченными, чем возможности устного слова в постижении человеком истины.

Педагогическая роль его собеседника-философа в этом процессе прямо определяется потенциалом живого словесного общения с собеседником-учеником. Более

того, в «Федре» указывается на возможные деструктивные последствия использования письменной речи в деле «ведения души» человека к истинному знанию философом-наставником, решающим те задачи, которые мы сегодня понимаем как педагогические [14, 18–20, 26]. Представляется, что сегодня, в условиях нарастающего распространения дистанционного образования и ИКТ, когда живое общение учителя и ученика и связанная с ним устная речь вытесняются из образовательного процесса, существенно возрасла потребность обратиться к проблеме вербального образования, к идеям Сократа и Платона о месте и роли, о возможностях устного слова в общении людей, способах передачи мудрости от поколения к поколению, в их педагогической деятельности, в образовательном процессе, в обучении учеников [16, с. 3–9]. История педагогики помогает нам лучше понять проблемы теории и практики современного образования, извлечь уроки прошлого из попыток решения сходных вопросов великими мыслителями ушедших времен [1–4; 11–12; 27, с. 84–118].

Тема устной речи в педагогическом общении наставника и ученика, рассматривается в логике решения проблемы вербального обучения. Термин «вербальный» в Большом словаре иностранных слов (2008 г.) определяется следующим образом: «Вербальный (от лат. *verbalis* – словесный, *verbum* – слово) – устный, словесный» [5].

С XVIII в. существует и нарастает тенденция негативного отношения к вербализму в педагогике. Так в «Педагогической энциклопедии» советской эпохи (1964 г.) говорилось: «Вербализм в обучении – книжное, оторванное от жизни, догматическое преподавание и усвоение учебного материала» [29]. На Интернет-портале «Школа жизни» вербализм в обучении определяется как «недостаток обучения, выражающийся в преобладании словесного способа сообщения знаний. Вербализм в обучении затрудняет реализацию принципов наглядности, сознательности и активности, соединения теории с практикой, в результате чего знания учащихся оказываются неполноценными, формальными» [6]. Интернет-портал «КАРТАСЛОВ.РУ – карта слов и выражений русского языка» трактует вербализм, как «обучение без опоры на реальность, на опыт или конкретные факты» [9].

В Педагогическом энциклопедическом словаре начала XXI в. (2002 г.) дается следующее определение: «Вербальный (от лат. *verbalis* – словесный), термин, обозначающий способ передачи информации в устной, словесной форме. В педагогике используются понятия «вербальная форма обучения» и «вербализм в обучении». Под вербализмом традиционно понимается преобладание в преподавании словесных догматических форм, что ведет к недооценке наглядных методов обучения» [30]. В том же словаре в статье, посвященной методам обучения, отмечается, что «метод обучения – категория историческая, они изменяются с изменением целей и содержания образования. Американский педагог К. Керр выделяет четыре революции в области Методов обучения в зависимости от преобладающего средства обучения (1972 г.). Первая состояла в том, что учителя – родители, служившие образцом, уступили место профессиональным учителям; сущность второй – замена устного слова письменным; третья ввела в обучение печатное слово; четвертая, происходящая в настоящее время, предполагает частичную автоматизацию и компьютеризацию обучения» [30, с. 142], то есть без каких-либо оценочных суждений словесное обучение характеризуется как некий исторически неизбежный, необходимый этап в истории образования, который был естественным образом преодолен в связи с появлением письменной речи, пришедшей в педагогическую практику после изобретения письменности.

Г. М. Коджаспирова и А. Ю. Коджаспиров в Педагогическом словаре (2000 г.) без каких-либо оценочных суждений пишут, что «вербализация – отражение опыта в речи, является речевым показателем личности», а «вербальное научение – процесс приобретения знаний, опыта через словесные воздействия (инструкции, разъяснения, образцы поведения и т. п.), без обращения к конкретным предметным действиям» [13, с. 17].

Академик РАО А. М. Новиков трактует вербализацию в обучении более узко. По его словам, «вербализация – прием обучения, заключающийся в проговаривании обучающимся (обучающимися) вслух предстоящих действий по решению учебной задачи. Роль внешнеречевого плана при усвоении умственных действий убедительно показана в работах психологов П. Я. Гальперина, Н. Ф. Талызиной и их научной школы. Мысленное воспроизведение вслух предстоящих действий и обоснование применяемых способов их выполнения является важным условием достижения осознанного уровня их выполнения и позволяет избежать обучающимся в дальнейшем лишних проб и ошибок. Кроме того, вербализация, поскольку слово несет в себе обобщение, дает положительный эффект для овладения обучающимся общими принципами построения действий и способствует переносу сформированных умений в новые условия деятельности. При этом, как показывают специальные психологические исследования и опыт преподавания, необходимо стремиться к тому, чтобы обучающиеся начинали обоснование предстоящих действий с самой широкой начальной гипотезы, охватывающей разнообразный круг теоретических знаний и все возможные или большинство возможных способов достижения цели и, постепенно перебирая и анализируя их, выбирали оптимальный вариант» [28, с. 19–20].

Обращение к истории показывает, что вербальное обучение формировалось одновременно и вместе со становлением наделенного сознанием и речью человека, общества и культуры, педагогической деятельностью и процессом образования в ходе антропо-социогенеза [21, 23, 25]. Вербальное обучение обнаруживается в самых ранних формах педагогического взаимодействия и присутствует в нем на всем протяжении человеческой истории, хотя и играет различную роль [15, 24, 17]. По мнению Е. Н. Шиянова и И. Б. Котовой, рассматривающих историю школьного обучения, «с момента организации школ появились словесные методы, которые особенно заметно доминировали в средние века. Слово, сначала устное, затем письменное и, наконец, печатное, становится главным носителем информации, а обучение по книгам – одним из основных методов. <...> Односторонняя передача учащимся готовых знаний с помощью так называемого акроаматического (лекционного) метода вызвала протест лучших умов уже в XVI столетии. <...> Острой критике был подвергнут и так называемый эротематический (вопрошающий) метод обучения, который при одностороннем использовании также не давал ученикам инструментальных знаний, приобретаемых путем «познания вещей, а не чужих наблюдений и свидетельств о них» (И. Песталоцци). На рубеже XIX и XX веков большие надежды возлагались на очередной вариант словесного метода, каким явилась эвристика (от греч. *heurisko* – нахожу). Однако и эти надежды (несмотря на то, что сторонники эвристики рекомендовали объединять акроаматический метод с эротематическим и по крайней мере не сторонились науки о вещах) оказались зыбкими. Было установлено, что эвристика действительно обеспечивает самостоятельное движение к знаниям, а также получение прочных, оперативных знаний и умений, но вместе с тем она требует больших усилий и много времени» [38, с. 130].

В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев и Е. Н. Шиянов обратили внимание на то, что «словесный метод можно построить так, что знания будут сообщаться в готовом виде, а можно

с помощью беседы, совместного обсуждения вместе с учащимися изучаемой проблемы вести их к самостоятельному постижению нового» [35, с. 270]. Именно последний вариант словесного обучения последовательно обосновывали и практически реализовали Сократ и Платон, что нашло свое отражение в диалогах последнего.

Один из новейших подходов к вербальному обучению сформулировал в статье «О вербализации современного образования» (2011 г.) педагог и психолог Г. Л. Ильин. Он писал: «Вербализацией называют словесное обозначение знакового материала или действий с этим материалом. Другими словами, это способность определения в речевом общении событий и явлений внешнего и внутреннего мира индивида, умение находить слова и выражения, адекватно выражающие мыслимые состояния и ситуации. Н. Хомский называл эту способность языковой компетенцией. Языковая компетенция имеет давнюю историю развития, в отличие от профессиональной и социальной компетенции выпускников и специалистов, ставшей актуальной в последнее десятилетие». Утверждая, что «современная отечественная школа учит не столько мышлению, сколько речи», Г. Л. Ильин подчеркивал, что «в школе обучают речи, то есть способности излагать известный материал, не обязательно предполагающей понимание сути сказанного, умению произносить правильно построенные предложения. Обучают определениям, формулам, терминам, за которыми для учащегося порой нет ничего, кроме словесной оболочки, объединяющей такие же формулы и определения. В общем, учат образованию ради образования для того, чтобы поступить в колледж, институт, университет, в аспирантуру, а не для жизни, в которой учащемуся придется жить и работать». Говоря о том, что «школа (образовательная и высшая), по существу, вербализирована», констатируя факт отставания «логического мышления от грамматического, понимания – от способов выражения мысли», Г. Л. Ильин отмечал, что школа «связана не просто с временным отставанием понимания учащимся излагаемого учителем или предлагаемого учебником материала, но и прежде всего со смысловым». «Это значит, – продолжал он, – что учащемуся необходимо преодолеть, освоить, перевести на язык понятий собственного опыта термины и определения, в которых выражены понятия и которые содержат или должны содержать смысл высказываний учителя или текста учебника. Условность определений хорошо известна. Но лишь единицы из массы учащихся способны проникнуть в суть излагаемого материала и понять условность изложения, то есть возможность изложения его другими словами, более понятным, индивидуальным образом. Остальные учащиеся покорно следуют за учителем до конца учебного курса, принимая как незыблемые, безусловные термины и определения той или иной учебной дисциплины». Г. Л. Ильин пришел к выводу, что «происходит замыкание приобретаемых вербальных знаний на саму систему образования – одно звено готовит материал для другого: начальная школа для средней, общая школа для вуза, вплоть до аспирантов, становящихся преподавателями и продолжающих передачу знаний в том виде, в каком его получили от своих преподавателей. Таким образом, одна из функций образования – самовоспроизводство – строится исключительно на вербальном обучении. Отсюда и консерватизм школы, постоянный отрыв от жизни, – школа воспроизводит устоявшиеся в ней вербальные определения понятий, даже если они в научной жизни и практике подвергнуты критике». Г. Л. Ильин подчеркивал, что «в ситуации массового образования основной формой обучения остается вербальное, при всех альтернативных вариантах», что «именно слово является средством, наиболее содержательно выражающим мысль». Обращая внимание на то, что «некоторым учащимся удается преодолеть

честокол формул и грамматических определений, за которыми скрывается истина», Г. Л. Ильин особо отметил «случаи подлинного обучения и образования, когда учащийся следует за преподавателем и совместно с ним или самостоятельно действует в поисках истины, жизненно для него необходимой – личной истины». Он указывал на то, что «в современном образовании, как и в современной науке, связь неопита – школьника, студента с искомой истиной оказывается опосредованной целой сетью условностей, традиций и процедур, огромным массивом знаний и информации, не имеющей отношения к тому, что его интересует, его истине. Восстановление или способствование непосредственной связи учащегося с искомой и желанной истиной, связи, утерянной в процессе развития науки и образования, возвращение истине характера личного переживания, личной ценности – такова задача реформации в образовании» [10, с. 3].

Исторически вербальное обучение соотносилось с наглядным, практическим, деятельностным, схематическим, контекстным обучением. Следует признать, что оно не отменяется и не заменяется ими, а с ними сосуществует, выполняя свои функции, решая свои задачи. Фундаментом вербального обучения является то, что называют силой слова, которая в полном объеме, как будет показано ниже, была уже осознана древнегреческими софистами. Значение слова во влиянии на психику человека, на его сознание неразрывно связано со сложным единством мышления и речи человека, блестяще обоснованное советским психологом-марксистом, создателем культурно-исторической психологии Л. С. Выготским (1896–1934) [7]. Кроме того, следует иметь в виду, что у человека существует особый вид интеллекта, названный автором теории множественного интеллекта американским психологом и мыслителем образования Г. Гарднером, лингвистическим [8].

В «Государстве» Платон выразил суть педагогической деятельности как таковой следующим образом: «Правильное воспитание и обучение пробуждает в человеке природные задатки» [31, с. 193]. В одном из своих поздних диалогов «Софист», который предположительно был написан в 80–60-е гг. IV в. до н. э. Платон формулирует некоторые важные аспекты своего понимания того, в чем суть и каким должно быть обучение, осуществляемое с помощью устной речи, то есть обучение вербальное. В этом диалоге Платон обличает педагогическую практику софистов, критикует их основанную на устном общении учителя и ученика обучающую деятельность, говорит, что «софистика оказалась искусством приобретать, менять, продавать, торговать духовными товарами, а именно рассуждениями и знаниями, касающимися добродетели». Задаваясь вопросом, кто такой софист, Платон высказывает убеждение, что «этим именем обозначается основанное на мнении лицемерное подражание искусству, запутывающему другого в противоречиях, подражание, принадлежащее к части изобразительного искусства, творящей призраки и с помощью речей выделяющей в творчестве не божественную, а человеческую часть фокусничества». Согласно Платону, софист – это тот, «кто стоит вдали от истинной сущности вещей, речами, действующими на слух, показывая словесные призраки всего существующего», тот, кто является «обладателем какого-то мнимого знания обо всем, а не истинного» [32, с. 285, 345, 298, 297].

Размышляя в «Софисте» о вербальном (устном) обучении, о том, каким оно должно быть, Платон подчеркивает, что «в искусстве обучения с помощью речей один путь кажется более шероховатым, другой – более гладким». Затем продолжает: «Один путь стародавний, путь наших отцов, которым они главным образом пользовались, да многие пользуются еще и теперь в применении к сыновьям, когда те в чем-нибудь провинятся,

причем их то бранят, то более кротко увещевают. Всю эту часть правильнее всего можно назвать вразумлением. <...> Что же касается другого, то здесь некоторые, видно, по размышлении, пришли к выводу, что всякое неведение бывает невольным и если кто считает себя мудрым, он никогда не пожелает обучаться чему-либо из того, в чем считает себя сильным, способ же воспитывать путем вразумления при затрате большого труда приводит к малым достижениям. <...> Поэтому-то за устранение подобного [само] мнения они берутся другим способом». Этот другой способ устного (вербального) обучения Платон характеризует следующим образом: «Они расспрашивают кого-либо о том, относительно чего тот мнит, будто говорит дельно, хотя в действительности говорит пустое. Затем, так как он и ему подобные бросаются из стороны в сторону, они легко выясняют их мнения и, сводя их в своих рассуждениях воедино, сопоставляют между собой, сопоставляя же, показывают, что эти мнения противоречат друг другу касательно одних и тех же вещей, в одном и том же отношении, одним и тем же образом. Те же, видя это, сами на себя негодуют, а к другим становятся мягче и таким способом освобождаются от высокомерного и упорного самомнения, и из всех освобождений об этом освобождении слушать всего приятнее, да и для того, кто его испытывает, оно бывает самым надежным. Ведь те, кто их очищает <...> полагают, подобно тому, как это признали врачи, что тело может наслаждаться предлагаемой ему пищей не раньше, чем будет из него устранено все то, что этому служит помехой; то же самое они думают и относительно души. Они считают, что душа получит пользу от предлагаемых знаний не раньше, чем обличитель, заставив обличаемого устыдиться и устранив мешающие знаниям мнения, сделает обличаемого чистым и таким, что он будет считать себя знающим лишь то, что знает, но не более». Платон заключает, что «вследствие всего этого, <...> о таком обличении мы должны говорить как о величайшем и главнейшем из очищений и, с другой стороны, человека, не подвергшегося этому испытанию, если бы даже он был Великим царем, поскольку он не очищен в самом главном, должны считать невоспитанным и безобразным в том отношении, в каком следовало бы быть самым чистым и прекрасным тому, кто желает стать действительно счастливым». И, наконец, Платон формулирует следующее важнейшее утверждение, которое характеризует его понимание того, каким должно быть устное обучение: «Так пусть же частью искусства различать будет искусство очищать, от искусства очищать пусть будет отделена часть, касающаяся души, от этой части – искусство обучать, от искусства обучать – искусство воспитывать, а обличение пустого суемудрия, представляющее собою часть искусства воспитания, пусть называется теперь в нашем рассуждении не иначе как благородною по своему роду софистикою» [32, с. 292–294].

То, каким образом устное слово может быть использовано в обучении, Платон подробно показывает в диалоге «Теэтет» (приблизительно 369 г. до н. э.), используя для этого образ Сократа и созданный им метод майевтики (повивального искусства). Платоновский Сократ уподобляет себя повитухе, а свое искусство помощи людям в постижении истинного знания – повивальному искусству, которое способствует тому, что их душа при поддержке собеседника, в ходе вербального общения с ним, постигает истину, точнее рождает, припоминает ее. Он говорит о том, что «повитухи дают зелья и знают заговоры, могут возбуждать родовые муки или по желанию смягчать их, а ту, что с трудом рожает, заставить родить, или если найдут нужным, то выкинуть». В педагогическом методе Сократа, который полностью принимает и поддерживает Платон, роль такого снадобья играет устное слово, призванное содействовать слушателю-ученику

в осуществлении познавательного усилия, ведущего к овладению истинным знанием. При этом, Сократ в произведении «Теэтет» уподобляет и искусство повитухе, и искусство философа-учителя, любящего мудрость и ведущего слушателя-ученика к истине, с искусством «выхаживать и собирать плоды земли и, с другой стороны, знать, в какую землю какой саженец посадить или какое семя посеять» (проблема устного слова как снадобья и проблема «сеяния» мудрости анализируются в «Федре».) [32, с. 200–201].

Далее в «Теэтете» Платон излагает суть «повивального искусства» Сократа, вкладывая в его уста пространные рассуждения на эту тему: «...в моем повивальном искусстве, – говорит платоновский Сократ, – почти все так же, как и у них, отличие, пожалуй, лишь в том, что я принимаю у мужей, а не у жен и принимаю роды души, а не плоти. Самое великое в нашем искусстве – то, что мы можем разными способами допытываться, рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод. К тому же и со мной получается то же, что с повитухами: сам я в мудрости уже неплоден, и за что меня многие порицали, – что-де я все выпрашиваю у других, а сам никаких ответов никогда не даю, потому что сам никакой мудрости не ведаю, – это правда. А причина вот в чем: бог понуждает меня принимать, роды же мне воспрещает. Так что сам я не такой уж особенный мудрец, и самому мне не выпадала удача произвести на свет настоящий плод – плод моей души. Те же, что приходят ко мне, поначалу кажутся мне иной раз крайне невежественными, а все же по мере дальнейших посещений и они с помощью бога удивительно преуспевают и на собственный и на сторонний взгляд. И ясно, что от меня они ничему не могут научиться, просто сами в себе они открывают много прекрасного, если, конечно, имели, и производят его на свет. Повития же этого виновники – бог и я. И вот откуда это видно: уже многие юноши по неведению сочли виновниками всего этого самих себя и, исполнившись презрения ко мне, то ли сами по себе, то ли по наущению других людей ушли от меня раньше времени. И что же? Ушедши от меня, они и то, что еще у них оставалось, выкинули, вступивши в дурные связи, и то, что я успел принять и повить, погубили плохим воспитанием. Ложные призраки стали они ценить выше истины, так что в конце концов оказались невеждами и в собственных, и в чужих глазах. <...> Когда же они возвращались обратно и вновь просили принять их, стараясь изо всех сил, то некоторым мой гений запрещал приходить, иным же позволял, и те опять делали успехи. Еще нечто общее с роженицами испытывают они в моем присутствии: днями и ночами они страдают от родов и не могут разрешиться даже в большей мере, чем те, а мое искусство имеет силу возбуждать или останавливать эти муки. Так я с ними и поступаю. Но иногда, <...> если я не нахожу в них каких-либо признаков беременности, то, зная, что во мне они ничуть не нуждаются, я из лучших побуждений стараюсь сосватать их с кем-то и, с помощью бога, довольно точно угадываю, от кого бы они могли понести». Для платоновского Сократа истинное знание может быть извлечено только из души человека, душа как бы припоминает его. Он говорит в диалоге «Теэтет» о том, что «ни ощущение, ни правильное мнение, ни объяснение в связи с правильным мнением, пожалуй, не есть знание» [32, с. 201–202, 274].

Платон устами Сократа в диалоге «Федр» излагает и обосновывает точку зрения, согласно которой живое общение философа-учителя и собеседника-ученика в форме устной речи имеет значительно большее значение, чем изучение письменных текстов, для становления человека в процессе образования (пайдейи), в основе которого лежит овладение учеником истинным знанием. Причем это овладение есть прежде всего напряженнейшее внутреннее усилие самого ученика, его души, как бы черпающей свет из

себя самой. Мудрый учитель может лишь содействовать этому усилию, поддерживать, направлять его. Человек образовывается, постигая с помощью наставника истину, которую его душа якобы извлекает (добывает) из самой себя с помощью особого весьма напряженного интеллектуального усилия.

В «Федре» устная речь противопоставляется письменной, и это противопоставление не в пользу последней, о чем свидетельствует приведенный ниже фрагмент разговора Сократа и юноши Федра:

– Сократ. ...Кто надеется оставить в записи руководство по искусству либо учится, полагаясь на то, что запись ясна и надежна, преисполнен невероятного простодушия <...>, если считает, будто письменные речи годятся на что-то большее, нежели служить напоминанием уже знающему о том, о чем была составлена запись.

– Федр. Совершенно верно.

– Сократ. У записи, Федр, есть одна особенность, которой она поистине напоминает живопись. Живописные порождения предстают как живые, но, если их о чем-нибудь спросишь, они гордо хранят молчание. То же самое с речами: можно подумать, будто они разговаривают, как разумные существа, но, если спросишь о чем-нибудь из сказанного, чтобы понять получше, они всегда ответят одно и то же. Став однажды записью, всякое сочинение странствует всюду, не различая между теми, кто понимает, и теми, кому понимание недоступно, и не зная, с кем должно говорить, а с кем – нет. Если же с ним плохо обращаются и несправедливо его порицают, оно постепенно нуждается в помощи своего отца, ведь само оно не способно ни защитить себя, ни помочь себе.

– Федр. И это ты сказал совершенно верно.

– Сократ. А не посмотреть ли нам теперь, как рождается иное сочинение, – брат этого, только законнорожденный? Несколько лучше оно и спокойнее первого?

– Федр. О каком сочинении ты говоришь и как оно рождается?

– Сократ. О речи, которая, вместе со знанием, записывается в душе ученика. Такая речь способна защитить себя, и она знает, перед кем должно говорить и молчать.

– Федр. Речь знающего ты называешь живой и одушевленной, а записанную речь справедливо было бы назвать ее подобием [32, с. 101–102].

Комментируя «Федра», переводчик диалога философ А. А. Глухов пишет: «устная речь отличается самостоятельностью, она умеет говорить или молчать, когда сама считает это уместным. Устная речь – это свободный, живой и одушевленный логос. Такой логос Сократ сравнивает с законнорожденным сыном. <...> Разногласия во взглядах на справедливость между отцами и сыновьями ведут к заболеванию полиса. В этом контексте отождествление живого логоса с законнорожденным сыном оказывается естественным. Устная речь как манифестация свободы становится подлинным наследником своего отца, если отцу удается решить проблему справедливости в отношениях с сыном. Учитель-отец, знаток справедливого, прекрасного и лучшего, готов потратить много времени на то, чтобы естественным, а не насильственным образом <...> вырастить достойный урожай в душе ученика. Такой учитель превращается в диалектика. Обладая знанием истины, он умеет различать души по видам и воспользуется подходящими речами для убеждения наиболее достойной души, которая в итоге станет живым логосом. Справедливость диалектики, его способность показать природу, различая виды души и речей, переходит в автономию ученика, чья речь становится плодотворной» [32, с. 169].

По существу, в центре платоновского «Федра» проблема человеческой души, с которой сопрягаются и учение об идеях, и проблема любви, и обсуждение риторики, и

осмысление целесообразности и потенциала устной и письменной речи. Все это, так или иначе, вписывается в контекст обсуждения вопроса о психагогике, то есть о «ведении души» к порождающему в человеке добродетель высшему истинному знанию, ее развитию (формировании) на основе пробуждения воспоминаний. Психагогика в учении Платона, в известном смысле, противостоит педагогике, понимаемой как обучение человека знаниям, умениям, навыкам, необходимым в жизни, как то принудительное воспитание, идею которого он развивал в «Законах», считая такое воспитание неизбежным и необходимым для значительного количества людей.

Анализируя наследие Платона, в частности, диалог «Федр», М. Фуко подчеркивал, что «речевая деятельность всегда является ответом на определенную ситуацию» [35, с. 202]. По его мнению, для Платона устная речь, будучи ситуационной, то есть порождаемая определенной ситуацией («*kaïros*, подходящий случай») и являющаяся непосредственной реакцией на эту ситуацию, оказывается актуальной для собеседников (для наставника и его ученика) здесь и сейчас. Именно поэтому она обладает мощнейшим педагогическим (по Платону – психогогическим) потенциалом.

В курсе лекций «Герменевтика субъекта» (1981–1982 гг.) М. Фуко дает характеристику того, как Платон различал педагогiku и психогогiku. Вслед за Платоном он называет «педагогикой передачу кому-то некоторой истины, с тем чтобы он приобрел определенные навыки (*aptitudes*), умения (*capacites*), знания и т. п., которых не имел ранее и которыми он должен обладать к концу обучения». М. Фуко называет «педагогическими» отношения, состоящие в том, что кто-то обучает кого-то ряду перечисленных навыков», и считает «психагогикой» такую передачу истины, которая вовсе не нацелена на приобретение кем-то некоторых навыков и т. д., но смысл которой в том, чтобы изменить самый способ существования подопечного». М. Фуко пишет, что «в греко-римской античности основная тяжесть истины в психагогическом отношении, необходимость говорить истину, правила, которым надо подчинять себя для того, чтобы сказать истину и чтобы истина могла произвести свое действие, как то привести к изменению модуса существования субъекта – все это в основном ложится на плечи учителя, наставника или друга, во всяком случае, того, кто дает советы. Именно на нем, авторе или передатчике истинных речей, лежит основное бремя этих задач и обязательств» М. Фуко констатирует, что «в той мере, в какой именно на учителя, советчика ложится основной груз обязательств, связанных с говорением истины, я думаю, правильно будет сказать, что психагогия в античности очень близка или более или менее близка педагогике. Ибо в педагогике учитель потому и учитель, что он владеет истиной, провозглашает истину, и делает это как должно и по правилам той самой истинной речи, которую он передает. Истина и соответствующие обязательства – компетенция учителя. Это так во всякой педагогике. Разумеется, так обстоят дела и в педагогике античной, но они так обстоят и в том, что можно назвать античной психагогикой. В этом смысле и по этой причине античная психагогика столь близка педагогике. Она также известна как *paideia* (воспитание, учение, образование). М. Фуко приходит к заключению, что «в греко-римской философии именно тот, кто осуществляет духовное руководство, должен наличествовать в правдивой речи» [37, с. 441–442].

М. Фуко, который исследует античную проблему парресии – устной свободной речи, центрированной на оглашении истины конкретному слушателю (слушателям), показывает, что при анализе диалогов Платона вообще и «Федра» в частности, французский мыслитель на первое место ставит потенциал именно устной речи как формы суще-

ствования и осуществления парресии. М. Фуко показывает, что вести и воспитывать душу, способствовать ее развитию, центрированному на постижении истины, быть психологом, согласно Платону (и Сократу), по-настоящему может только такой наставник, который является философом-парресистом (подобно Сократу), то есть мудрецом (философом), постигшим истину и способным в беседе искренне говорить о ней, предавая состояние своей собственной души собеседнику, тем самым как бы пробуждая, зажигая тем самым и его душу. Само психологическое действие-взаимодействие [22, с. 36–52] оказывается возможным лишь в процессе живого, устного общения. Субъекты такого общения – во-первых, наставник, понимающий состояние души своего собеседника в конкретной жизненной ситуации, его готовность постигать истину здесь и сейчас, характер имеющегося у него жизненного опыта; во-вторых, ученик, ищущий истину и открытый к живому общению с учителем. При этом обладание мудростью и способность к парресии оказываются необходимыми качествами наставника, служащего идеалам пайдеи. Собственно, это есть та позиция, которую платоновский Сократ излагает в «Федре», противопоставляя письменному слову слово устное, как более значимое в том числе и потому, что только устная речь может быть парресией.

Таким образом, для Сократа/Платона устное слово оказывается важнейшим инструментом «ведения души» к мудрости, приобщения ее к истинному знанию, содействия и стимулирования развития ее познавательной деятельности. Вербальное (словесное) обучение, согласно их точке зрения, решает важнейшие образовательные задачи, которые, в принципе, не могут быть решены никаким другим образом. Эта позиция была последовательно изложена и обоснована в ряде произведений Платона, особенно в «Федре». Устное слово, живое общение философа-наставника и его собеседника-ученика лежали в основании и его практической педагогической деятельности, и Сократа. Причем педагогическая деятельность этих величайших мыслителей античной эпохи дала блестящие результаты и сегодня является неисчерпаемым источником педагогической мудрости.

Список источников

1. Астафьева Е. Н. Историко-педагогический контекст теории и практики современного образования // *Academia: Педагогический журнал Подмосковья*. 2016. № 4. С. 56–58.
2. Астафьева Е. Н. Познавательный и образовательный потенциал истории педагогики // *Academia: Педагогический журнал Подмосковья*. 2016. № 2. С. 59–62.
3. Астафьева Е. Н. Российские исследователи о познавательном потенциале историко-педагогического знания: второе десятилетие XXI века // *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2021. № 6. С. 36–45.
4. Астафьева Е. Н. Эвристический потенциал историко-педагогического контекста педагогических инноваций // *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2019. № 4. С. 18–27.
5. Большой словарь иностранных слов. 7-е изд., испр. и доп. / сост. А. Ю. Москвин. М., 2008.
6. Вербализм в обучении. 2010. URL: <https://potencial-school.ru/verbalizm-v-obuchenii.html> (дата обращения: 26.10.2021).
7. Выготский Л. С. Мышление и речь // *Сер. Мастера психологии*. СПб. : Питер, 2019. 452 с.
8. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта / пер. с англ. А. Н. Свирид. М. : Вильямс, 2007. 512 с.

9. Значение слова «вербализм». URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/вербализм> (дата обращения: 25.10.2021).

10. Ильин Л. Г. О вербализации современного образования // Школьные технологии. 2011. № 4. С. 3–9.

11. Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: историко-педагогический контекст теории и практики современного образования : материалы XII Междунар. науч. конф. (г. Москва, 17 ноября 2016 г.) / ред.-сост. Г. Б. Корнетов. Сер. Историко-педагогическое знание. М. : АСОУ, 2016. Вып. 100.

12. Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: познавательный потенциал истории педагогики : материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Москва, 14 ноября 2013 г.) / ред.-сост. Г. Б. Корнетов. Сер. Историко-педагогическое знание. М. : АСОУ, 2013. Вып. 68.

13. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь : для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2000.

14. Корнетов Г. Б. Миф об изобретении письменности в диалоге Платона «Федр»: современное осмысление идеи Сократа и Платона о преимуществе устного слова в обучении. Статья 3. Трактровка мифа Платона в российских исследованиях 2000–2010-х годов // Инновационные проекты и программы в образовании. 2021. № 3. С. 19–30.

15. Корнетов Г. Б. Воспитание в первобытном обществе: возникновение, сущность, эволюция : учеб. пособие. М. : Международная педагогическая академия, 1993.

16. Корнетов Г. Б. Живое общение и устное слово в образовании человека // Школьные технологии. 2021. № 5. С. 3–9.

17. Корнетов Г. Б. История педагогики за рубежом с древнейших времен до начала XXI века : монография. Сер. Историко-педагогическое знание. М. : АСОУ, 2013. Вып. 63.

18. Корнетов Г. Б. Миф об изобретении письменности в диалоге Платона «Федр»: современное осмысление идеи Сократа и Платона о преимуществе устного слова в обучении. Статья 1. Содержание мифа Платона об изобретении письменности и его актуализация в эпоху информационно-коммуникационных технологий // Инновационные проекты и программы в образовании. 2021. № 1. С. 16–27.

19. Корнетов Г. Б. Миф об изобретении письменности в диалоге Платона «Федр»: современное осмысление идеи Сократа и Платона о преимуществе устного слова в обучении. Статья 2. Трактровка мифа Платона в работах Ж. Деррида и М. Фуко // Инновационные проекты и программы в образовании. 2021. № 2. С. 33–45.

20. Корнетов Г. Б. О значении живого общения наставника и ученика, устного слова педагога в современном образовании // Инновационные проекты и программы в образовании. 2021. № 5. С. 6–12.

21. Корнетов Г. Б. От первобытного воспитания к гуманистическому образованию: учеб. пособие. М. : Изд-во УРАО, 2003.

22. Корнетов Г. Б. Понятие педагогического действия // Психолого-педагогический поиск. 2010. № 4(16). С. 36–52.

23. Корнетов Г. Б. Происхождение воспитания как общественного явления // Известия АСОУ. Научный ежегодник. 2015. М. : АСОУ, 2016. Т. 1. С. 142–155.

24. Корнетов Г. Б. Ранние формы педагогической деятельности // Психолого-педагогический поиск. 2011. № 3(19). С. 115–138.

25. Корнетов Г. Б. Становление воспитания как общественного явления: экспериментальное : учеб. пособие. М. : ИТИП, 1992.

26. Корнетов Г. Б. Устное слово и письменная речь в деятельности наставника: педагогическая интерпретация диалога Платона «Федр» в эпоху ИКТ и цифровизации образования : монография. Сер. Историко-педагогическое знание. М. : АСОУ, 2021. Вып. 136.
27. Круглый стол «Историко-педагогический контекст теории и практики образования» // Педагогика. 2017. № 3. С. 84–118.
28. Новиков А. М. Педагогика: словарь системы основных понятий. М. : Издательский центр ИЭТ, 2013. С. 19–20.
29. Педагогическая энциклопедия : в 4 т. / гл. ред. И. А. Каиров. М. : Советская энциклопедия, 1964. Т. 1.
30. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002.
31. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова // Собр. соч. в 4 т. / под общ ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmus, А. А. Taxo-Godi. Сер. Философское наследие. М. : Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.
32. Платон. Софист / пер. с древнегреч. С. А. Ананьина // Собр. соч. в 4 т. / под общ ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmus, А. А. Taxo-Godi. Сер. Философское наследие. М. : Мысль, 1993. Т. 2. С. 275–346.
33. Платон. Тезет / пер. с древнегреч. Т. А. Васильевой // Собр. соч. в 4 т. / под общ ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmus, А. А. Taxo-Godi. Сер. Философское наследие. М. : Мысль, 1993. Т. 2. С. 192–274.
34. Платон. Федр / перевод, введение, интерпретация, указатель имен, примечания А. А. Глухова. Сер. Наследие Платона. СПб. : Изд-во РХГА, 2017.
35. Слостенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Общая педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Слостенина : в 2 ч. М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2020. Ч. 1.
36. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняло. СПб. : Наука, 2007.
37. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
38. Шиянов Е. Н., Котова И. Б. Развитие личности в обучении: учеб. пособие для студ. пед. вузов. М. : Издательский центр «Академия», 1999.

References

1. Astafyeva, E. N. 2016, 'Historical and pedagogical context of theory and practice of modern education', *Pedagogical journal of the Moscow region*, iss. 4, pp. 56–58.
2. Astafyeva, E. N. 2016, 'Cognitive and educational potential of the history of pedagogy', *Pedagogical journal of the Moscow region*, iss. 2, pp. 59–62.
3. Astafyeva, E. N. 2021, 'Russian researchers on the cognitive potential of historical and pedagogical knowledge: the second decade of the XXI century', *Innovative projects and programs in education*, iss. 6, pp. 36–45.
4. Astafyeva, E. N. 2019, 'Heuristic potential of the historical and pedagogical context of pedagogical innovations', *Innovative projects and programs in education*, iss. 4, pp. 18–27.
5. Moskvin, A. Y. (comp.) 2008, *A large dictionary of foreign words*, 7th edn, Moscow.
6. *Verbalism in learning* 2010, viewed 26 October 2021, <https://potencial-school.ru/verbalizm-v-obuchenii.html>.
7. Vygotzky, L. S. 2019, 'Thinking and speech'. St. Petersburg.

8. Gardner, G. 2007, 'The structure of the mind: the theory of multiple intelligence', translated from English by A. N. Svirid. Moscow.
9. *The meaning of the word verbalism* n. d., viewed 25 October 2021, <https://kartaslov.ru/значение-слова/вербализм>.
10. Ilyin, L. G. 2011, 'On the verbalization of modern education', *School technologies*, iss. 4, pp. 3–9.
11. Kornetov, G. B. (comp.) 2016, 'Historical and pedagogical knowledge at the beginning of the 3d millennium: the historical and pedagogical context of the theory and practice of modern education': materials of the XII International Scientific Conference (Moscow, November 17, 2016), vol. 100, Moscow.
12. Kornetov, G. B. (comp.) 2013, 'Historical and pedagogical knowledge at the beginning of the 3^d millennium: the cognitive potential of the history of pedagogy': materials of the IX International Scientific Conference (Moscow, November 14, 2013), vol 68, Moscow.
13. Kodjaspirova, G. M. & Kodjaspirov, A. Y. 2000, '*Pedagogical dictionary*': for students, higher and secondary school institutions. Moscow.
14. Kornetov, G. B. 2021, 'The myth of the invention of writing in the dialogue of Plato "Phaedrus": modern understanding of the idea of Socrates and Plato about the advantage of the spoken word in teaching'. Article 3. Interpretation of the myth of Plato in Russian studies of the 2000s-2010s, *Innovative projects and programs in education*, iss. 3, pp. 19–30.
15. Kornetov, G. B. 1993, '*Education in primitive society: emergence, essence, evolution*': study guide, International Pedagogical Academy. Moscow.
16. Kornetov, G. B. 2021, 'Live communication and the spoken word in human education', *School technologies*, iss. 5, pp. 3–9.
17. Kornetov, G. B. 2013, '*The history of pedagogy abroad from ancient times to the beginning of the XXI century*': monograph. Moscow.
18. Kornetov, G. B. 2021, 'The myth of the invention of writing in the dialogue of Plato "Phaedrus": modern understanding of the idea of Socrates and Plato about the advantage of the spoken word in learning'. Article 1. The content of Plato's myth about the invention of writing and its actualization in the era of information and communication technologies, *Innovative projects and programs in education*, iss. 1, pp. 16–27.
19. Kornetov, G. B. 2021, 'The myth of the invention of writing in the dialogue of Plato "Phaedrus": modern understanding of the idea of Socrates and Plato about the advantage of the spoken word in learning'. Article 2. Interpretation of the myth of Plato in the works of J. Derrida and M. Foucault, *Innovative projects and programs in education*, iss. 2, pp. 33–45.
20. Kornetov, G. B. 2021, 'On the importance of live communication between a mentor and a student, an oral word of a teacher in modern education', *Innovative projects and programs in education*, iss. 5, pp. 6–12.
21. Kornetov, G. B. 2003, '*From primitive education to humanistic education*': study guide, Moscow.
22. Kornetov, G. B. 2010, 'The concept of pedagogical action', *Psychological and pedagogical search*, iss. 4(16), pp. 36–52.
23. Kornetov, G. B. 2016, 'The origin of education as a social phenomenon', *Scientific yearbook*, Moscow, vol. 1, pp. 142–155.
24. Kornetov, G. B. 2011, 'Early forms of pedagogical activity', *Psycho-pedagogical search*, iss. 3(19), pp. 115–138.
25. Kornetov, G. B. 1992, 'The formation of education as a social phenomenon': an experimental: study guide, Moscow.

26. Kornetov, G. B. 2021, 'Oral and written speech in the mentor's activity': pedagogical interpretation of Plato's dialogue "Fedr" in the era of ICT and digitalization of education: monograph, Moscow.

27. Round table 'Historical and pedagogical context of theory and practice of education', 2017, *Pedagogy*, iss 3, pp. 84–118.

28. Novikov, A. M. 2013, *Pedagogy: dictionary of the system of basic concepts*, Institute of Effective Technologies, pp. 19–20, Moscow.

29. Kairov, I. A. (ed.) 1964, *Pedagogical encyclopedia*, in 4 vols, vol. 1, Moscow.

30. Bim-Bad, B. M. (ed.) 2002, *Pedagogical encyclopedic dictionary*, Moscow.

31. Losev, A. F., Asmus, V. F. & Tahoe-Godi, A. A. (eds) 1994, 'Plato. The State' Plato. Collected works, 4 vols, trans. from ancient Greek, vol. 3, pp. 79–420, Moscow.

32. Losev, A. F., Asmus, V. F. & Tahoe-Godi, A. A. (eds) 1993, 'Plato. Sophist', Plato. Collected works, 4 vols, trans. from ancient Greek, vol. 2, pp. pp. 275–346, Moscow.

33. Losev, A. F., Asmus, V. F. & Tahoe-Godi, A. A. (eds) 1993, 'Plato. Theaetetus', Plato. Collected works, 4 vols, trans. from ancient Greek, vol. 2, Thought, pp. 192–274, Moscow.

34. Glukhov, A. A. (ed.) 2017, 'Plato. Fedr', Series. Plato's legacy. St. Petersburg.

35. Slastenin, V. A., Isaev, I. F. & Shiyanov, E. N. 2020, 'General pedagogy': study guide for students, in 2 vols, Humanitarian Publishing Center, vol. 1, Moscow.

36. Foucault, M. 2007, *Hermeneutics of the subject. A course of lectures delivered at the College de France in the 1981–1982 academic year*, translated from French by A. G. Pogonyailo. St. Petersburg.

37. Foucault, M. 2020, *Speech and Truth. Lectures on parrhesia (1982–1983)*, translated from French by D. Kralachkin. Moscow.

38. Shiyanov, E. N. & Kotova, I. B. 1999, 'Personality development in education': study guide for students of pedagogical universities. Moscow.

Информация об авторе

Г. Б. Корнетов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела педагогической рискологии Центра социально-педагогического сопровождения Корпоративного университета развития образования (г. Москва); главный редактор журнала «Инновационные проекты и программы в образовании».

Information about the author

G. B. Kornetov – Sc.D (Pedagogical Sciences), professor, chief researcher of the Department of pedagogical riskology of the Center for social and pedagogical support of the Corporate University for Educational Development (Moscow); editor-in-chief of the journal "Innovative projects and programs in education".

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 31.07.2024; принята к публикации 03.08.2024.

The article was submitted 17.07.2024; approved after reviewing 31.07.2024; accepted for publication 03.08.2024.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
УДК 159.9:343.8

СРАВНИТЕЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП ОСУЖДЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДИКИ «ТЕСТ УРОВНЕЙ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ Б. С. БРАТУСЯ»

Ирина Сергеевна Ганишина¹, Анастасия Сергеевна Гусева²

¹ ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, irinaganishina@yandex.ru

² Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, nastuagyseva@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительно-психологического анализа смысловой сферы личности осужденных за коррупционные преступления и осужденных за общеуголовные преступления. В эмпирическом исследовании приняли участие 200 осужденных, отбывающих наказание в ФКУ ИК-1 и ФКУ ИК-6 УФСИН России по Рязанской области, из них 100 осужденных за коррупционные преступления и 100 осужденных за общеуголовные преступления и преступления против личности. В результате выявлено, что доминирующим в исследуемых группах осужденных выступает эгоцентрический уровень, второе место по выраженности имеет группоцентрический уровень, третье место занимает гуманистический уровень, четвертое место – готовность к принятию духовных ценностей, пятое место – повышенная вероятность присвоенности духовного уровня. Установлено, что наиболее выраженным уровнем смысловой сферы у осужденных исследуемых групп выступает эгоцентрический, однако у осужденных за общеуголовные преступления он выражен ярче. Наименее выраженными уровнями смысловой сферы у осужденных являются гуманистический, уровень готовности к принятию духовных ценностей. Повышенная вероятность присвоенности духовного уровня у осужденных исследуемых групп выражена незначительно.

Ключевые слова: личность осужденных, осужденные за коррупционные преступления, уровни смысловой сферы, смысловая сфера осужденных за коррупционные преступления, осужденные за общеуголовные преступления, исправительные учреждения

Для цитирования

Ганишина И. С., Гусева А. С. Сравнительно-психологический анализ смысловой сферы личности различных групп осужденных с помощью методики «Тест уровней смысловой сферы Б. С. Братуся» // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 3(04). С. 27–34.

PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Original article

COMPARATIVE PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE SEMANTIC SPHERE OF THE PERSONALITY OF VARIOUS GROUPS OF CONVICTS USING THE METHODOLOGY "TEST OF THE LEVELS OF THE SEMANTIC SPHERE OF B. S. BRATUS"

Irina Sergeevna Ganishina¹, Anastasia Sergeevna Guseva²

¹ Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, irinaganishina@yandex.ru

² Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, nastuagyseva@rambler.ru

Abstract. The article presents the results of a comparative psychological analysis of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes and those convicted of ordinary crimes. The empirical study involved 200 convicts serving sentences in the Ryazan region, of whom 100 were convicted of corruption crimes and 100 were convicted of ordinary crimes and crimes against the person. As a result, it was revealed that the egocentric level is dominant in the studied groups of convicts, the second most pronounced is the group-centric level, the third place is occupied by the humanistic level, the fourth place is the willingness to accept spiritual values, the fifth place is the increased probability of appropriation of the spiritual level. It was found that the most pronounced level of the semantic sphere among the convicts of the studied groups is egocentric, but it is more pronounced among those convicted of ordinary crimes. The least pronounced levels of the semantic sphere among convicts are the humanistic, the level of readiness to accept spiritual values. The increased probability of appropriation of the spiritual level among the convicts of the studied groups is expressed insignificantly.

Keywords: the identity of convicts, convicted of corruption crimes, levels of the semantic sphere, the semantic sphere of convicted of corruption crimes, convicted of ordinary crimes, correctional institutions

For citation

Ganishina, I. S. & Guseva, A. S. 2024, 'Comparative psychological analysis of the semantic sphere of the personality of convicts of various groups using the methodology "Test of levels of the semantic sphere of B. S. Bratus"', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(04), pp. 27–34.

Смысловая сфера относится к базовым характеристикам личности. По данным А. И. Истомина, смысловая сфера личности, «определяет поступки и характер деятельности человека, направляя его активность на реализацию низших или высших потребностей, а также определяет способ реализации поставленных целей» [8, с. 8].

А. С. Михлина отмечает, что «важнейшие компоненты личности осужденных находятся в тесной взаимосвязи с их уголовно-правовой характеристикой, к основным составляющим которой в первую очередь относится квалификация совершенного преступления» [11, с. 112].

Ряд авторов, исследовавших смысловую сферу осужденных, выделили следующие ее отличительные особенности: «деформированное правосознание, высокая ценность достижения социального статуса и занятия контролирующей позиции по отношению к другим людям» [7], «эгоизм, правовой нигилизм и инфантилизм» [6], «способность приспособляться к условиям отбывания наказания» [1], «наличие повышенной потребности в покое» [14].

Д. В. Сочивко, И. С. Ганишина, М. И. Марьина, В. В. Сундукова в ходе проведенного эмпирического исследования доказали, что осужденные за коррупционные преступления обладают негативными психологическими качествами личности: «ярко выраженный фактор власти, настойчивость в достижении личностно значимых целей, склонность к манипулированию другими людьми, необходимость достижения высокого социального статуса, пренебрежение морально-этическими нормами» [12, с. 13]. По мнению Е. А. Маслаковой, личность коррупционного преступника характеризуется «наличием антиобщественных взглядов, интересов и привычек; общей неудовлетворенностью своим социальным положением; отчужденностью от общепринятых норм и ценностей; низким уровнем правосознания; нежеланием удовлетворять свои потребности законными способами» [10, с. 25].

А. С. Чертовикова пришла к выводу, что осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, «интегрируют ценности и установки других осужденных в собственное самоощущение. В результате чего значительно снижается общий смысл их существования» [15, с. 411].

А. И. Истомина утверждал, что у осужденных за общеуголовные преступления присутствует «более активная эгоистически ориентированная жизненная позиция, что напрямую связано с криминологическими характеристиками личности» [8, с. 12].

Г. К. Корнеева считает, что «нахождение в условиях заключения способствует формированию нарушений психогенно-реактивного характера с явлением социальной дезадаптации» [9, с. 18] и деформация смысловой сферы присутствует в той или иной степени у всех осужденных.

А. А. Волков и Т. Н. Ларина считают, что «в условиях изоляции происходят серьезные личностные трансформации и редукции смыслов на основе регрессии, проекции и вытеснения различных форм приспособления к новым условиям существования, интроекция криминальных стереотипов, редуцированных и противоправных ценностей» [5, с. 63].

А. И. Ушатиков и Б. Б. Казак отмечали, что «смысловая сфера осужденных является производной от социальной позиции человека, его статуса, поэтому отличается большей динамичностью и гибкостью, так как на нее оказывают влияние множество факторов, которые впоследствии меняют мировоззрение» [13].

В. В. Яковлев, считает, что «факт лишения свободы связан с отсутствием у личности возможности удовлетворять свои потребности и реализовывать значимые ценности» [16, с. 137]. Автор отмечал, что у осужденных происходит «снижение всех параметров осмысленности жизни» [16, с. 139]. Таким образом, теоретический анализ исследования проблемы показал, что смысловая сфера личности осужденных за коррупционные преступления и общеуголовные преступления имеет ряд отличительных особенностей.

Согласно теории Б. С. Братуся, «смысловая сфера имеет иерархическую организацию, в которой выделяется несколько уровней: предличностный, эгоцентрический, группоцентрический, гуманистический (просоциальный), духовный. У каждого человека все обозначенные уровни существуют потенциально, но в процессе жизни они последовательно «присваиваются в действительность» [3, с. 101].

В основе уровневой теории Б. С. Братуся лежит понятие «смысл» – отношение мотива к цели деятельности [2]. Каждый уровень «характеризуется своим специфическим «ответом» на вопрос: «Ради чего?». Этот «ответ» не предписывает конкретные варианты поведения, он представляет собой некую общую интенцию, которая в разных ситуациях может быть выражена через различные внешние действия» [2, с. 93].

С целью выявления особенностей смысловой сферы личности осужденных за коррупционные преступления нами было проведено эмпирическое исследование с помощью методики «Тест уровней смысловой сферы Б. С. Братуся» [4]. «Методика позволяет выявить следующие уровни смысловой сферы: эгоцентрический, группоцентрический, гуманистический, готовность к приятию духовных ценностей, повышенная вероятность присвоенности духовного уровня» [4].

В эмпирическом исследовании приняли участие 200 осужденных, отбывающих наказание в ФКУ ИК-1 и ФКУ ИК-6 УФСИН России по Рязанской области. Из них 100 осужденных за коррупционные преступления по УК РФ (получение взятки – ст. 290; превышение должностных полномочий – ст. 286; дача взятки – ст. 291; присвоение – ст. 160; мошенничество с использованием своих служебных полномочий – ст. 159; неправомерное присвоение или иное нецелевое использование бюджетных средств – ст. 285.2); в качестве сравнительной группы изучались 100 осужденных за общеуголовные преступления и преступления против личности (ст. 105, 111, 112, 116, 131).

В ходе сравнительно-психологического исследования установлено, что в процентном соотношении доминирующим в исследуемых группах осужденных выступает эгоцентрический уровень, второе место по выраженности имеет группоцентрический уровень, третье место занимает гуманистический уровень, четвертое место – готовность к приятию духовных ценностей, пятое место – повышенная вероятность присвоенности духовного уровня (табл.).

Эгоцентрический уровень показывает ориентацию личности на собственные интересы, ценностные ориентации, эгоистические желания и устремления. Другие люди воспринимаются осужденными как средство реализации собственных эгоистических желаний. На этом уровне смысловой организации поведение личности в большей степени сосредоточено на собственных потребностях, желаниях и интересах, при этом осужденными не учитываются потребности окружающих. Осужденным сложно отслеживать эмоции и чувства не только других людей, но и свои собственные. При этом показатель эгоцентрического уровня осужденных за общеуголовные преступления гораздо выше (16, 76 %), чем у осужденных за коррупционные преступления (13,3 %).

Группоцентрический уровень оценивает ценность для личности ближнего окружения, референтной микрогруппы. Следует отметить, что, согласно полученным данным, более выраженные значения имеет группа осужденных за коррупционные преступления (13,1 %) по сравнению с группой осужденных за общеуголовные преступления (12,26 %).

Гуманистический уровень показывает личностные устремления гуманистической направленности. Данный уровень показывает устремленность личности на достижение таких социально значимых результатов как труд, познание, общение, деятельность

Таблица

Показатели уровней смысловой сферы в разных группах осужденных по методике «Тест уровней смысловой сферы Б. С. Братуся»

Уровни смысловой сферы	Показатель осужденных за коррупционные преступления, %	Показатель осужденных за общеуголовные преступления, %
Эгоцентрический уровень	13,3	16,76
Группоцентрический уровень	13,1	12,26
Гуманистический уровень	8,21	8,08
Готовность к принятию духовных ценностей	8,06	6,31
Повышенная вероятность присвоенности духовного уровня	1,08	0,47

и др. Наиболее выраженные показатели имеет группа осужденных за коррупционные преступления (8,21 %) по сравнению с группой осужденных за общеуголовные преступления (8,08 %).

Наименее выраженным уровнем смысловой сферы у осужденных является уровень готовности к принятию духовных ценностей. По этому показателю наиболее выраженные значения имеет группа осужденных за коррупционные преступления (8,06 %) по сравнению с группой осужденных за общеуголовные преступления (8,31 %).

Повышенная вероятность присвоенности духовного уровня у осужденных исследуемых групп выражена незначительно. Наиболее выраженные значения имеет группа осужденных за коррупционные преступления (1,08 %) по сравнению с группой осужденных за общеуголовные преступления (0,47 %).

Таким образом, проведенный сравнительно-психологический анализ смысловой сферы личности осужденных за коррупционные преступления и осужденных за общеуголовные преступления с помощью методики «Тест уровней смысловой сферы Б. С. Братуся» позволил нам сформулировать следующие выводы.

1. Доминирующим уровнем смысловой сферы у осужденных исследуемых групп выступает эгоцентрический, однако у осужденных за общеуголовные преступления он выражен ярче. На данном уровне смысловой организации поведение личности в большей степени сосредоточено на собственных потребностях, желаниях и интересах, при этом не учитываются потребности окружающих. Осужденным сложно отслеживать собственные эмоции, а также эмоции и чувства других людей. Другие люди воспринимаются как некие инструменты, помогающие или препятствующие реализации своих амбиций. Принимаемые осужденными решения в основном построены с учетом личной выгоды, что, в свою очередь, проявляется в стремлении к власти, статусу и материальным благам. У осужденных за общеуголовные преступления эгоцентрический уровень смысловой сферы выражен наиболее ярко. Они отличаются более выраженным стремлением к выгоде, при этом существенно меньше ценят других людей, вне зависимости от их близости и принадлежности к какой-либо группе.

2. Второй по значимости выраженности у исследуемых групп является группоцентрический уровень. Спецификой смысловой сферы у осужденных на данном уровне является более выраженная группоцентрическая направленность. Особое

значение для них имеет ближайшее окружение – группа, с которой они себя идентифицируют. Они воспринимают свою жизнь через призму групповых ценностей, норм и традиций.

3. Третьим по значимости выраженности является гуманистический уровень, который показывает личностные устремления гуманистической направленности. Данный уровень показывает устремленность личности на достижение таких социально значимых результатов как труд, познание, общение, деятельность и др. Наиболее выраженные показатели имеет группа осужденных за коррупционные преступления (8,21 %) по сравнению с группой осужденных за общеуголовные преступления (8,08 %).

4. Наименее выраженными уровнями смысловой сферы у осужденных являются гуманистический, уровень готовности к принятию духовных ценностей.

5. Повышенная вероятность присвоенности духовного уровня у осужденных исследуемых групп выражена незначительно.

Список источников

1. Ажимов В. В., Ганишина И. С., Марьин М. И. Психологическая коррекция личностных особенностей наркозависимых осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы // Психология и право. 2023. Т. 4, № 13. С. 37–52.

2. Братусь Б. С., Василюк Ф. Е., Воейков В. Л. Христианская психология в контексте научного мировоззрения : кол. монография. М., 2017.

3. Братусь Б. С. Аномалии личности. М. : Мысль, 1988.

4. Братусь Б. С. К изучению смысловой сферы личности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 46–17.

5. Волков А. А., Ларина Т. Н. Психологическая деформация смысловой сферы юношей, находящихся в условиях следственного изолятора // Российский психологический журнал. 2008. Т. 5. № 1. С. 60–67.

6. Гусева А. С. К вопросу об исследовании психологических особенностей смысловой сферы личности осужденных за коррупционные преступления // Осознание Культуры – залог обновления общества. Перспективы развития современного общества : материалы XXIV Всерос. науч.-практ. конф. (Севастополь, 14–15 апреля 2023 г.). Севастополь, 2023. С. 214–217.

7. Гусева А. С. О деформации нравственной сферы осужденных за коррупционные преступления // Прикладная юридическая психология. 2023. № 4(65). С. 127–133.

8. Истомина А. И. Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы : монография. Псков, 2010.

9. Корнеева Г. К. Психологические особенности смысловой сферы личности ВИЧ-инфицированных осужденных в условиях лишения свободы : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004.

10. Маслакова Е. А. Криминологические особенности личности коррупционного преступника в сфере муниципальной службы // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2017. № 3. С. 23–26.

11. Михлин А. С., Пирожков В. Ф. Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы. Рязань, 1976.

12. Сочивко Д. В. Психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы // Психология и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 5–19.

13. Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань : Академия ФСИН России, 2003.
14. Ушатиков А. И., Ганишина И. С. Личность наркозависимого осужденного и ее особенности // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3(90). С. 194–197.
15. Чертовикова А. С. Особенности ценностно-смысловой сферы осужденных за насильственные преступления // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-1. С. 407–411.
16. Яковлев В. В. Психологическая характеристика смысловой сферы личности осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1999. С. 137.

References

1. Azhimov, V. V., Ganishina, I. S. & Maryin, M. I. 2023, 'Psychological correction of personal characteristics of drug-addicted convicts serving sentences in places of deprivation of liberty', *Psychology and law*, vol. 4, iss. 13, pp. 37–52.
2. Bratus, B. S., Vasilyuk, F. E. & Voeikov, V. L. 2017, '*Christian psychology in the context of a scientific worldview*': collective monograph, Moscow.
3. Bratus, B. S. 1988, '*Personality anomalies*'. Moscow, 1988.
4. Bratus, B. S. 1981, 'Towards the study of the semantic sphere of personality', *Bulletin of the Moscow University, Series 14. Psychology*, iss.2, pp. 46–17.
5. Volkov, A. A. & Larina, T. N. 2008, 'Psychological deformation of the semantic sphere of young men in pre-trial detention', *Russian Psychological Journal*, vol. 5, iss. 1, pp. 60–67.
6. Guseva, A. S. 2023, 'On the issue of studying the psychological features of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes', in *Awareness of Culture is the key to the renewal of society. Prospects for the development of modern society: materials of the XXIV All-Russian scientific and practical conference (Sevastopol, April 14–15, 2023)* Sevastopol.
7. Guseva, A. S. 2023, 'On the deformation of the moral sphere of those convicted of corruption crimes', *Applied legal psychology*, iss. 4(65), pp. 127–133.
8. Istomin, A. I. 2010, '*Value orientations of persons sentenced to imprisonment*': monograph, Pskov.
9. Korneeva, G. K. 2004, *Psychological features of the semantic sphere of the personality of HIV-infected convicts in conditions of imprisonment: PhD thesis (Psychology)*, Ryazan.
10. Maslakova, E. A. 2017, 'Criminological features of the personality of a corrupt criminal in the field of municipal service', *Municipal service: legal issues*, iss. 3, pp. 23–26.
11. Mikhlin, A. S. & Pirozhkov, V. F. 1976, *Value orientations of those sentenced to imprisonment*, Ryazan.
12. Sochivko, D. V., Ganishina, I. S. & Maryin, M. I. 2020, 'Psychological characteristics of corrupt criminals serving sentences in places of deprivation of liberty', *Psychology and law*, vol. 10, iss. 3, pp. 5–19.
13. Ushatikov, A. I. & Kazak, B. B. 2003, '*Penitentiary psychology*': textbook, 2nd edn, Ryazan.
14. Ushatikov, A. I. & Ganishina I. S. 2015, 'The personality of a drug-addicted convict and its features', *Man: crime and punishment*, iss. 3(90), pp. 194–197.
15. Chertovikova, A. S. 2021, 'Features of the value-semantic sphere of those convicted of violent crimes', *Problems of modern pedagogical education*, iss. 72-1, pp. 407–411.
16. Yakovlev, V. V. 1999, *Psychological characteristics of the semantic sphere of the personality of persons sentenced to imprisonment: PhD thesis (Psychology)*, Ryazan.

Информация об авторах

И. С. Ганишина – доктор психологических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России;

А. С. Гусева – преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации.

Information about the authors

I. S. Ganishina – Sc.D (Psychology), professor, senior researcher at the Department of psychological support for the professional activities of employees of the Penal System of the Center for Research problems on the execution of criminal penalties and psychological support for the professional activities of employees of the Penal System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

A. S. Guseva – lecturer at the Department of legal psychology and pedagogy of the Faculty of psychology and probation.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Статья поступила в редакцию 25.07.2024; одобрена после рецензирования 10.08.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 25.07.2024; approved after reviewing 10.08.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья
УДК 159.922.6:159.913

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА С РАЗНОЙ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬЮ

Надежда Федоровна Сухарева¹, Анастасия Петровна Тимошенко²

^{1, 2} Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия

¹ nadezhda-sukhareva@yandex.ru

² nastasiaart14@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы агрессивного поведения людей зрелого возраста с разной стрессоустойчивостью. Объектом исследования выступают агрессия и стрессоустойчивость зрелых людей. Цель исследования – провести сравнительный анализ агрессивного поведения людей зрелого возраста с разной стрессоустойчивостью. В процессе исследования использовались методы: теоретический анализ литературы по проблеме исследования, статистический метод, метод тестирования, опрос с помощью психодиагностической методики. Проведенное теоретическое и эмпирическое исследование позволило установить, что существуют различия в особенностях агрессивного поведения людей зрелого возраста с разной стрессоустойчивостью. Достоверность различий между группами испытуемых была подтверждена в результате использования непараметрического метода Н-критерия Крускала-Уоллиса. Результаты исследования могут внести вклад в научное понимание связи между агрессивным поведением и уровнем стрессоустойчивости, что будет полезно для дальнейших исследований в области психологии личности.

Ключевые слова: агрессия, стрессоустойчивость, люди зрелого возраста, агрессивное поведение, агрессия зрелых людей, стрессоустойчивость зрелых людей

Для цитирования

Сухарева Н. Ф., Тимошенко А. П. Агрессивное поведение людей зрелого возраста с разной стрессоустойчивостью // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 3(04). С. 35–41.

Original article

AGGRESSIVE BEHAVIOR OF MATURE PEOPLE WITH DIFFERENT STRESS RESISTANCE

Nadezhda Fedorovna Sukhareva¹, Anastasia Petrovna Timoshenko²

^{1,2} Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev, Saransk, Russia

¹ nadezhda-sukhareva@yandex.ru

² nastasiaart14@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the problem of aggressive behavior of mature people with different resistance to stress. The object of the study is aggression and stress resistance of mature people. Purpose of the study: to conduct a comparative analysis of the aggressive behavior of mature people with different stress tolerance. The following methods were used in the research process: theoretical analysis of literature on the research problem, statistical method, testing method, survey using psychodiagnostic techniques. The conducted theoretical and empirical research made it possible to establish that there are differences in the characteristics of aggressive behavior of mature people with different resistance to stress. The significance of the differences between the groups of subjects was confirmed by using the nonparametric method Kruskal-Wallis test. The results of the study will contribute to the scientific understanding of the relationship between aggressive behavior and the level of stress resistance, which is useful for further research in the field of personality psychology.

Keywords: aggression, resistance to stress, people of mature age, aggressive behavior, aggression of mature people, resistance to stress of mature people

For citation

Sukhareva, N. F. & Timoshenko, A. P. 2024, 'Aggressive behavior of mature people with different stress resistance', *Vectors of psychological and pedagogical research*, № 3(04), pp. 35–41.

Современное общество характеризуется высокой потребностью в приспособлении человека к быстро меняющимся социальным и технологическим условиям. На фоне повседневной суеты и напряжения человеку сложно справиться со стрессом. Эмоциональные перегрузки, отрицательная информация, давление на работе и другие факторы могут вызвать дискомфорт и негативное состояние. Постоянное напряжение может привести к депрессии, агрессии, фрустрации и др. В современном обществе никто не застрахован от агрессивного поведения окружающих, что может проявляться в конфликтных ситуациях, включая ограбления, убийства и насилие. Недопонимание, изменения, неудачи также могут способствовать возникновению стресса и агрессии. Реакция на стресс у субъектов различна, но общим является ощущение подавленности и несчастья, излишняя возбудимость и агрессивное поведение. Эффективное взаимодействие с людьми требует умения общаться и быть стрессоустойчивым.

Первые исследования природы агрессии принадлежат З. Фрейду, который предположил существование не только инстинкта жизни, эроса, но и инстинкта смерти, разруше-

ния [7]. Данная проблематика рассматривалась многими отечественными и зарубежными и учеными. Давая определение агрессии, ряд исследователей стремятся сделать это на основе изучения поддающихся объективному наблюдению и измерению явлений, чаще всего актов поведения. Например, А. Басс определяет агрессию как «реакцию», в результате которой другой организм получает болевые стимулы, а Уилсон как «физическое действие или угрозу такого действия со стороны одной особи, которые уменьшают свободу или генетическую приспособленность другой особи» [1].

А. Басс и А. Дарки выделяют 5 видов агрессии.

1. Физическая агрессия (физические действия против кого-либо).
2. Раздражение (вспыльчивость, грубость).
3. Вербальная агрессия (угрозы, крики, ругань и т. д.).
4. Косвенная агрессия, направленная (сплетни, злобные шутки) и ненаправленная (крики в толпе, топанье и т. д.).
5. Негативизм (оппозиционное поведение) [4].

Причины агрессии у взрослых можно разделить на несколько групп.

Психосоциальные – низкий социальный статус и уровень жизни, пропаганда насилия в средствах массовой информации, унижения, оскорбления со стороны окружающих.

Поведенческие – неприемлемые поступки, которые затрудняют общение с людьми (бесцельное существование, поступки, вызывающие осуждение, антисоциальное поведение).

Личностные – к агрессии в большей степени склонны раздражительные, легко возбудимые люди, лица, ведущие асоциальный образ жизни, холерики и сангвиники. Другие причины: готовность к риску, низкая или завышенная самооценка, трудности общения, неустроенность, потеря работы, семьи.

Психические заболевания – депрессия, шизофрения, расстройства личности (психопатии), эпилептическая болезнь, неврозы.

Состояния интоксикации на фоне зависимости от алкоголя, наркотических веществ. Употребление психоактивных препаратов нарушает познавательные функции, восприятие, изменяет сознание, двигательную активность и поведение.

Эффект стресса во многом зависит от того, насколько интенсивны требования к приспособительной способности организма. Г. Селье писал: «Неспецифическая адаптационная активность в биологической системе существует всегда, а не только в ситуациях, достигших какого-то критически опасного уровня взаимоотношений со средой, что полная свобода от стресса означает смерть, и в метафорической форме назвал стресс вкусом и ароматом жизни» [5].

Основной индивидуальной характеристикой содержания самого стресса является адаптация или по-другому можно сказать – стрессоустойчивость. В психологическом словаре стрессоустойчивость определяется следующим образом: «набор личностных черт, определяющих устойчивость к различным видам стрессов» [3].

Интересен вопрос о взаимосвязи между уровнем агрессии человека и уровнем стрессоустойчивости. Есть некоторые свидетельства данной корреляции, но точная природа этой связи до конца не изучена и может быть сложной и многогранной. Важно также отметить, что потенциальная взаимосвязь между агрессией и стрессоустойчивостью не означает, что стрессоустойчивость является биологически обусловленным свойством личности. Стрессоустойчивость частично обусловлена врожденностью, частично развивается с течением времени посредством воспитания и обучения, личностного роста и влияния окружающей среды.

Было проведено исследование, целью которого являлся сравнительный анализ агрессивного поведения людей зрелого возраста с разной стрессоустойчивостью. Исследование проводилось на базе научно-практического центра «Акмеологический центр» при ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск. В исследовании приняли участие 34 человека, в возрасте 21–56 лет.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что существуют различия в особенностях агрессивного поведения людей зрелого возраста с разной стрессоустойчивостью.

На первом этапе была осуществлена диагностика уровня стрессоустойчивости людей зрелого возраста. С этой целью был применен тест на определение уровня стрессоустойчивости личности И. А. Усатова. Методика учитывает ресурсы (факторы) стрессоустойчивости, которые обеспечивают способность эффективно справляться со стрессовым воздействием. Опросник насчитывает 38 вопросов, позволяющих оценить уровень стрессоустойчивости. Данные приведены в таблице 1.

У 55,9 % людей зрелого возраста преобладает средний уровень стрессоустойчивости. 20,59 % взрослых людей имеют уровень стрессоустойчивости выше среднего. 11,76 % испытуемых обладают уровнем стрессоустойчивости ниже среднего. Одинаковое количество респондентов имеют высокий (5,88 %) и низкий (5,88 %) уровни стрессоустойчивости.

Далее было организовано эмпирическое изучение уровня агрессивности людей зрелого возраста. Для этого был отобран опросник уровня агрессивности Басса-Перри. В агрессивных проявлениях можно выделить три основных компонента: поведенческий компонент (физическая агрессия); эмоциональный компонент (гнев); когнитивный компонент (враждебность).

Таблица 1

Результаты исследования уровня стрессоустойчивости личности по тесту И. А. Усатова

Уровень стрессоустойчивости	Количество испытуемых	
	Чел.	%
Высокий	2	5,9
Выше среднего	7	20,6
Средний уровень	19	55,9
Ниже среднего	4	11,8
Низкий	2	5,9

Таблица 2

Результаты исследования агрессии людей по опроснику агрессии Басса-Перри

Интегральная шкала уровня агрессии	Количество испытуемых	
	Чел.	%
Высокий	6	17,6
Средний	16	47,06
Низкий	12	35,3

Интегральная шкала – суммарный показатель по всем вопросам трех шкал. Применение опросника позволило выявить данные, представленные в таблице 2.

Данные показывают, что большинство респондентов (47,06 %) имеют средний уровень агрессии. Что означает умеренно выраженную тенденцию к деструктивным реакциям, есть эмоциональная готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (гнев, чувство несправедливости, неудовлетворенности, обиды). Самая малочисленная группа обладает высоким уровнем агрессии (17,65 %), респонденты склонны к сильным реакциям, основанным на негативных чувствах и негативных оценках людей и событий. 35,29 % опрошенных имеют низкий уровень агрессии, что означает отсутствие или незначительную выраженность тенденции к деструктивным реакциям в области межличностных отношений, они не используют физическую силу в отношении другого лица. Результаты диагностики уровня агрессивного поведения в зависимости от стрессоустойчивости представлены в таблице 3.

Согласно распределению респондентов по группам, отмечается, что многие люди с высоким уровнем стрессоустойчивости имеют низкий уровень агрессии. У людей с уровнем стрессоустойчивости выше среднего проявляются средний (14,29 %) и низкий (85,71 %) уровни агрессии. Респонденты со средним уровнем стрессоустойчивости также обладают средним (78,95 %) и низким (21,05 %) уровнями агрессии. Респонденты с уровнями стрессоустойчивости ниже среднего и низким имеют высокий уровень агрессии. Проанализировав полученные результаты и выявив среднее значение уровня агрессии для каждой группы по уровню стрессоустойчивости, мы выявили, что в агрессивном поведении людей зрелого возраста с разным уровнем стрессоустойчивости имеются различия. Для подтверждения их достоверности использовался Н-критерий Крускала – Уоллиса (табл. 4).

Согласно данным таблицы 4, с помощью Н-критерия Крускала – Уоллиса были статистически достоверно подтверждены различия по уровню агрессии у людей зрелого возраста с разным уровнем стрессоустойчивости. Между группами 1–5 существуют различия в уровне стрессоустойчивости ($N_{эмп} = 19,9 > N_{кр}$, при $p \leq 0,01$).

Согласно полученным результатам, выдвинутая гипотеза о том, что существуют различия в особенностях агрессивного поведения людей зрелого возраста с разной стрессоустойчивостью, подтвердилась. Таким образом, люди с уровнями стрессоустойчивости выше среднего и высоким обладают менее агрессивным поведением, чем люди зрелого возраста с уровнями стрессоустойчивости ниже среднего и низким.

Таблица 3

**Распределение людей зрелого возраста
с разным уровнем стрессоустойчивости по уровню агрессии**

Уровень агрессии Интегральная шкала	Группы с различным уровнем стрессоустойчивости									
	1 (высокий)		2 (выше среднего)		3 (средний)		4 (ниже среднего)		5 (низкий)	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Высокий	0	0	0	0	0	0	4	100	2	100
Средний	0	0	1	14,3	15	78,9	0	0	0	0
Низкий	2	100	6	85,7	4	21,05	0	0	0	0

Таблица 4

**Межгрупповые различия в уровне агрессии
людей зрелого возраста с разным уровнем стрессоустойчивости**

Группы респондентов с разным уровнем стрессоустойчивости	Средний ранг	Уровень агрессии по «Интегральной шкале»
Группа 1 (высокий)	6,8	19,9**
Группа 2 (выше среднего)	8,5	
Группа 3 (средний)	17,5	
Группа 4 (ниже среднего)	31,6	
Группа 5 (низкий)	31,3	

** при $p \leq 0,01$ (13,3), при $p \leq 0,05$ (9,5).

Люди действительно различаются по своей стрессоустойчивости и способности контролировать агрессивное поведение. Повышение уровня стрессоустойчивости и развитие навыков управления агрессией играют важную роль в общении, конфликтных ситуациях и общественной жизни в целом. Умение контролировать свои эмоции и реакции помогает строить здоровые отношения, решать проблемы конструктивно и избегать негативных последствий для себя и окружающих, поэтому развитие этих навыков является ключевым элементом личностного роста и успешного взаимодействия в обществе.

Список источников

1. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Понятие агрессии в современной психологии. М. : Политическая энциклопедия, 2014.
2. Ефимова Н. С. Основы общей психологии. М : ФОРУМ; Инфра-М. 2013.
3. Зинченко В. П. Психологический словарь М. : Астрель, 1999.
4. Методы психологической диагностики агрессивности школьников / сост. Л. В. Шипова. Саратов, 2016.
5. Селье Г. Биологические корни нашего кодекса. Стресс без дистресса. М. : Академия, 1979. С. 104–109.
6. Усатов И. А. Авторская методика «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 681–685.
7. Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. М. : Наука, 1989.

References

1. Enikolopov, S. N., Kuznetsova, Yu. M. & Chudova, N. V. 2014, *The concept of aggression in modern psychology*, Moscow.
2. Efimova, N. S. 2013, *Fundamentals of general psychology*, Scientific Research Center Infra-M, Moscow.
3. Zinchenko, V. P. & Meshcheryakova, B. G. 1999, *Psychological Dictionary*. Moscow.
4. Shipova, L. V. (comp.) 2016, *Methods of psychological diagnostics of schoolchildren's aggressiveness*, Saratov.
5. Selye, G. 1979, *Biological roots of our code. Stress without distress*, pp. 104–109, Moscow.

6. Usatov, I. A. 2016, 'Author's methodology "Test to determine the level of stress resistance of an individual"', *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, pp. 681–685.

7. Freud, S. 1989, *Introduction to psychoanalysis: lectures*. Moscow.

Информация об авторах

Н. Ф. Сухарева – кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и прикладной психологии;

А. П. Тимошенко – студентка факультета психологии и дефектологии.

Information about the authors

N. F. Sukhareva – PhD (Psychology), associate professor of the Department of special and applied psychology;

A. P. Timoshenko – student at the Faculty of psychology and defectology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 01.06.2024.

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 01.06.2024.

Научная статья
УДК 159.922.7

ВЛИЯНИЕ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ НА АГРЕССИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕБЕНКА

Аксана Николаевна Яшкова¹, Светлана Анатольевна Карюхина², Мария Николаевна Карюхина³

^{1, 2, 3} Мордовский государственный педагогический университет, г. Саранск, Россия

¹ yashkovaan@mail.ru

² 033svetik@gmail.com

³ 01marimai@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются типы родительского отношения и личностное становление ребенка в условиях семьи. С целью изучения взаимосвязи родительского отношения и агрессии детей проведено пилотное эмпирическое исследование. В нем принимали участие родители и их дети школьного возраста. Основным методом был опрос с использованием опросника Л. Г. Почебут и тест-опросника А. Я. Варги, В. В. Столина. Взаимосвязь родительского отношения и агрессии детей измерялась коэффициентом ранговой корреляции Спирмена. Сделаны выводы о родительском отношении как одном из факторов развития личностных качеств ребенка. Описываются результаты опроса родителей и детей. Полученные эмпирические данные позволяют родителям оценить влияние их отношения на развитие личности детей, а педагогам и психологам использовать полученные данные при работе с семьями.

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, родители, школьный возраст, родительские отношения

Для цитирования

Яшкова А. Н., Карюхина С. А., Карюхина М. Н. Влияние родительского отношения на агрессивные тенденции ребенка // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 3(04). С. 42–48.

Original article

THE IMPACT OF PARENTAL ATTITUDE ON THE AGGRESSIVE TENDENCIES OF THE CHILD

Oksana Nikolaevna Yashkova¹, Svetlana Anatolyevna Karyukhina², Maria Nikolaevna Karyukhina³

^{1,2,3} Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia

¹ yashkovaan@mail.ru

² 033svetik@gmail.com

³ 01marimai@gmail.com

Abstract. The article analyzes the types of parental relationships and the personal development of a child in a family environment. In order to study the relationship between parental attitude and aggression of children a pilot empirical study was conducted. Parents and their school-age children took part in it. The leading method was a survey using a questionnaire by L. G. Pochebut and a test questionnaire by A. Ya. Varga, V. V. Stolin. The relationship between parental attitude and aggression of children was measured by Spearman's rank correlation coefficient. Conclusions are drawn about parental attitude as one of the factors in the development of a child's personal qualities. The results of the survey of parents and children are described. The empirical data obtained allow parents to think about the impact of their relationship on the development of children's personality, and teachers and psychologists to use them when working with families.

Keywords: aggression, aggressiveness, parents, school age, parental relationships

For citation

Yashkova, A. N., Karyukhina, S. A. & Karyukhina, M. N. 2024, 'The impact of parental attitude on the aggressive tendencies of a child', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(04), pp. 42–48.

Современная действительность резюмирует факт роста численности детей, отличающихся агрессивным поведением. Это связано с наличием большого количества программ и видеороликов с агрессивной составляющей в СМИ и Интернете, возрастанием проявления напряженности и враждебности в окружающем мире, а также кризисом института семьи.

За последнее время прирост численности разводов привел к привлечению в воспитательный процесс подрастающего поколения бабушек и дедушек или наемного персонала, возникновению неполных и дисфункциональных семей. Кроме того, серьезная финансовая нагрузка и недостаток общения родителей с детьми выступают основанием проблемы взаимопонимания внутри семьи. Стоит также отметить дефицит объективных психолого-педагогических знаний и умений родителей.

Отношения «родители-дети» всегда являлись одной из центральных тем в психологии. Многие авторы (Л. Я. Глозман [1], Е. В. Соловьева [2], З. Матейчек [3] и др.) утверждают, что опыт семейных отношений есть фундамент для развития личностных

качеств ребенка, особенно связанных с агрессивным поведением. Это объясняется природными тенденциями агрессии, которая имеет биологическое начало в психике человека и при негативных условиях среды (воспитания) стимулируется для выполнения защитной функции.

Отрицательное воздействие семейных взаимоотношений, которые создают и подкрепляют агрессию как стереотип поведенческой реакции, может осуществляться при следующих условиях воспитания в семье: ошибочный стиль воспитания, отсутствие знаний у родителей психологических особенностей своих детей, конфликтность внутрисемейных связей, наличие физического или морального насилия, отсутствие взаимоуважения, присутствие аддикций у членов семьи [4, 5].

В семье взрослые пользуются как народным так и научным опытом воспитания детей и получается, что каждый родитель воспитывает ребенка так, как ему это удастся. Большинство родительских позиций имеет в основе любовь к ребенку, которая часто сопровождается недостаточностью психолого-педагогических знаний, дефицитом понимания генезиса возрастного развития психики, отсутствием арсенала педагогических умений, способных помочь ребенку благополучно психологически проходить этапы становления личности.

В исследованиях А. Я. Варга и В. В. Столин определили следующие типы отношений «родитель-ребенок», где видны оттенки воспитательного процесса [3]. Рассмотрим их.

«Принятие – отвержение», которое характеризует биполярное эмоциональное отношение к ребенку. Отвержение говорит о том, что родитель негативно относится к ребенку, считает его проблемным. При этом он испытывает негативные эмоции (злобу, раздражение), отсутствие доверия и уважения. Принятие же свидетельствует о том, что родителю ребенок нравится таким, какой он есть. Он уважает его неповторимость, поддерживает его планы и интересы, благосклонен к его решениям и поведению.

«Кооперация» как тип родительского отношения отражает социально востребованный образ отношения родителей к ребенку, который они чаще демонстрируют для окружающих. В данном случае родитель выступает в роли советчика и помощника, поощряет самостоятельность и инициативу ребенка. Он также может высоко оценивать интеллектуальную и творческую деятельность, стараться помочь в спорных ситуациях своему ребенку.

«Симбиоз» характеризуется как сензитивный межличностный контакт с ребенком. Родитель испытывает постоянное чувство тревожности за него, оберегает его, ограждает от рисков неуспеха и создает ситуации безопасности. Такой ребенок испытывает постоянную заботу и вмешательство в свои личные интересы со стороны родителей.

«Авторитарная гиперсоциализация» отражает тип родительского отношения, где взрослый требует безоговорочного послушания и дисциплины со стороны ребенка. Данные родители пристально следят за его социальными достижениями, навязывают ребенку свою точку зрения, применяют повышенный контроль за его образом жизни, внешнем виде и любых других действиях.

«Маленький неудачник» проявляется в предвзятом отношении родителей к ребенку, где его интересы и увлечения, мысли и чувства кажутся несерьезными и не имеющими перспективы. В родительском отношении появляется стремление инфантилизировать ребенка, увидеть его неудачи и дать критическую оценку его активности.

Позиции родителей в воспитании являются определенным типом поведения, который они демонстрируют по отношению к ребенку. Конечно, данная демонстрация долж-

на содержать минимум агрессии, так как наличие научения по подражанию и образцу никто научно не опровергал. Агрессивным реакциям можно научиться, если они слабо выражены или для них не были созданы условия для тренировки.

В рамках позиции Г. Б. Корнетова, родители могут иметь педагогический авторитет, который оказывает положительное или негативное воздействие на ребенка [6]. В глазах ребенка любой родитель – это значимое лицо, особенно в раннем и дошкольном возрасте, когда закладываются линии развития личности.

Кроме этого, не все родители видят индивидуальные особенности ребенка и необходимость гибкого поведения для сохранения педагогического авторитета. Это отражается на их специфическом, порой не объективном, восприятии своего ребенка, его социального поведения, в том числе уровня и качества агрессии [7].

С целью изучения связи типа родительского отношения и агрессии детей школьного возраста было организовано пилотное эмпирическое исследование. Опытнo-экспериментальной базой являлась МБОУ «Средняя школа № 58» (г. Арзамас, Нижегородская область). В качестве испытуемых были выбраны учащиеся 5 класса в возрасте 11–12 лет (в количестве 30 человек) и их родители. Были использованы диагностические методики: тест агрессивности (опросник Л. Г. Почебут), тест-опросник родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин), а также метод математической статистики – коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Рассмотрим эмпирические данные. Показатели по опроснику Л. Г. Почебут представлены на рисунке 1. Они позволили увидеть преобладающие виды агрессии школьников. Из рисунка 1 следует, что преобладающим видом агрессии является эмоциональная агрессия (30 %). Треть школьников демонстрируют чаще негативные и неприятные для окружающих эмоции, которые наносят моральный ущерб другому человеку. В меньшей степени респонденты пользуются предметной агрессией (10 %), которая свойственна младшим подросткам и проявляют ее они через порчу школьных предметов, одежды и других вещей окружающих. Физическую агрессию часто используют 17 % опрошенных, и говорит она о богатом, смелом, устойчивом опыте применения различного рода физических действий в отношении другого человека для нанесения вреда.

Близки по значениям показатели вербальной агрессии (23 %) и самоагрессии (20 %). Первая характерна для школьников, так как они уже хорошо владеют речью, и с помощью вербальных средств и смыслов у них легко получается отстаивать или защищать себя. Самоагрессия свойственна, возможно, детям, у которых в опыте стоят запреты на внешнее выражение агрессии или она является инструментом для снятия собственного внутреннего напряжения (показатель значительный и тревожный для оценки психологического здоровья этих респондентов).

Эмпирические данные по тест-опроснику родительского отношения указаны на рисунке 2, где преобладающий тип родительских отношений – «Авторитарная гиперсоциализация», составляющий 37 %. Треть респондентов оказались родителями, которые отличаются требовательностью к своему ребенку, повышенным контролем его успехов, мыслей и чувств. В меньшей степени выражены «Симбиоз» (7 %) и «Кооперация» (10 %), что в подростковом возрасте дает неоднозначную оценку психического развития: излишнее внимание со стороны родителей дает необходимый контроль за развитием подростка и в то же время может вызывать эмоциональное пресыщение и напряжение ребенка от включенности родителей в его жизнь.

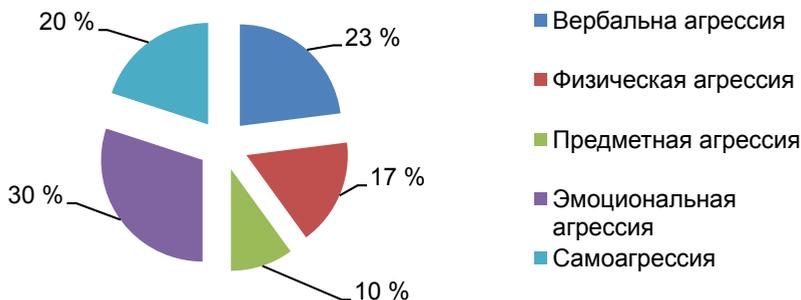

Рис. 1. Обобщенные данные по видам агрессии школьников (по опроснику Л. Г. Почебут)

Рис. 2. Обобщенные данные по типам родительского отношения (по тесту-опроснику родительского отношения А. Я. Варга, В. В. Столин)

В выборке обозначены типы родительского отношения «маленький неудачник» – 20 %, «принятие – отвержение» – 26 %, которые дают понять, что их наличие возможно связано с податливостью детей или какими-то неоправданными ожиданиями родителей.

С помощью математического метода вторичной обработки данных было проверено, проявляется ли агрессивное поведение у детей при таких типах родительского отношения и связано ли оно с конкретным отношением взрослых. Был применен коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Данный критерий дает возможность понять силу и направление корреляционной связи между двумя доминантами или двумя профилями (иерархиями) доминантов (в нашем случае – родительское отношение и виды агрессии детей). Результаты подсчетов представлены в таблице 1.

В таблице 1 имеются разнообразные значения, но значимая взаимосвязь установлена между типом родительских отношений «маленький неудачник» и физической агрессией ($r_s = -0,446$), обратного характера. Это свидетельствует о том, что ребенок сдерживает физические проявления разрушающего характера. Он терпеливо выдерживает стремление родителей оградить его от любых трудностей и опасностей, внешне соглашается с решениями взрослых. В результате такого типа родительского отношения, как правило, формируется зависимая, безынициативная, неуверенная в себе личность ребенка. Он становится зависимым от мнения окружающих, особенно от родителей, и физически данному фактору не противостоит. Но это не исключает проявление в поведении ребенка вербальной, эмоциональной, предметной и другой агрессии.

Таблица 1

Взаимосвязь типа родительского отношения и видов агрессии

Тип родительского отношения	Вид агрессии, r				
	Вербальная агрессия	Физическая агрессия	Предметная агрессия	Эмоциональная агрессия	Само-агрессия
Маленький неудачник	-0,344	-0,446*	-0,101	-0,258	-0,009
Принятие – отвержение	-0,086	0,331	0,284	0,242	-0,089
Кооперация	-0,096	-0,063	-0,106	-0,119	0,205
Симбиоз	-0,139	-0,028	-0,055	-0,164	0,003
Авторитарная гиперсоциализация	0,033	-0,077	-0,071	0,114	-0,117

Кроме этого, можно сделать вывод о том, что типы родительского отношения не всегда имеют ведущее влияние на закрепление агрессивности или стимулирование агрессивного поведения ребенка, поэтому можно говорить о родительском отношении как одном из факторов воспитания личности ребенка.

В заключение отметим, что важно не бояться признаваться в своих сомнениях и проблемах в воспитании детей, исправлять (если это возможно) допущенные родительские ошибки. Главное помнить, что воспитание – это не только ответственность, но и возможность для личностного роста и развития как ребенка, так и самого родителя.

Список источников

1. Глозман Л. Я. Патология общения и личность. М., 2000.
2. Соловьева Е. А. Психология семьи и семейного воспитания. М.: Юрайт, 2021.
3. Матейчек З. Родители и дети. М., 1992.
4. Горелова О. А., Сухарева Н. Ф. Формирование конструктивных детско-родительских отношений в семье // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. 2021. № 1. С. 62–68. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48163851> (дата обращения: 04.04.2024).
5. Самосадова Е. В., Карюхина М. Н. Агрессивность детей младшего школьного возраста // Интеграция науки и образования в XXI веке. 2023. С. 15.
6. Корнетов Г. Б. К вопросу о педагогическом авторитете // Векторы психолого-педагогических исследований. 2023. № 1(01). С. 18–32.
7. Яшкова А. Н., Карюхина С. А. Представления родителей об агрессии своего ребенка // Детство, открытое миру: сб. материалов XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск : Омский государственный педагогический университет. 2024. С. 97–99.

References

1. Glozman, L. Ya. 2020, *Pathology of communication and personality*. Moscow.
2. Solovyova, E. A. 2021, *Psychology of family and family education*. Moscow.
3. Matejcek, Z. 1992, *Parents and children*. Moscow.
4. Gorelova, O. A. & Sukhareva, N. F. 2021, 'Formation of constructive child-parent relations in the family', *Actual problems and prospects of development of modern psychology*, iss. 1, pp. 62–68. viewed 4 April 2024, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48163851>.
5. Samosadova, E. V. & Karyukhina, M. N. 2023, 'Aggressiveness of primary school children',

Integration of science and education in the XXIth century, p. 15.

6. Kornetov, G. B. 2023, 'On the question of pedagogical authority', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 1(01), pp. 18–32.

7. Yashkova, A. N. & Karyukhina, S. A. 2024, 'Parents' ideas about their child's aggression', in *XIV All-Russian scientific and practical conference with international participation "Childhood, open to the world": collection of materials*, pp. 97–99, Omsk.

Информация об авторах

А. Н. Яшкова – кандидат психологических наук, доцент;

С. А. Карюхина – старший преподаватель;

М. Н. Карюхина – студентка факультета психологии и дефектологии.

Information about the authors

A. N. Yashkova – PhD (Psychology), associate professor;

S. A. Karyukhina – senior lecturer;

M. N. Karyukhina – student of the Faculty of psychology and defectology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 11.05.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 11.05.2024.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научная статья
УДК 159.9:343.8

ОСОБЕННОСТИ ИМПУЛЬСИВНОСТИ И ВОЛЕВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ

Надежда Александровна Цветкова¹

¹ Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Россия, tsvetkovana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>

Аннотация. Статья содержит результаты эмпирического исследования, целью которого стало выявление особенностей импульсивности и волевой саморегуляции у подозреваемых и обвиняемых мужского пола, содержащихся под стражей в следственном изоляторе, в зависимости от их возраста и наличия судимости. Совокупная выборка, состоящая из 137 испытуемых, сначала была разделена на три возрастные группы (мужчины от 23 до 30 лет; 31 – 45 лет; 46 – 60 лет), а затем на две группы: на группу мужчин, впервые получивших статусы подозреваемых и обвиняемых и группу мужчин, ранее имевших их (были судимы). Показано, что доля импульсивных испытуемых в трех возрастных группах не превысила 10 % и этот факт следует рассматривать как благоприятный; общий уровень волевой саморегуляции подозреваемых и обвиняемых является умеренным, а в старшей возрастной группе его показатель несколько превышает средний уровень то есть саморегуляция связана с возрастом и имеет тенденцию роста по мере его увеличения. Отмечено, что во всех исследуемых группах подозреваемых и обвиняемых показатели настойчивости – структурного компонента волевой саморегуляции достоверно выше показателей самообладания, при этом доли испытуемых с низким уровнем обоих компонентов волевой саморегуляции достоверно меньше в старшей возрастной группе. Констатируются значимые, связанные с возрастом межгрупповые различия по показателям самообладания и менее значимые по показателю общего уровня волевой саморегуляции. Обращено внимание на то, что сравнительный анализ показателей импульсивности и волевой саморегуляции подозреваемых и обвиняемых мужского пола, содержащихся в следственном изоляторе, впервые и повторно получивших эти статусы, не выявил достоверные межгрупповые различия. Рекомендуется продолжить разработку данной темы на более репрезентативной выборке.

Ключевые слова: подозреваемые и обвиняемые мужского пола, следственный изолятор, импульсивность, волевая саморегуляция, настойчивость, самооб-

© Цветкова Н. А., 2024

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

бладание, возрастные особенности импульсивности, возрастные особенности волевой саморегуляции, межгрупповые различия

Для цитирования

Цветкова Н. А. Особенности импульсивности и волевой саморегуляции подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственном изоляторе // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 2(03). С. 49–59.

PSYCHOLOGICAL SCIENCE AND PRACTICE

Original article

FEATURES OF IMPULSIVITY AND VOLITIONAL SELF-REGULATION OF SUSPECTS AND ACCUSED, HELD IN A PRE-TRIAL DETENTION CENTER

Nadezhda Alexandrovna Tsvetkova¹

¹ Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, tsvetkovana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>

Abstract. The article contains the results of an empirical study aimed at identifying the characteristics of impulsivity and volitional self-regulation in male suspects and accused persons detained in a pre-trial detention center due to their age and criminal record. The cumulative sample, consisting of 137 subjects, was first divided into three age groups (men from 23 to 30 years old; 31 – 45 years old; 46 - 60 years old), and then into two groups – a group of men who received the status of suspects and accused for the first time, and a group of men who previously had them (were convicted). It is shown that the proportion of impulsive subjects in three age groups did not exceed 10 % and this fact should be considered favorable; the overall level of volitional self-regulation of suspects and accused is moderate, and in the older age group its indicator slightly exceeds the average level; their self-regulation is age-related and tends to increase as it increases. It was noted that in all the studied groups of suspects and accused, the indicators of perseverance, a structural component of volitional self-regulation, were significantly higher than the indicators of self-control, while the proportion of subjects with a low level of both components of volitional self-regulation was significantly lower in the older age group. There are highly significant age-related differences between the groups in terms of self-control and less significant in terms of the overall level of volitional self-regulation. Attention is drawn to the fact that a comparative analysis of the indicators of impulsivity and volitional self-regulation of male suspects and accused held in a pre-trial detention facility, who received these statuses for the first time and repeatedly, did not reveal significant intergroup differences. It is recommended to continue the development of this topic on a more representative sample.

Keywords: male suspects and accused, pre-trial detention center, impulsivity, volitional self-regulation, perseverance, self-control, age-related features of impulsivity, age-related features of volitional self-regulation, intergroup differences

For citation

Tsvetkova, N. A. 2024, 'Features of impulsivity and volitional self-regulation of suspects and accused held in a pre-trial detention center', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(04), pp. 49–59.

Введение

Актуальность изучения импульсивности и волевой саморегуляции у подозреваемых и обвиняемых, заключенных под стражу в следственный изолятор, аргументируется значимостью этих личностных характеристик в качестве предикторов совершения преступления, суицида в условиях содержания под стражей, а также рецидивной преступности.

Под импульсивностью понимается личностная черта, в силу которой индивид вдруг принимает какое-то жизненно важное решение, не отдавая себе отчета, для чего и кого он это делает и какие последствия повлечет за собой [3, 5, 10]. В качестве признаков импульсивности чаще всего указываются бездумность, дефицит настойчивости, стремление получать острые ощущения, безотлагательность действий [1, 2, 10]. «Есть более и менее импульсивные лица и те, для кого это состояние является серьезной психосоциальной проблемой, поскольку влечет за собой крайне неприятные последствия как для самого человека, так и для других людей» [7].

Альтернативу импульсивности составляют настойчивость и целеустремленность в характере, а также самоконтроль и волевая саморегуляция. Человек с высокой импульсивностью, если и склонен к построению перспективных жизненных планов, то не способен их реализовывать; отличается от большинства окружающих его людей неустойчивостью интересов и увлечений.

Формирование импульсивности обуславливают различные причины – черепно-мозговые травмы в детстве, психическое заболевание, генетическая предрасположенность, детство в окружении импульсивных людей [2, 14, 15]. Она с трудом поддается коррекции, если ее появление вызвано совокупностью причин. Тем не менее, во всех случаях для снижения ее уровня показано развитие целеполагания и такого жизненно важного умения, как планирование [7].

Понятие «волевая саморегуляция» в психологии обозначает процесс сознательного управления человеком собственным поведением, общением с другими людьми и взаимодействием с ними, в основе которого лежит его способность к управлению своей познавательной активностью, вниманием, мышлением и памятью [11, 19].

Анализ научных публикаций, тем или иным образом касающихся этих характеристик у мужчин, впервые и повторно получивших статусы подозреваемых и обвиняемых и по этой причине оказавшихся под стражей в СИЗО, показывает, во-первых, что они немногочисленны; во-вторых, авторы чаще рассматривали их по отдельности, чем как взаимосвязанные черты личности.

Импульсивность принято считать практически обязательным личностным фактором суицидального риска [4, 8, 9], а слабо развитую волевую саморегуляцию – предпосылкой аддиктивного поведения (алкоголизма, наркомании и др.) [1, 3] и рецидивной преступности [6].

Еще в 1926 г. С. В. Позднышев, характеризуя преступные типы личности, писал об импульсивных преступниках: «О моральной и социальной оценке поступка они не думали и не думают, или начинают думать, уже сидя в исправительном доме. Лично для них невыгодных последствиях поступка, о суде, наказании, разлуке с семьей и т. д., они, в мо-

мент преступления, или также вовсе не думали или относились к ним индифферентно, а еще чаще легкомысленно надеялись, что им удастся ускользнуть от глаз правосудия и остаться нераскрытыми. В этой надежде их нередко укрепляла слепая вера в предусмотрительность и ловкость их более опытных товарищей: последние-де, как люди бывалые, «деловые», знают уже, как все так устроить, чтобы сухими выйти из воды. Поразительно легко и быстро иногда такие люди решаются вступить на преступный путь» [13].

Из публикаций современных ученых выделим несколько работ, составивших теоретическую основу эмпирического исследования, результаты которого представлены в этой статье. Что касается изучения импульсивности, то это статьи Д. А. Автономова «Место импульсивности в клинике наркологии» [1]; И. В. Дубатовой и А. В. Анцыборова «Роль импульсивности и расстройств импульсивного контроля в формировании аддиктивных расстройств» [3]; Ф. С. Сафуанова в соавторстве «Патохарактерологические особенности психически здоровых лиц, склонных к импульсивной агрессии» [14], а также два исследования, выполненных зарубежными авторами, которые показали роль настроения и интерпретации ситуации в совершении импульсивного поступка [16], охарактеризовавших связь импульсивности, импульсивной агрессии и пограничных черт личности [18].

Что касается исследования волевого самоконтроля, то это научный труд Г. С. Никифорова «Психология самоконтроля» [11]; публикация О. Ю. Осиповой и О. С. Матвеевой об особенностях самоконтроля осужденных мужского пола [12]; статья И. Н. Коноплевой в соавторстве, посвященная особенностям саморегуляции у осужденных-рецидивистов [6]. Идея связать импульсивность и волевую саморегуляцию с возрастом подозреваемых и обвиняемых, впервые и повторно оказавшихся под стражей в СИЗО, возникла благодаря статье Л. И. Дементий [2]. Таким образом, в ходе теоретического анализа научной литературы была обнаружена недостаточная изученность особенностей импульсивности и волевой саморегуляции у подозреваемых и обвиняемых мужского пола, содержащихся в следственном изоляторе. Именно их изучение и стало целью исследования.

Методы

Эмпирический материал собран в период 2022–2023 гг. в следственных изоляторах г. Москвы. Совокупная выборка включала 137 подозреваемых и обвиняемых, которые были разделены на три возрастные группы: группа мужчин в возрасте от 23 до 30 лет (ср. арифм. – 27) – 50 чел. (36,5 %); группа мужчин в возрасте от 31 до 45 лет (ср. арифм. – 39) – 50 чел. (36,5 %); группа мужчин 46–60 лет (ср. арифм. – 51) – 37 чел. (27,0 %). Эта совокупная выборка в процессе анализа эмпирического материала была разделена на две группы: группа подозреваемых и обвиняемых, впервые получивших эти статусы, – 73 чел. (ср. арифм. показатель возраста – 36); группа мужчин, ранее имевших их эти статусы (судимые), – 64 чел. (ср. арифм. показатель возраста – 48).

При подборе методик психодиагностики и методов математико-статистической обработки данных применялись «Автоматизированное рабочее место пенитенциарного психолога» (версия 9.1.0), а также программы Statistica (версия 10.0). В качестве основного метода исследования использовалось психологическое тестирование по двум методикам: 1) методика «Импульсивность» В. Б. Никишиной; 2) опросник А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции».

Результаты

1. Особенности импульсивности

В таблице 1 приведены полученные данные, позволяющие отметить некоторые тенденции в проявлении исследуемой характеристики.

По данным таблицы 1 в выборке доля импульсивных испытуемых не превышает 10 % ни в одной из трех возрастных групп, а показатели импульсивности подозреваемых и обвиняемых с возрастом снижаются. В целом импульсивность не характерна для подозреваемых и обвиняемых 45–60 лет (ее показатель не достигает границы среднего уровня), тем не менее доля лиц с ее высоким уровнем в этой группе присутствует (6 %).

Таблица 1

Распределение подозреваемых и обвиняемых мужского пола трех возрастных групп по уровням импульсивности и их групповые показатели

Импульсивность подозреваемых и обвиняемых мужского пола трех возрастных групп	Уровни импульсивности и ее групповые показатели						
	Высокий (80–66 баллов)		Средний (65–35 баллов)		Низкий (34 и менее баллов)		Групповые показатели
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	
I – Импульсивность мужчин в возрасте до 30 лет	5	10,0	31	62,0	14	28,0	38,08
II – Импульсивность мужчин в возрасте 31–45 лет	1	2,0	28	56,0	21	42,0	35,42
III – Импульсивность мужчин в возрасте 45–60 лет	3	6,0	30	60,0	17	34,0	33,88

Таблица 2

Распределение подозреваемых и обвиняемых мужского пола трех возрастных групп по уровням волевой саморегуляции и их групповые показатели

Волевая саморегуляция	Уровни волевой саморегуляции и ее групповые показатели (максимальное значение – 24 балла по общему уровню)						
	Высокий		Средний		Низкий		Групповые показатели
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	
I – Общий уровень волевой саморегуляции мужчин в возрасте до 30 лет:	9	18,0	30	60,0	11	22,0	13,84
Настойчивость	4	8,0	35	70,0	11	22,0	8,48
Самообладание	0	0	16	32,0	34	68,0	5,36
II – Общий уровень волевой саморегуляции мужчин в возрасте 31–45 лет:	15	30,0	33	66,0	12	24,0	15,20
Настойчивость	6	12,0	32	64,0	12	24,0	8,72
Самообладание	0	0,0	23	46,0	27	54,0	6,48
III – Общий уровень волевой саморегуляции мужчин в возрасте 46–60 лет	19	51,4	17	45,9	1	2,7	18,92
Настойчивость	6	16,2	29	78,4	2	5,4	10,60
Самообладание	0	0,0	27	73,0	10	27,0	8,32

2. Особенности волевой саморегуляции

В ходе исследования были получены данные относительно общего уровня волевой саморегуляции подозреваемых и обвиняемых трех возрастных групп, а также ее частных структурных компонентов. Их содержит приведенная таблица 2.

Комментируя данные таблицы 2, отметим что доля лиц с высоким общим уровнем волевой саморегуляции увеличивается с возрастом (если в группе мужчин до 30 лет она равна 18,0 %, то в группе 46–60-летних подозреваемых и обвиняемых она составляет более 50 %); групповые показатели волевой саморегуляции также говорят о том, что эта характеристика личности тесно связана с возрастом (показатель группы 46–60-летних подозреваемых и обвиняемых относится к области высоких значений, хотя и далек от максимально возможного); показатели двух структурных компонентов волевой саморегуляции – настойчивости и самообладания свидетельствуют, что во всех трех группах первые явно преобладают над вторыми как по процентным долям в группах, так и по групповым показателям. При этом обращает на себя внимание тот факт, что ни в одной из исследуемых групп не выявлены лица, имеющие высокие показатели самообладания, тогда как доля высоко настойчивых лиц с возрастом увеличивается в каждой из них. Доли подозреваемых и обвиняемых с низким уровнем как настойчивости, так и самообладания относительно двух других групп меньше в самой старшей по возрасту группе (первая – 5,4 %, вторая – 27,0 %).

Межгрупповые различия в показателях импульсивности и волевой саморегуляции подозреваемых и обвиняемых устанавливались путем сравнения трех возрастных групп между собой одновременно при помощи *H*-критерия Крускала-Уоллиса. Результаты приведены ниже в таблице 3.

Данные таблицы 3 свидетельствуют о наличии достоверных различий между всеми тремя возрастными группами, в первую очередь, по шкале самообладания ($H = 13,576$ при $p \leq 0,001$), причем этот показатель значительно качественно растет с возрастом. Чуть менее значимы различия групп по показателю общего уровня волевой саморегуляции ($H = 11,979$ при $p \leq 0,003$), но тенденция его роста по мере увеличения возраста тоже присутствует.

Что касается настойчивости, то она имеет лишь тенденцию к значимым различиям ($H = 7,607$ при $p \leq 0,022$) период поздней зрелости отличается качественным скачком,

Таблица 3

Результаты определения достоверности и значимости межгрупповых различий

Исследуемые характеристики	Достоверность различий	
	<i>H</i>	<i>p</i>
Импульсивность	2,468	0,291
Общий уровень волевой саморегуляции	11,979**	0,003
Настойчивость	7,607*	0,022
Самообладание	13,576***	0,001

* $p \leq 0,05$ (статистически значимый уровень), ** $p \leq 0,01$ (высокий уровень значимости), *** $p \leq 0,001$ (очень высокий уровень значимости)

в то время как между группами средней зрелости и молодых мужчин существенных различий по этой личностной характеристике нет. Здесь возникает вопрос: Чем объясняется этот результат – особенностями возрастного этапа или неравномерной динамикой исследуемого признака?

Межгрупповые различия не обнаружены при сравнении показателей импульсивности. Вполне вероятно, что возраст не имеет особого значения для ее прогноза (у подозреваемых и обвиняемых любого возраста она может быть высокой или, что встречается чаще, умеренной, либо низкой).

На следующем этапе эмпирического исследования совокупная выборка подозреваемых и обвиняемых мужчин, содержащихся под стражей в СИЗО, была дифференцирована на группу лиц, впервые получивших эти статусы, и группу ранее судимых лиц, то есть получивших их повторно. Это дало возможность сравнить показатели их импульсивности и волевой саморегуляции, используя U-критерий Манна-Уитни, с учетом данного межгруппового различия (табл. 4).

Судя по полученному результату, достоверные различия в показателях импульсивности и волевой саморегуляции между двумя группами, различающимися по наличию судимости, отсутствуют, а это означает, что опыт пребывания в СИЗО не меняет уровня исследуемых признаков.

Обсуждение

Проведенное исследование позволяет обсудить следующие результаты:

1) доля импульсивных подозреваемых и обвиняемых не превысила 10 % ни в одной из трех возрастных групп, при этом обнаружено, что импульсивность менее характерна для мужчин старшей возрастной группы. Не удалось найти статистических данных по российской выборке населения, чтобы провести сравнение. Однако в исследовании зарубежных коллег, проведенном на большой выборке населения в США, отмечается, что импульсивность характерна для 17 % людей, особенно для мужчин, и она связана с широким спектром личностных расстройств, проявляющихся отсутствием планирования, дефицитом внимания, расторможенностью поведения (драки, кражи, домашнее насилие, самоповреждение, парасуициды, рискованное вождение транспорта и др.) [17];

Таблица 4

Результаты сравнительного анализа показателей импульсивности и волевой саморегуляции подозреваемых и обвиняемых мужского пола, содержащихся в СИЗО, впервые и повторно получивших эти статусы

Исследуемые характеристики	Сравниваемые группы		Достоверность различий	
	Группа лиц, впервые получивших статусы подозреваемых и обвиняемых	Группа лиц, повторно получивших статусы подозреваемых и обвиняемых	U	P
Импульсивность	36,3	35,1	2199,5	0,579
Общий уровень волевой саморегуляции	17,00	15,80	2186,0	0,537
Настойчивость	10,32	9,20	2239,5	0,694
Самообладание	6,68	6,64	2200,5	0,542

2) общий уровень волевой саморегуляции подозреваемых и обвиняемых связан с их возрастом и имеет тенденцию роста по мере его увеличения (если у мужчин до 30 лет и мужчин в возрасте 31–45 лет он умеренный, то его показатель в старшей возрастной группе выше среднего, хотя и далек от максимально возможного);

3) во всех трех группах подозреваемых и обвиняемых показатели настойчивости достоверно выше показателей самообладания. Доли подозреваемых и обвиняемых с низким уровнем обеих характеристик достоверно меньше в старшей возрастной группе;

4) значимые достоверные межгрупповые различия выявлены по показателям самообладания, которые увеличиваются с возрастом; менее значимые – по показателю общего уровня волевой саморегуляции, который тоже увеличивается по мере взросления;

5) в ходе сравнительного анализа показателей импульсивности и волевой саморегуляции подозреваемых и обвиняемых мужского пола, содержащихся в СИЗО, впервые и повторно получивших эти статусы, не удалось выявить достоверные межгрупповые различия. Из этого можно сделать вывод о том, что опыт пребывания в СИЗО не меняет уровни исследуемых признаков, их изменение теснее связано с возрастом.

Заключение

Полученный результат хоть и является полезным для пенитенциарных психологов, однако не означает ослабления актуальности дальнейшей разработки этой темы. Например, целесообразно получить данные на более репрезентативной совокупной выборке, в частности, увеличив выборку подозреваемых и обвиняемых, отнесенных к старшей возрастной группе (с опытом пребывания в СИЗО и без него).

В ходе исследования в структуре волевой саморегуляции подозреваемых и обвиняемых выявлено достоверное преобладание показателей настойчивости над самообладанием. Такая диспропорция выступает предпосылкой межличностных конфликтов с сокамерниками. Следовательно, самообладание подозреваемых и обвиняемых может выступать мишенью психокоррекционной работы в СИЗО, а его гармонизация с настойчивостью будет способствовать профилактике суицидов в их среде.

Список источников

1. Автономов Д. А. Место импульсивности в клинике наркологии // Научно-практический журнал «Наркология». 2018. № 1. С. 48–53.

2. Дементий Л. И. Возрастные особенности самоконтроля, импульсивности и агрессивности школьников // Омский государственный университет. Омск, 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastnye-osobennosti-samokontrolya-impulsivnosti-i-agressivnosti-shkolnikov> (дата обращения: 03.08.2024).

3. Дубатова И. В., Анцыборов А. В. Роль импульсивности и расстройств импульсивного контроля в формировании аддиктивных расстройств // Интерактивная наука. 2019. № 6(40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-impulsivnosti-i-rasstroystv-impulsnogo-kontrolya-v-formirovanii-addiktivnyh-rasstroystv> (дата обращения: 03.08.2024).

4. Зотов П. Б. Суицидальное поведение заключенных под стражу и осужденных // Суицидология. 2017. № 2(27). С. 60–69.

5. Колесникова Н. Е., Михайлова Ю. А., Прокурова С. В. Социально-психологические черты личности женщин-осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 3(82). URL: <https://cyberleninka.ru>.

ru/article/n/sotsialno-psihologi cheskie-cherty-lichnosti-zhenschin-osuzhdennyh-otbyvayuschih-nakazaniya-bez-izolyatsii-ot-obschestva (дата обращения: 03.08.2024).

6. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве / И. Н. Коноплева [и др.] // Психология и право. 2022. Т. 12. № 2. С. 27–41.

7. Короленко Ц. П. Психология и психотерапия импульсивности // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2015. Т. 23. № 1. С. 16–19.

8. Кузнецова Д. А. Личностные особенности осужденных мужчин с демонстративно-шантажным поведением // Пенитенциарная наука. 2024. № 1(65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-osuzhdennyh-muzhchin-s-demonstrativno-shantazhnym-povedeniem> (дата обращения: 03.08.2024).

9. Кузнецов П. В. Суицидальные попытки следственно-арестованных мужчин: способы и средства // Тюменский медицинский журнал. 2013. № 3. С. 30–32.

10. Лосенков В. А. Импульсивность. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М. : ЦСПиМ, 2013. С. 286–289.

11. Никифоров Г. С. Психология самоконтроля. СПб. : Питер, 2020. 232 с.

12. Осипова О. Ю., Матвеева О. С. Особенности самоконтроля осужденных мужского пола, склонных к агрессивному поведению // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57-4. С. 323–329.

13. Позднышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926. Гл. 6. Импульсивные преступники.

14. Сафуанов Ф. С. Патохарактерологические особенности психически здоровых лиц, склонных к импульсивной агрессии // Психология и право. 2018. № 3. С. 150–166.

15. Телешева К. Ю. Сравнительное исследование психологических особенностей лиц, склонных к криминальной агрессии при психических расстройствах // Прикладная юридическая психология. 2023. № 4(65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnoe-issledovanie-psihologicheskikh-osobennostey-lits-sklonnyh-k-kriminalnoy-agressii-v-norme-i-pri-psihicheskikh> (дата обращения: 04.08.2024).

16. Herman, A. M., Critchley, H. D. & Duka, T. 2018, 'Risk-Taking and Impulsivity: the role of mood states and interoception', *Frontiers Psychology*. 29:9:1625.

17. Jaime Chamorro, Silvia Bernardi, Marc N Potenza, Jon E Grant, Rachel Marsh, Shuai Wang & Carlos Blanco, 2012, 'Impulsivity in the general population: a national study', *J Psychiatr Res*.

18. Kanwal, S. & Kazmi, S. F. 2022, 'Impulsivity, impulsive aggression and borderline personality features among violent spouses', *Heliyon*, vol. 8, iss. 8(5-6).

19. Tsvetkova N. A., Kolesnikova N. Y., Rybakova A. I., Petrova E. A. & Fomina S. N. 2016, 'Self-regulation mechanisms of men convicted for the first time and repeat offenders', *Man In India*, iss. 96(10).

References

1. Avtonomov, D. A. 2018, 'The place of impulsivity in the clinic of narcology', *Scientific and practical journal "Narcology"*, iss. 1, pp. 48–53.

2. Dementiy, L. I. 2017, 'Age-related features of self-control, impulsivity and aggressiveness of schoolchildren', iss. 2., viewed 3 August 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastnye-osobennosti-samokontrolya-impulsivnost-i-agressivnost-shkolnikov>.

3. Dubatova, I. V. & Antsyborov, A. V. 2019, 'The role of impulsivity and impulsive control disorders in the formation of addictive disorders', *Interactive science*, iss. 6(40), viewed 8 March 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-impulsiv-nosti-i-rasstroystv-impulsnogo-kontrolya-v-formirovanii-addiktivnyh-rasstroystv>.

4. Zotov, P. B. 2017, 'Suicidal behavior of detainees and convicts', *Suicidology*, iss. 2(27), pp. 60–69.

5. Kolesnikova, N. E., Mikhailova, Yu. A. & Prokurova, S. V. 2020, 'Socio-psychological personality traits of female convicts serving sentences without isolation from society', *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, iss. 3(82), viewed 8 March 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-cherty-lichnost-zhenschin-osuzhdennyh-otbyvayuschih-nakazaniya-bez-izolyatsii-ot-obschestva>.

6. Konopleva, I. N., Knyazeva, S. O., Debolsky, M. G. & Krasnenkova, S. A. 'Features of self-regulation in convicts who committed crimes during recidivism', *Psychology and law*, vol. 12, iss. 2, pp. 27–41.

7. Korolenko, Ts. P., Dmitrieva, N. V., Levina, L. V. & Perevozkina, Yu. M. 2015, 'Psychology and psychotherapy of impulsivity', *Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, vol. 23, iss. 1, pp. 16–19.

8. Kuznetsova, D. A. 2024, 'Personal characteristics of convicted men with demonstrative blackmail behavior', *Penitentiary science*, iss. 1(65), viewed 8 March 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-osuzhdennyh-muzhchin-s-demonstrativno-shantazhnym-povedeniem>.

9. Kuznetsov, P. V. 2013, 'Suicidal attempts of men arrested under investigation: ways and means', *Tyumen Medical Journal*, iss. 3, pp. 30–32.

10. Losenkov, V. A. 2013, 'Impulsivity. Self-regulation and forecasting of social behavior of a personality': a dispositional concept, pp. 286–289, Moscow.

11. Nikiforov, G. S. 2020, '*Psychology of self-control*', St. Petersburg.

12. Osipova, O. Yu. & Matveeva, O. S. 2017, 'Features of self-control of male convicts prone to aggressive behavior', *Problems of modern pedagogical education*, iss. 57-4, pp. 323–329.

13. Pozdnyshv, S. V. 1926, 'Criminal psychology. Criminal types', ch. 6. *Impulsive criminals*, Leningrad.

14. Safuanov, F. S., Telesheva, K. Yu., Myamlin, V. V. & Kirenskaya, A. V. 2018, 'Pathoharacterological features of mentally healthy persons prone to impulsive aggression', *Psychology and law*, iss. 3, pp. 150–166.

15. Telesheva, K. Yu. 2023, 'Comparative study of psychological characteristics of persons prone to criminal aggression in mental disorders', *Applied legal psychology*, iss. 4(65), viewed 4 August 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnoe-issledovanie-psihologicheskikh-osobennostey-lits-sklonnyh-k-kriminalnoy-agressii-v-norme-i-pri-psihicheskikh>.

16. Herman, A. M., Critchley, H. D. & Duka, T. 2018, 'Risk-Taking and Impulsivity: the role of mood states and interoception', *Frontiers Psychology*. 29:9:1625.

17. Jaime Chamorro, Silvia Bernardi, Marc N Potenza, Jon E Grant, Rachel Marsh, Shuai Wang & Carlos Blanco, 2012, 'Impulsivity in the general population: a national study', *J Psychiatr Res*.

18. Kanwal, S. & Kazmi, S. F. 2022, 'Impulsivity, impulsive aggression and borderline personality features among violent spouses', *Heliyon*, vol. 8, iss. 8(5-6).

19. Tsvetkova N. A., Kolesnikova N. Y., Rybakova A. I., Petrova E. A. & Fomina S. N. 2016, 'Self-regulation mechanisms of men convicted for the first time and repeat offenders', *Man In India*, iss. 96(10).

Информация об авторе

Н. А. Цветкова – доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник.

Information about the author

N. A. Tsvetkova – Sc.D (Psychology), associate professor, chief researcher".

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. «Юридическая психология и психология безопасности».

Статья поступила в редакцию 11.08.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 22.08.2024.

The article was submitted 11.08.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 22.08.2024.

Научная статья
УДК 343.847:343.825

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ТУБИНФИЦИРОВАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ КАК СРЕДСТВО ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

Наталья Анатольевна Ильиных¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, ilinykh1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2795-9129>

Аннотация. В статье сформулировано понятие трансформация ценностных ориентаций. Гипотеза исследования заключалась в том, что трансформация ценностных ориентаций осужденных в период пенитенциарной пробаии приводит к их исправлению. Трансформация ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных осуществляется в результате организованной работы сотрудников, реализующих пенитенциарную пробаию.

Ключевые слова: осужденные, ценностные ориентации, структура ценностных ориентаций, трансформация ценностных ориентаций, исправление, пенитенциарная пробаия, отношение

Для цитирования

Ильиных Н. А. Трансформация ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных как средство пенитенциарной пробаии // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 3(04). С. 60–69.

Original article

TRANSFORMATION OF THE VALUE ORIENTATIONS OF THE INFECTED CONVICTS AS A MEANS OF PENITENTIARY PROBATION

Natalia Anatolyevna Ilyinykh¹

¹Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, ilyinykh1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2795-9129>

Abstract. The article formulates the concept of transformation of value orientations. The hypothesis of the study was that the transformation of the value orientations of convicts during the period of penitentiary probation leads to their correction. The transformation of the value orientations of the infected convicts is carried out as a result of the organized work of the staff implementing penitentiary probation.

Keywords: convicts, value orientations, structure of value orientations, transformation of value orientations, correction, penitentiary probation, attitude

For citation

Ilyinykh, N. A. 2024, 'Transformation of the value orientations of the infected convicts as a means of penitentiary probation', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(04), pp. 60–69.

Введение. Особенности пенитенциарной probationи

В настоящее время пенитенциарная система претерпевает значительные изменения. На первый план выходит социальное обеспечение осужденных в период отбывания наказания в местах лишения свободы, после их освобождения и при уголовном наказании, не связанным с лишением свободы (probация). Задачей сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС РФ), обеспечивающих реализацию probationи, является решение вопросов социального характера, касающихся лиц, которые проявляют деструктивные формы поведения и в результате оказываются в трудной жизненной ситуации. Необходимо прогнозировать потребительское отношение к probationи лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Данный вопрос должен решаться посредством формирования «правильного» отношения осужденных к системе probationи.

Согласно Федеральному закону от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probationи в Российской Федерации» в системе probationи, как совокупности мер, применяемых в отношении осужденных, которые оказались в трудной жизненной ситуации, целью является коррекция социального поведения и предупреждение совершения ими новых преступлений. Это значит, что всем службам УИС РФ в рамках своей компетенции необходимо разработать такие меры, которые в совокупности социализируют осужденных. Для облегчения данной задачи законодательством были выделены следующие виды probationи: исполнительная probationи, пенитенциарная probationи, постпенитенциарная probationи. В рамках рассмотрения нашей темы мы подробнее охарактеризуем пенитенциарную probationи – «вид probationи, применяемый в отношении

осужденных в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, представляющий собой совокупность мер, направленных на исправление осужденных, а также на подготовку осужденных, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из указанных учреждений» (согласно указанному закону). При этом исправление осужденных – одна из целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Согласно Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации, исправление осужденных – это «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения».

Стоит отметить, что одной из задач пробации является создание условий для оказания психологической помощи лицам, в отношении которых она применяется. Процесс исправления как процесс формирования отношений и правопослушного поведения будет затруднен без психологической помощи. Необходимо понимать, что отношение может быть положительное, отрицательное и нейтральное (отсутствие отношения – безразличие). В пенитенциарной психологии отношение определяется как «отвечающее запросам, стремлениям, идеалам и убеждениям личности и удовлетворяющее ее потребности» [1, с. 258]. Стоит отметить, что отношение, отвечающее внутренним потребностям личности, не всегда отвечает потребностям общества. В пенитенциарной психологии отношение к людям, явлениям, предметам определяется через ценностные ориентации личности [1, с. 258].

Методы. Способы достижения исправления осужденных в пенитенциарной пробации

В современной науке множество подходов к определению ценностных ориентаций личности. Ценностные ориентации – это «избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений, выраженная в поведении» [2, с. 1473]; «социально обусловленные отношения личности к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, обеспечивающих направленность интересов, выступающих в качестве одного из регуляторов активности человека» [3, с. 12]; «отношение человека к явлениям, предметам, вещам и людям, которые непосредственно его интересуют, отвечают его запросам, стремлениям, идеалам и убеждениям, удовлетворяют его потребности, приобретающие для него ценностное значение» [3, с. 262].

Как пишет Д. А. Леонтьев, «в потребностях человек всегда одинок, а в ценностях всегда не один; ценности – стабильное, «вечное», не зависящее от внешних обстоятельств, абсолютное» [4, с. 242–243]. В. Франкл утверждал, что потребности толкают нас, ценности притягивают [4, с. 243].

Ценностные ориентации или индивидуальные ценности Д. А. Леонтьевым рассматриваются в трех аспектах: 1) представления или убеждения; 2) разновидность социальных установок или интересов; 3) потребности и мотивы. Основным характеризующим отличием этих подходов является наличие «побудительной силы», которая определяет особенности поведения личности [4, с. 240]. Особенности ценностных ориентаций осужденных позволили им совершить преступления, то есть набор установок, убеждений, предпочтений, идеалов и отношений к объектам преступления, наличие побуждающей силы обусловило вид преступления. При этом в ценностных ориентациях осужденных преобладают негативные или нейтральные отношения к объектам преступления, а

задача сотрудников УИС РФ изменить (перестроить) отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития на уважительное.

Результаты. Трансформация ценностных ориентаций осужденных

Для глубинного понимания явления трансформации ценностных ориентаций необходимо раскрыть понятие «трансформация». Сама морфология слова способствует пониманию его значения. Трансформация – превращение из одного в другое [5, с. 1188].

Трансформация ценностных ориентаций – это осознанное приобретение ценностей преобладающих в окружающей среде и встраивание их в систему ценностных ориентаций, что приводит к изменению их структуры и приобретению особенностей поведения, характерных для данной среды.

Трансформация всегда происходит под влиянием окружающей среды, что очень важно знать при осуществлении психологической работы. Для облегчения анализа средового влияния на осужденных криминального сообщества мы отнесем его к социокультурным группам, что поможет нам охарактеризовать явление в данной группе. Криминальное сообщество обладает всеми признаками вторичной неформальной группы, в связи с этим организация психологической коррекции должна учитывать все особенности влияния на личность данной группы [6, с. 73].

В рамках рассмотрения нашего вопроса, учитывая закрытость мест лишения свободы, необходимо обратить особое внимание на взаимосвязь и разграничение ценностей (ценностных ориентаций) и потребностей [4, с. 242–249; 3, с. 29]. Часто осужденные выдают потребности и интересы за ценности, не осознавая этого, что приводит к искажению отношения к чему-либо. В подтверждение сказанного, отметим, что по данным исследований тубинфицированные осужденные относят семью (счастливая семейная жизнь) к предпочитаемой ценности [7, с. 103], но при этом подавляющее большинство никогда не имели ее или получили негативный опыт создания семьи [8, с. 64]. В этом случае семья для тубинфицированных осужденных – это убеждение (каждый человек должен иметь семью), а не ценность, так как не имеет никакой побудительной силы. Чтобы трансформировать идеалы, потребности, интересы в ценности необходимо «наделить» их побудительной силой.

Вариативность трансформации ценностных ориентаций многообразна, задача пениitenciарного психолога в рамках пениitenciарной пробации задать необходимый вектор трансформации. При этом, трансформация ценностных ориентаций возможна только как процесс появления новых ценностей, а не преобразование, создание модификаций уже существующих, так как они сформированы под влиянием криминализованной среды и носят устойчивый характер. Стоит отметить, что изменение ценностных ориентаций в местах лишения свободы возможно под влиянием деятельности сотрудников учреждения и криминальной среды, при этом процесс изменения осознается или не осознается осужденным. Далеко не все изменения являются трансформацией. Трансформация ценностных ориентаций возможна только при соблюдении следующих условий:

– конструктивное влияние сотрудников исправительного учреждения на ценностную сферу осужденного.

– осознанное или неосознанное стремление осужденного к изменениям в своей жизни.

– образование новых ценностей.

Важную роль в трансформации ценностных ориентаций играет адекватная самооценка осужденного [9, с. 239]. В настоящее время деятельность сотрудников учреждения в большей степени направлена на адаптацию осужденных к местам лишения свободы (рис. 2).

Большинство ученых убеждены, что ценностные ориентации являются регулятором поведения личности (К. А. Абульханова-Славская, Б. С. Братусь, Л. А. Дюдкина, А. Г. Здравомыслов, И. Ю. Истошин и др.).

Личностные ценности (ориентации) – «один из источников мотивации поведения» [10, с. 585]; «индивидуальная, специфическая иерархия ценностей, личностных, служащих связывающим звеном между духовной культурой общества и духовным миром личности, между бытием общественным и индивидуальным»; «личностные ценности (ценностные ориентации) высокоосознаваемые – важный фактор регуляции социальных взаимоотношений людей и поведения индивида» [10, с. 584].

Объединяющим фактором всех предложенных направлений понимания ценностных ориентаций является их проявление и регламентация поведения личности в обществе, социуме. Чем гармоничнее и устойчивее личность, тем меньше противоречий в системе ее ценностных ориентаций. Отношение личности к чему-либо определяет особенность ее поведения в той или иной ситуации.

Ценностные ориентации личности всегда имеют положительное значение для самой личности, но далеко не всегда данные ценности соответствуют потребностям общества и являются общепринятыми. Понимание осужденными общечеловеческих ценностей затруднено, так как для них справедливость – это удовлетворение потребностей осужденного сотрудниками учреждения, а в некоторых случаях к проявлению справедливости они относят совершенное ими преступление. Одной из имеющихся проблем, при изучении ценностных ориентаций осужденных является то, что в современной психологической науке можно изучить только социально одобряемые ценностные ориентации. Законопослушный гражданин не совершит убийство человека для восстановления справедливости в отличие от преступника, но при этом для обоих справедливость явля-

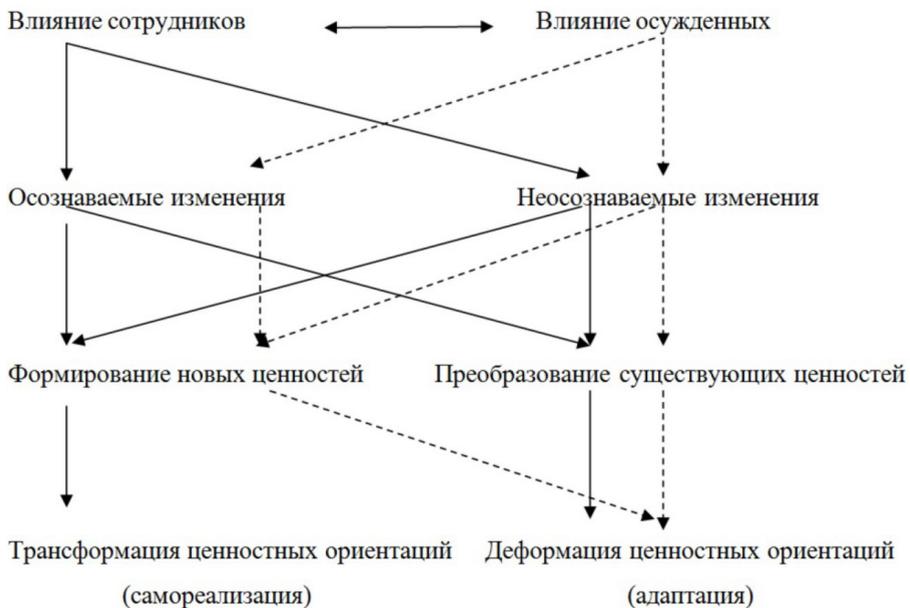

Рис. 1. Схема трансформации ценностных ориентаций осужденных в пенитенциарной пробации

ется ценностью, отличие только в том, что для законопослушных граждан «человек» – это ценность, а для осужденного нет.

Существует множество подходов к изучению ценностных ориентаций в современной и зарубежной психологии. Наша задача с их помощью определить особенности ценностных ориентаций, подлежащие коррективке в условиях лишения свободы с наименьшим «ущербом» для деструктивной личности осужденного.

Обсуждение. Реализация трансформации ценностных ориентаций в пенитенциарной пробации

В подтверждение определений ценностных ориентаций, данных пенитенциарными психологами, стоит процитировать Д. А. Леонтьева: «Личностные ценности (ценностные ориентации) представляют собой «консервативные» отношения с миром, обобщенные и переработанные совокупным опытом социальной группы» [4, с. 242]. Через ценности личность переживает свою принадлежность к социальному целому [4, с. 243]. Для осужденных «социальное целое» – это общность, пропагандирующая антиобщественные ценности.

Система ценностных ориентаций с одной стороны динамичная, а с другой – содержит в себе «консервативное» отношение к миру, определяемое окружающей общностью [3, с. 40; 6, с. 242]. В своей работе А. А. Истомина делает вывод о том, что невозможность поменять среду приводит к изменениям в системе ценностных ориентаций [3, с. 37].

При этом Д. А. Леонтьев утверждает, что «иерархия личностных ценностей неизменна. Изменение иерархии личностных ценностей – это кризис в развитии личности» [4, с. 243]. Также, учитывая мнение И. С. Кона, о том, что возникновение в жизни личности «вакуума» приводит к «критической переоценке ценностей» [3, с. 35], можно предположить, что лишение свободы (система пробации) является благоприятным условием для формирования новых ценностных ориентаций. Также благоприятными условиями для изменения системы ценностных ориентаций являются кризисы развития, особенно кризис зрелости [3, с. 35]. Любая ситуация сильного стресса осужденных (вступление приговора в законную силу, смерть близкого, трудноизлечимое заболевание, утрата статуса, перевод в другую колонию, утрата связи с близкими, объявление взыскания для стремящихся к УДО) является возможностью для психологов и сотрудников исправительного учреждения для трансформации ценностных ориентаций осужденных. Учитывая мнение Д. А. Леонтьева о том, что «изменение в системе ценностей представляет собой чрезвычайное, кризисное событие в жизни человека» [4, с. 242], необходимо базировать трансформацию ценностных ориентаций на закономерных личностных и событийных кризисах.

Рассмотрим данное явление на примере тубинфицированных осужденных. Прибытие в новое учреждение в сочетании с трудноизлечимым заболеванием – это кризис. По мнению Д. А. Леонтьева выход из кризиса имеет два пути: адаптация и самореализация [3, с. 37]. А. И. Ушатиков утверждал, что «адаптация достигается путем идентификации себя с другими обитателями тюрьмы» [1, с. 689]. Адаптация тубинфицированных осужденных является неосознаваемой модификацией существующих ценностей под влиянием криминальной среды, а самореализация – осознанное формирование новых ценностей в процессе взаимодействия с сотрудниками исправительного учреждения (рис. 1). У осужденного носителя криминальных ценностей, отбывание наказания в местах лишения свободы укрепляет деструктивность ценностных ориентаций, характерных

для криминальной среды. Основная задача сотрудников в этот период организовать тубинфицированным осужденным выход из кризиса через трансформацию ценностных ориентаций (самореализацию) (рис. 1).

В проведенных ранее исследованиях было установлено, что к самым предпочитаемым ценностям относятся здоровье и воспитанность, счастливая семейная жизнь и аккуратность, любовь и ответственность. Отвергаемыми тубинфицированными осужденными ценностями являются возможность творческой деятельности и непримиримость к недостаткам в себе и в других, развлечения и высокие требования к жизни, высокие притязания, переживание прекрасного в природе, в искусстве и терпимость [1, с. 108]

Воспитанность для тубинфицированных осужденных является предпочитаемой ценностью как и для всех изученных категорий осужденных [7, с. 104]. В связи с этим возникает необходимость в рассмотрении особенностей понимания общечеловеческой ценности «воспитанность» осужденными и законопослушными гражданами. Для осужденных воспитанность проявляется в уважении, почитании и соблюдении норм, правил, традиций криминализованного общества. Например, кража у осужденных, представителей криминального мира («у своих») относится к одному из самых наказуемых проступков, в то время как красть в гражданском обществе (у «лохов») поощряется и высоко ценится в криминальном мире. Возникает вопрос об объективности изучения ценностных ориентаций осужденных.

Имеющийся психодиагностический материал, изучающий ценностные ориентации, не в полной мере подходит для исследования ценностных ориентаций осужденных, так как их социальная среда культивирует ценности, содержание которых отличается от понимания общечеловеческих ценностей законопослушных граждан. Еще одной проблемой является трудность в понимании значения слов, предложенных в эмпирическом инструментарии. Понимание общечеловеческих ценностей законопослушными гражданами и осужденными значительно отличаются. Но при этом проведено множество исследований смысложизненных ориентаций тубинфицированных осужденных, направленных на изучение динамики структуры ценностных ориентаций. В одном из наших исследований было установлено, что «структура ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы меняется под влиянием изменчивости общества» [7, с. 109]. В исследовании было предложено рассматривать структуру ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных как сочетание предпочитаемых, нейтральных и отвергаемых общечеловеческих ценностей. Динамика структуры ценностных ориентаций заключалась в переходе ценностей из нейтральных в отвергаемые, из отвергаемых в предпочитаемые и так далее [3, 7]. Это указывает на изменение отношения (результат взаимодействия человека со средой) к данной общечеловеческой ценности под влиянием различных факторов [9, с. 320]. К таким факторам относятся социально-политические изменения в обществе [7, с. 109]. Данное явление наделено всеми признаками деформации ценностных ориентаций осужденных (рис. 1). Задачами, стоящими перед сотрудниками, реализующими пениitenciарную пробацию, является исключение деформации ценностных ориентаций осужденных и запуск процесса трансформации. Данный тезис имеет значение с учетом закрытости пениitenciарной системы, но даже при этом динамика ценностных ориентаций осужденных подвержена влиянию изменений в обществе.

Вся деятельность пениitenciарной системы и пениitenciарной пробации в частности, в том числе деятельность психологической службы, должна быть направлена

на исправление осужденного. Совокупность психологических мер по исправлению осужденного обеспечивает трансформацию ценностных ориентаций осужденных. Выделим пять основных направлений трансформации ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных.

1. Формирование ценностей правопослушного поведения.
2. Формирование предпочитаемых ценностей уважительного отношения к человеку.
3. Формирование предпочитаемых ценностей уважительного отношения к обществу.
4. Формирование предпочитаемых ценностей уважительного отношения к труду.
5. Формирование предпочитаемых ценностей уважительного отношения к нормам, правилам и традициям человеческого общежития.

Трансформация ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных не может носить обобщенный характер, и в равной степени распространяться на все категории осужденных. Трансформация ценностных ориентаций должна базироваться на классификации осужденных по типу совершенного преступления. Преступления против личности совершают лица, пренебрегающие ценностями, связанными с уважением человека; совершившие преступления против семьи и несовершеннолетних пренебрегают ценностями, связанными с уважением к обществу; преступления против общественной безопасности и общественного порядка указывают на пренебрежение к требованиям человеческого общежития. При этом для всех осужденных свойственна несформированность правопослушного поведения и негативное отношение к законности в обществе. Исследования показали, что общественное признание и счастье других для всех изучаемых категорий осужденных являются отвергаемой ценностью [7, с. 103].

Для достижения исправления осужденного в период пенитенциарной пробаии через трансформацию ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных необходимы синхронизированные действия.

1. Определение категории тубинфицированных осужденных по составу преступления.
2. Определение уровня самооценки осужденного.
3. Психологическая диагностика ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных с учетом особенностей понимания значения общечеловеческих ценностей.
4. Установление отклонений, выявленных психологической диагностикой, от оптимальной (конструктивной) структуры ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных.
5. Трансформация ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных.
6. Психологическая диагностика ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных с целью установления соответствия оптимальной (конструктивной) структуры ценностных ориентаций осужденных.
7. Оценка уровня исправления тубинфицированных осужденных перед подготовкой к освобождению.

При правильной организации работы сотрудников по трансформации ценностных ориентации осужденных результатом будет исправление. Трансформация ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных в период пенитенциарной пробаии является первым этапом формирования новой системы ценностных ориентаций фундаментом исправления осужденного. Она закрепляется и усиливается на этапе постпенитенциарной пробаии.

В результате сделаем следующие выводы.

1. Трансформация ценностных ориентаций осужденных приводит к их исправлению.

2. Трансформация ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных осуществляется дифференцировано с учетом классификации осужденных по составу совершенного преступления.

3. Понимание общечеловеческих ценностей у законопослушных граждан и осужденных значительно отличаются, что обуславливает особенность средового воздействия.

4. Необходимым условием для трансформации ценностных ориентаций тубинфицированных осужденными является кризисная ситуация в жизни осужденного.

5. Имеющийся психодиагностический материал, изучающий ценностные ориентации, не в полном объеме соответствует потребностям пенитенциарной психологии для исследования ценностных ориентаций осужденных, чье понимание ценностей отлично от понимания законопослушных граждан.

Список источников

1. Пенитенциарная психология : учебник / под ред. А. Н. Сухова. М. : Проспект ; Академия ФСИН России, 2021.
2. Советский энциклопедический словарь, М., 1986.
3. Истомина А. А. Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы : монография. Псков, 2010.
4. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности : монография. 2-е изд., испр. М. : Смысл, 2003.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М. : АСТ ; Мири Образование, 2020. 1
6. Каменская Е. Н. Социальная психология : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2006.
7. Ильиных Н. А. Ценностные ориентации осужденных, инфицированных туберкулезом, отбывающих наказание в колонии строгого режима // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 1(02). С. 97–109.
8. Ильиных Н. А. Смысложизненные ориентации тубинфицированных осужденных: дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2022.
9. Дмитриев Ю. А., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология. Ростов н/Д : Феникс, 2007.
10. Психологический словарь / авт.-сост. В. Н. Копорулина, М. Н. Смирнова, Н. О. Гордеева, Л. Н. Балабанова. Ростов н/Д : Феникс, 2003.

References

1. Sukhov, A. N. (ed.), 2021, *Penitentiary psychology : textbook*, Moscow.
2. *The Soviet Encyclopedic Dictionary*, 1986, Moscow.
3. Istomin, A. A. 2010, *Value orientations of those sentenced to imprisonment: monograph*, Pskov.
4. Leontiev, D. A. 2003, *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality: monograph*, 2nd edn, Moscow.
5. Ozhegov, S. I. 2020, *Explanatory dictionary of the Russian language*, in L. I. Skvortsova (ed.), Moscow.
6. Kamenskaya E. N. 2006, *Social psychology: textbook*. Rostov-on-Don.
7. Ilyinykh, N. A. 2024, 'Value orientations of convicts infected with tuberculosis serving sentences in a high-security colony', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 1(02), pp. 97–109.
8. Ilyinykh, N. A. 2022, *The meaning of life orientations of tubified convicts: PhD thesis* (Psychology), Ryazan.

9. Dmitriev, Yu. A. & Kazak, B. B. 2007, *Penitentiary psychology*, Rostov-on-Don.
10. Koporulina, V. N., Smirnova, M. N., Gordeeva, N. O. & Balabanova L. N. (comp.) 2003, *Psychological dictionary*, Rostov-on-Don.

Информация об авторе

Н. А. Ильиных – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности факультета психологии и probation.

Information about the author

N. A. Ilyinykh – PhD (Psychology), senior lecturer at the Department of psychology of professional activity, faculty of psychology and probation.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 09.08.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 25.07.2024; accepted for publication 09.08.2024.

КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА

Научная статья
УДК 159.923:343.83

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Юлия Владимировна Жильцова¹, Елизавета Андреевна Кулешова²

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, orekh7@mail.ru

² ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Тамбовской области, kea3101@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности психологической профилактики суицидального риска, а также идентифицированы ключевые меры предупредительного воздействия на персонал уголовно-исполнительной системы. Актуальность статьи состоит в ограниченной теоретической разработке специфики превенции риска суицидального поведения в данной группе. Несмотря на важность данной проблемы, анализ выявляет недостатки, мешающие основательному подходу к предотвращению явлений, способствующих возникновению суицидального риска. Рассмотрена проблема суицидального поведения и пути его профилактики в рамках ключевых теорий. Проанализировано возникновение экзистенциальных вопросов о смысле жизни, неспособности преодолеть жизненные неурядицы, пережить трудные для психики моменты, что является для организма благодатной почвой для формирования суицидальных мыслей. Представлены специфические факторы возникновения поведенческих проявлений, связанных с риском суицида среди работников уголовно-исполнительной системы, и способы их психологической превенции. Испытуемыми являлись сотрудники ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Тамбовской области. Для проведения исследования были применены следующие методики: Шкала депрессивности А. Бека, Опросник суицидального риска, а также методика оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз».

Ключевые слова: суицид, психика, ответственность, аутоагрессия, внутренний мир, сотрудники уголовно-исполнительной системы

Для цитирования

Жильцова Ю. В., Кулешова Е. А. Психологическая профилактика суицидального поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 3(04). С. 70–79.

CULTURE OF PROFESSIONAL TRAINING OF A SPECIALIST

Original article

PSYCHOLOGICAL PREVENTION OF SUICIDAL BEHAVIOR OF THE PENAL SYSTEM EMPLOYEES

Yulia Vladimirovna Zhiltsova¹, Elizaveta Andreevna Kuleshova²

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, orekh7@mail.ru

² FKU SIZO-3 of the FPS of Russia in the Tambov region, kea3101@mail.ru

Abstract. In this article we examined the features of psychological prevention of suicidal risk, and also identified key preventive measures for the personnel of the penal system. The relevance of our study is manifested in the limited theoretical development of the specifics of the prevention of the risk of suicidal behavior in this group. Despite the importance of this problem, the analysis reveals the disadvantages that prevent a thorough approach to suicidal risk preventing. The problem of suicidal behavior and ways of its prevention are considered within the framework of key theories. The emergence of existential questions about the meaning of life, the inability to overcome life's troubles, the experience of difficult times in combination represent a beneficial environment for the formation of suicidal thoughts. Also specific factors of the occurrence of behavioral manifestations associated with the risk of suicide among employees of the penitentiary system and methods of their psychological prevention are presented. The object of the study was the employees of the pre-trial detention center of the Federal Penal Service of Russia in the Tambov region. The following methods were used to conduct the study: the A. Beck Depression Scale, the Suicide Risk Questionnaire, as well as the method of assessing neuropsychiatric stability «Prognosis».

Keywords: suicide, psyche, responsibility, autoaggressions, inner world, employees of the penal system

For citation

Zhiltsova, Yu. V. & Kuleshova, E. A. 2024, 'Psychological prevention of suicidal behavior of penal system employees', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(04), pp. 70–79.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, определяет в качестве одной из целей повышение ее эффективности, предусматривающее совершенствование организации ее деятельности, обеспечение безопасности и формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала. Перед уголовно-исполнительной системой Российской Федерации (УИС РФ) также стоит задача по формированию здоровой морально-психологической обстановки, исключающей деструктивное поведение сотрудников.

Теоретический анализ проблемы суицидального поведения показал заинтересованность ученых в данном вопросе. В настоящее время помимо детерминации сущности

72 КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА

данного феномена, раскрыты причинно-следственные связи, сопутствующие его возникновению, и среди различных мнений о специфике рассматриваемого поведенческого акта стоит отметить основные суждения, являющиеся основой для понимания данного феномена. Э. Дюркгейм видел основную причину возникновения суицидального поведения в разрыве интерперсональных связей человека, а также отторжении его от ранее интегрированных с ним социальных групп. Способом исцеления в данном случае ученый считал сплочение данных групп, в целях более сильной привязки человека к ним [4, с. 273]. Э. Дюркгейм выделил также три мотива в совершении самоубийства. Эгоистический проявляется в концентрации индивида на собственном мире и его состоянии. Альтруистический мотив обусловлен желанием самопожертвования для достижения общей цели или же спасения большинства. Анемический представляет собой следствие неудачной адаптации личности к изменяющейся вокруг нее обстановке.

Относительно изучения факторов желания покинуть реальный мир самостоятельно, следует сделать акцент на работах З. Фрейда и А. Адлера. Мнение данных ученых насчет сущности суицидального поведения складывалось в интерпретации его как реализации инстинкта смерти, который проявляется в различных формах действий, связанных с аутоагрессией [3, с. 25].

Благодаря К. С. Веселовскому был предоставлен обширный статистический материал посредством выхода книги «Опыты нравственной статистики в России».

Следующим шагом в области изучения суицидального поведения было создание Центрального статистического управления отдела моральной статистики во главе с М. Н. Гернетом. В настоящее время в УИС РФ сформировалась и активно развивается психологическая служба. Основной проблемой для сотрудников психологической службы является организация профилактики самоубийств среди сотрудников [9, с. 106].

Суицид среди сотрудников УИС РФ – важная и тревожная тема, требующая внимательного анализа и глубокого понимания. Работа в системе исполнения наказаний сопряжена с высоким уровнем стресса, постоянной эмоциональной нагрузкой и риском профессионального выгорания. Строгие условия, необходимость взаимодействия с осужденными, человеческими трагедиями могут стать источником психоэмоционального страдания.

Несмотря на наличие программ поддержки и психологической помощи, многие сотрудники оказываются в ситуации, когда не решаются обратиться за консультацией. Стыд, страх быть неправильно понятыми или опасение утратить работу часто удерживают их от поиска поддержки. Это становится порочным кругом, способствующим ухудшению психоэмоционального состояния и, как следствие, может привести к трагическим исходам [6, с. 260].

Необходимо проводить регулярные тренинги, направленные на профилактику стресса и выгорания, а также внедрять программы психологической поддержки. Создание безопасной атмосферы, в которой сотрудники смогут открыто говорить о своих проблемах, поможет снизить риск суицидальных тенденций и сохранить жизни. Тема требует общественного внимания и профессионального подхода для снижения числа трагедий в этой сфере. Для эффективной борьбы с проблемой суицида среди сотрудников УИС необходимо активное сотрудничество между руководством, психологами и самими работниками. Важно обеспечить внедрение анонимных каналов обратной связи, которые позволят сотрудникам делиться своими переживаниями и получать необходимую помощь без страха перед негативными последствиями.

Дополнительно программы ментального здоровья должны включать не только теоретические аспекты, но и практические тренинги, такие как техники релаксации, управление стрессом и навыки коммуникации. Курсы по развитию эмоционального интеллекта помогут сотрудникам лучше понимать собственные эмоции и эмоции окружающих, что сделает их более устойчивыми к стрессовым ситуациям. Важно обратить внимание на ресурсную работу с семьями сотрудников, поскольку поддержка близких играет ключевую роль в снижении эмоциональной нагрузки. Разработка сетей поддержки не только внутри учреждений, но и в сообществе, поможет создать культуру взаимопомощи и открытости в обсуждении психического здоровья. В конечном итоге, создание системы, ориентированной на профилактику и поддержку, не только снизит уровень суицида, но и повысит общую эффективность работы сотрудников УИС РФ.

Сотрудники пенитенциарной системы сталкиваются с уникальным набором стрессов и опасностей, связанных с работой, что делает их более уязвимыми к суицидальным мыслям и поведению. Причинами, послужившими основой для организации профилактики суицидальных случаев, стали следующие аспекты.

Во-первых, высокий уровень стресса. Сотрудники УИС РФ часто работают в напряженной и опасной среде, что может привести к эмоциональному истощению. Наряду с этим, сотруднику довольно часто приходится переживать травмирующие события. Они могут быть свидетелями насилия, жестокого обращения и смерти, что может привести к посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР). Работа с заключенными, особенно в условиях строгого режима, может быть очень нагружающей с психологической точки зрения. Сотрудники могут сталкиваться со стрессом, эмоциональной усталостью, депрессией и другими психологическими трудностями. Интенсивная и ответственная работа в условиях охраняемого учреждения может приводить к выгоранию у сотрудников [8, с. 70].

Во-вторых, у сотрудников УИС РФ часто ограничена возможность общения со своими семьями и друзьями, что может способствовать чувству одиночества и безнадежности, что, в свою очередь, формирует недоверие к внешнему миру и дальнейшему отчуждению.

В правоохранительных органах существует культура стигматизации в отношении психических заболеваний, что может повлиять на склонность сотрудников обращаться за помощью [3, с. 23].

Связь между стрессом и суицидом проявляется при высоком уровне напряжения и травмирующих событиях на работе, сопряженных с повышенным риском суицидальных мыслей и поведения. У сотрудников УИС РФ, регулярно переживающих стресс, развиваются такие состояния, как депрессия и тревога, которые являются основными факторами риска самоубийства.

Эмпирическое исследование суицидального поведения сотрудников проводилось на базе ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Тамбовской области. В выборку вошли сотрудники отделов и служб в количестве 54 человек, из которых 25 женщин и 29 мужчин. Средний возраст составил 32 года. В целях изучения степени выраженности суицидального поведения среди лиц мужского и женского пола были выбраны следующие методики: Шкала депрессивности А. Бека, Опросник суицидального риска, а также методика оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз».

Разъяснение и оценка данных, полученных в ходе экспериментального анализа суицидального риска среди сотрудников учреждения показал, что мужчины ($r = 6,0$), имели больший риск совершения самоубийства, чем женщины ($r = 5,0$) (табл.).

Таблица

Результаты Методики TASR

	Мужчины	Женщины
Общий показатель	6,00	5,00
Профиль индивидуального риска	3,00	1,00
Профиль симптоматического риска	1,00	2,00
Профиль риска на момент интервью	2,00	1,00

Результаты, полученные при использовании методики «шкала депрессивности А. Бека» позволяют сделать вывод о том, что сотрудники женского пола более открыты и готовы к сотрудничеству. Данная группа лиц настроена более оптимистично, нежели лица мужского пола (рис. 1). Мужчины, в свою очередь, более обособлены в контексте просьб о помощи и моральной поддержке, недоверчивы и замкнуты. Данный вывод обоснован полученными результатами интерпретации когнитивно-аффективной субшкалы. Данный показатель включает в себя несколько пунктов из теста, которые демонстрируют склонность к переживанию таких чувств, как ненависть к себе, отчаяние, вина, а также суицидальное желание.

Второй показатель (Субшкала соматизации) отвечает за проявление эмоциональных переживаний на фоне трудностей с концентрацией внимания, недостатка энергии, потери самообладания. Исходя из полученных результатов, следует отметить примерно одинаковые значения. Незначительная разница позволяет отметить, что у мужчин существует предрасположенность к переживанию стресса в более глубокой форме.

Итоги исследования, полученные с использованием методики «Опросник суицидального риска» представлены на рисунке 2.

Благодаря высоким показателям по шкале «Антисуицидальный фактор» у обоих полов риск совершения суицида резко снижается. Среди сотрудников женского пола – 9 баллов, у лиц мужского пола – 7 баллов. Это означает, что сотрудники понимают ответственность, наложенную на них, и принимают ее без экзистенциального негативного анализа. Чувство долга, а также переживания за состояние близких, после совершения аутоагрессивного действия имеют сдерживающий характер для иссле-

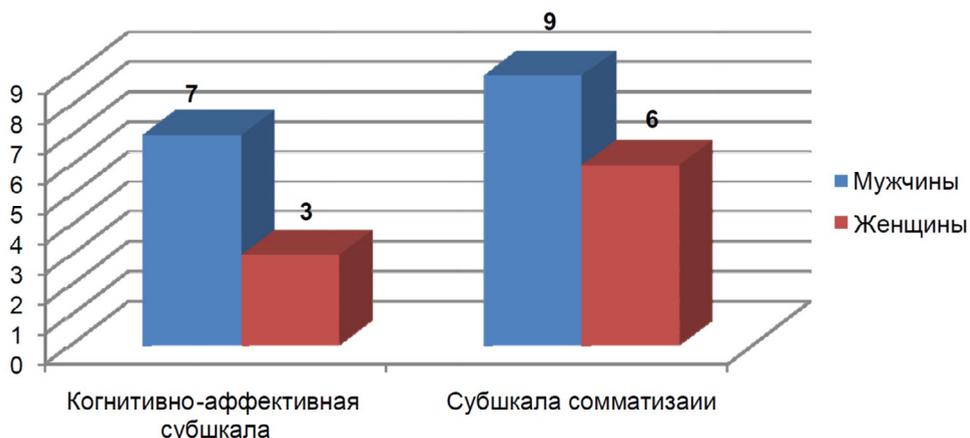

Рис. 1. Итоги проведенной методики Шкала депрессивности А. Бека

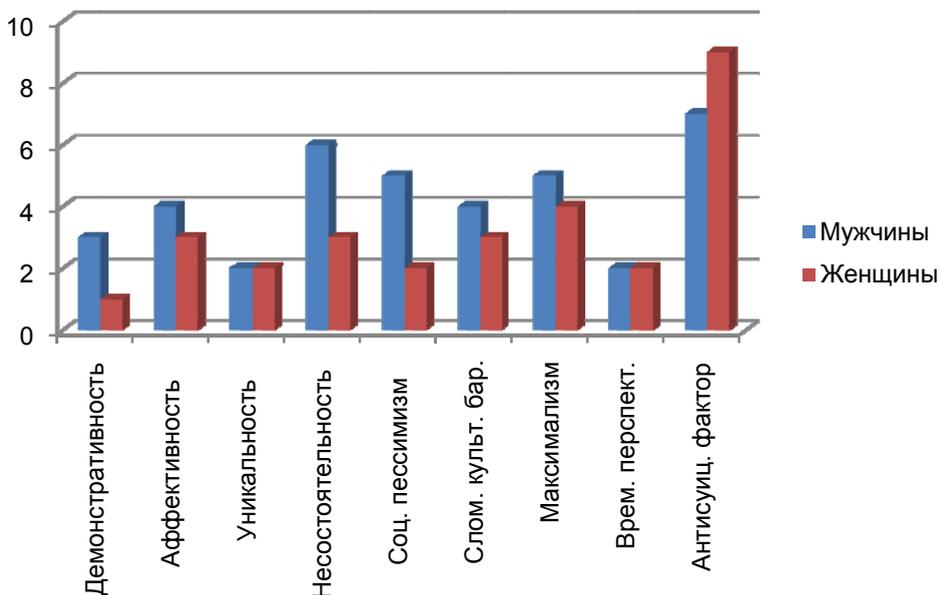

Рис. 2. Результаты с использованием методики «Опросник суицидального риска»

двумя личностями. Однако различия между мужчинами и женщинами все также демонстрируется следующими шкалами. Шкала «Аффективность» отображает эмоциональные проявления среди сотрудников женского пола (3 балла) в большей степени, нежели у мужчин (4 балла).

Набранные мужчинами 6 баллов по шкале «Несостоятельность» указывают на большее отрицание собственной значимости у мужчин, чем у женщин (у которых всего 3 балла).

Шкала «Социальный пессимизм» и «Слом культурных барьеров» характеризуют мужчин как менее удовлетворенных в социальных взаимодействиях.

Шкала «Максимализм» демонстрирует фиксацию внимания сотрудников мужского пола на неудачах, о чем свидетельствуют набранные 5 баллов.

Интерпретация следующей методики оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз» выявила, что у исследуемых уровень нервно-психической устойчивости меньше критической точки (13 стенов), это исключает возможность психических срывов (рис. 3). Данный вывод обоснован тем, что большая часть испытуемых набрали достаточно баллов для распределения в группы. На рисунке 3 показатель «низкий» – демонстрирует невысокие шансы на нервные срывы, соответственно «средний» и «низкий» допускают возможность подобных проявлений. Данная методика также наглядно показывает, что среди лиц женского пола нервно-психическая устойчивость выше (83 %), чем у мужчин (76,6 %).

Таким образом, проведение данного исследования с использованием стандартизированных методик, выявило определенные особенности у исследуемых групп. Факт наличия суицидального поведения компенсируется антисуицидальным фактором, который, в свою очередь, уравнивает внутреннее состояние сотрудников, не давая упасть духом. Помимо этого, у сотрудников обоих полов проявляется осознание собствен-

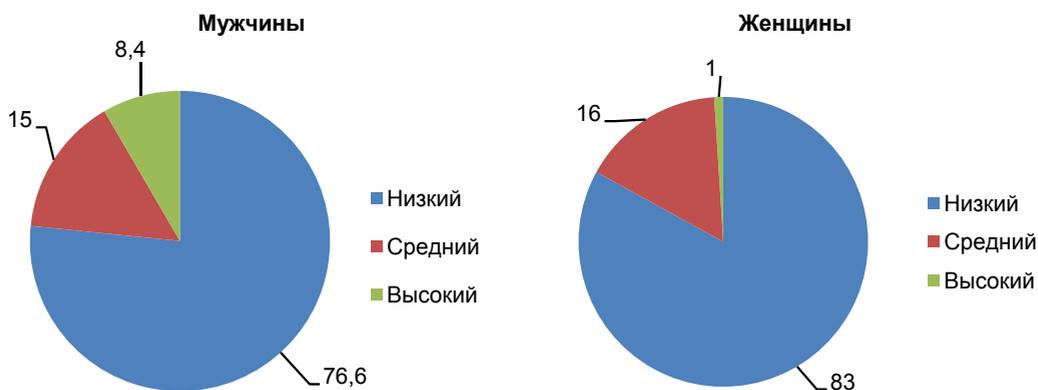

Рис. 3. Оценка по методике нервно-психической устойчивости «Прогноз»

ной ответственности за совершение тех или иных действий. Данный аспект является сдерживающим фактором наравне с имеющимся чувством долга. Несмотря на тяготы служебной деятельности, сотрудники способны справляться с возникшими трудностями, исключая нервные срывы. Профилактика суицидального поведения среди сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы требует комплексного подхода, включающего в себя психологическую поддержку, обучение и создание доступной системы помощи. Важно организовать регулярные тренинги по управлению стрессом и саморазвитию, чтобы сотрудники могли эффективно справляться с эмоциональными нагрузками и избежать выгорания. Ключевым аспектом является создание доверительной атмосферы, в которой сотрудники могли бы открыто обсуждать свои переживания, не опасаясь осуждения. Для этого целесообразно внедрение программы «открытых дверей», когда психологи доступны для консультаций в любое время. Разработка анонимных опросов о моральном состоянии сотрудников поможет выявить проблемы на ранней стадии и принять меры.

Необходимо также активно информировать сотрудников о наличии профессиональных ресурсов, служб, доступных как в организации, так и за ее пределами. Повышение осведомленности о признаках суицидальных наклонностей и обучение первой помощи в кризисных ситуациях может значительно снизить риски и помочь людям в трудные моменты.

Близкие отношения с коллегами, семьей и друзьями могут способствовать чувству принадлежности, снизить риск саморазрушения [7, с. 569]. Дополнительным аспектом эффективной профилактики суицидального поведения является обучение сотрудников навыкам эмоциональной отзывчивости и управления стрессом. Проведение тренингов и семинаров по когнитивно-поведенческой терапии и другим психотерапевтическим методам может помочь вашим коллегам справляться с эмоциональными нагрузками и развивать способность поддерживать друг друга в трудные моменты. Важно также создать открытое пространство для обсуждения проблем психического здоровья, где никто не будет бояться осуждения. Это могут быть регулярные встречи, в рамках которых обсуждаются не только профессиональные, но и личные вопросы, например, факторы стресса и способы их преодоления.

Кроме того, целесообразно интегрировать в корпоративную культуру элементы признания и поддержки. Публикация успехов сотрудников и их достижений, а также проявление благодарности за сотрудничество могут значительно поднять моральный дух и укрепить командные связи.

Среди инструментов борьбы со стрессом также следует отметить обучение навыкам преодоления напряжения, таким как осознанность, техники релаксации. Улучшение условий труда, гибкий график работы и доступ к консультированию по вопросам психического здоровья могут снизить стресс сотрудников благодаря обнаружению акцентуации в ее зачаточном состоянии.

Новизна в жизни сотрудника важна так же как для любого другого человека. Мозг на физиологическом уровне приветствует новую информацию или обучение незнакомому навыку. Благодаря выработке гормонов счастья посредством познания неизведанного, риск аутоагрессии снижается.

Предотвращение самоубийств среди сотрудников УИС РФ является критически важным. Необходимы программы профилактики, направленные на повышение осведомленности о признаках суицидального поведения, предоставление ресурсов для вмешательства в кризисных ситуациях и содействие созданию поддерживающей среды.

Профилактика суицидального поведения среди сотрудников учреждений уголовной исполнительной системы имеет критическую важность, поскольку эти работники подвергаются постоянному стрессу и эмоциональному выгоранию. Ежедневно сталкиваясь с трудными судьбами заключенных, они нередко оказываются под угрозой ухудшения своего психоземotionalного состояния, поэтому разработка и внедрение программ поддержки, а также практик психологического укрепления становится первостепенной задачей.

Обучение руководителей современным методам предотвращения суицида создает в коллективе культуру заботы друг о друге, что положительно сказывается на моральном духе в коллективе и стимулирует взаимопомощь.

Кроме того, регулярные тренинги по стресс-менеджменту и профилактике выгорания способствуют повышению квалификации сотрудников и укреплению их эмоциональной устойчивости. Это не только снижает риск суицидального поведения, но и позитивно влияет на общую атмосферу в коллективе. Инвестирование в психическое здоровье сотрудников УИС РФ – это не только проявление гуманности, но и важный шаг к повышению их профессиональной эффективности.

Список источников

1. Воронцова М. В., Макаров В. Е., Бюндюгова Т. В. Теория деструктивности : учебник для вузов. М. : Изд-во Юрайт. 2023.
2. Дмитриев Ю. А., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология : учебник для образцов. учрежд. Минюста России. Ростов н/Д : Феникс. 2007.
3. Дмитриева Л. А. Психопрофилактика в сфере семейных отношений : учеб.-метод. пособие. М., 2004.
4. Змановская Е. В. Девиантология: (психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студентов, изучающих психологию, социальную работу и социальную педагогику. 5-е изд. М. : Академия. 2008.
5. Исаева Е. Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб., 2009.

6. Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Девиантология: социология суицидального поведения : учеб. пособие для вузов. М. : Изд-во Юрайт. 2023.

7. Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Суицидальное поведение. М. : Изд-во Юрайт. 2023.

8. Красиков В. И. Синдром существования : монография. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014.

9. Курбатова Г. В., Кутякин С. А., Иванова О. В. Предупреждение суицидальных проявлений среди сотрудников уголовно-исполнительной системы России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. № 4. С. 105–112.

10. Моховиков А. Н. Суицидология: прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах : монография. М. : Когито-Центр. 2013.

11. Организация работы практических психологов с персоналом уголовно-исполнительной системы : учеб.-метод. пособие / М. Г. Дебольский [и др.]. М. : НИИ ФСИН России. 2005.

References

1. Vorontsova, M. V., Makarov, V. E. & Byundyugova, T. V. 2023, *Theory of destructiveness: textbook for universities*. Moscow.

2. Dmitriev, Yu. A. & Kazak, B. B. 2007, *Penitentiary psychology: textbook for educational institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, Rostov-on-Don.

3. Dmitrieva, L. A. 2004, *Psychoprophylaxis in the sphere of family relations: study guide*, Moscow.

4. Zmanovskaya, E. V. 2008, *Deviantology: (psychology of deviant behavior): textbook for students studying psychology, social work and social pedagogy, 5th edn*, Moscow.

5. Isaeva, E. R. 2009, *Coping-behavior and psychological protection of the individual in conditions of health and illness*. St. Petersburg.

6. Kasyanov, V. V. & Nechipurenko, V. N. 2023, *Deviantology: sociology of suicidal behavior: textbook*. Moscow.

7. Kasyanov, V. V. & Nechipurenko, V. N. 2023, *Suicidal behavior*, Moscow.

8. Krasikov, V. I. 2014, *The syndrome of existence: monograph*, Moscow, Berlin.

9. Kurbatova, G. V., Kutyakin, S. A. & Ivanova, O. V. 2019, 'Prevention of suicidal manifestations among employees of the penitentiary system of Russia', *Izvestiya of TuISU, Economic and legal sciences*, iss. 4, pp. 105–112.

10. Mokhovikov, A. N. 2013, *Suicidology: past and present: the problem of suicide in the works of philosophers, sociologists, psychotherapists and in literary texts: monograph*. Moscow.

11. Debolsky M. G., Bovin B. G. & Vasishchev A. A. 2005, *Organization of work of practical psychologists with the staff of the penitentiary system: educational and methodological manual*. Moscow.

Информация об авторах

Ю. В. Жильцова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации;

Е. А. Кулешова – начальник психологической лаборатории.

Information about the authors

Ju. V. Zhiltsova – PhD (Psychology), associate professor, associate professor of the Department of legal psychology and pedagogy, Faculty of psychology and probation;

E. A. Kuleshova – Head of the psychological laboratory.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 09.08.2024.

The article was submitted 17.07.2024; approved after reviewing 25.07.2024; accepted for publication 09.08.2024.

Научная статья
УДК 37.035.6:343.8

ВКЛАД ВЕТЕРАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Антон Сергеевич Бушмакин¹

¹ Пермский институт ФСИН России, г. Пермь, Россия, asbushmakin159@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль ветеранских организаций уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в патриотическом воспитании и социокультурном развитии сотрудников пенитенциарной службы и курсантов, обучающихся в образовательных организациях ФСИН России. Особое внимание автором уделяется деятельности С. В. Ерофеева и его вкладу в сохранение исторического наследия в системе исполнения уголовных наказаний. На основе анализа его деятельности в качестве председателя Регионального отделения Общероссийской общественной организации ветеранов уголовно-исполнительной системы по Пермскому краю и руководителя исторической экспозиции ГУФСИН России по Пермскому краю, расположенной в г. Соликамске, а также его научной и педагогической работы описывается значимость сохранения исторической памяти и формирования патриотических ценностей в профессиональном контексте уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: историческое наследие, патриотическое воспитание, ФСИН России, курсанты, социокультурное развитие

Для цитирования

Бушмакин А. С. Вклад ветеранских организаций в патриотическое воспитание, социокультурное развитие и сохранение исторического наследия в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 3(04). С. 80–86.

Original article

THE CONTRIBUTION OF VETERANS' ORGANIZATIONS TO PATRIOTIC EDUCATION, SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT AND PRESERVATION OF HISTORICAL HERITAGE IN THE PENAL SYSTEM OF RUSSIA

Anton Sergeevich Bushmakin¹

¹ Perm Institute of the FPS of Russia, Perm, Russia, asbushmakin159@gmail.com

Abstract. The article examines the role of veterans' organizations of the penal correction system in the patriotic education and socio-cultural development of the penal system employees and cadets studying in educational organizations. The author pays special attention to the activities of Sergei Vasilyevich Yerofeyev and his contribution to the preservation of historical heritage in the penal system. Based on the analysis of his activities as a chairman of the Regional Branch of the All-Russian Public Organization of veterans of the Penal System in the Perm Region and a head of the historical exposition of the in the Perm Region, located in Solikamsk, as well as his scientific and pedagogical work, the importance of preserving historical memory and the formation of patriotic values in the professional context of the penal system is described.

Keywords: patriotic education, the FPS Russia, cadets, socio-cultural development

For citation

Bushmakin, A. S. 2024. 'The contribution of veterans' organizations to patriotic education, socio-cultural development and preservation of historical heritage in the penal system of Russia', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(04), pp. 80–86.

В современных условиях, характеризующихся интенсивными изменениями, происходящими на мировой арене, российское общество сталкивается с вызовами, которые могут привести к смысловой и ценностной дезориентации граждан, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на социокультурное развитие личности. В настоящее время мы видим, как происходит искажение традиционных ценностей, присущих русской культуре, как западные недоброжелатели активно пытаются изменить и переписать исторические факты, принижая значение России в мировой истории.

В условиях подобных угроз одним из эффективных способов защиты государства является формирование у его граждан осознанного отношения к Родине, ее историческому прошлому, настоящему и будущему. В связи с этим патриотическое воспитание и необходимость социокультурного развития личности становится важным стабилизирующим фактором, который помогает гармонизировать различные жизненные установки граждан, их взгляды и убеждения.

С учетом политических и социально-экономических условий, характерных для различных этапов развития государства, подходы к пониманию патриотизма, а также цели и задачи патриотического воспитания неизбежно изменяются. Все это подчеркивает необходимость создания нового всестороннего подхода к воспитанию личности, об-

82 КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА

ладающей глубокой ответственностью перед Родиной и готовностью исполнять свои гражданские обязанности.

Истоки возникновения патриотизма лежат в многовековом существовании отдельных государств, что привело к возникновению привязанности к родной земле, языку и традициям. В ходе формирования наций и национальных государств патриотизм стал неотъемлемой частью общественного сознания, воплощая основные аспекты национального развития.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, патриотизмом является преданность и любовь гражданина к своей стране и своему народу. Это нравственное и политическое убеждение, включающее в себя гордость за достижения и культуру своей Родины, стремление сохранить ее уникальность и культурные особенности, а также отождествление себя с народом и желание защищать интересы своей страны [3, с. 4]. Патриотизм, являясь социальным чувством, выражает высшую степень привязанности человека к своей стране, в основе которого лежит любовь к Родине и готовность ставить ее интересы выше своих личных, вплоть до готовности жертвовать своими экзистенциальными потребностями ради ее блага [4, с. 176].

Необходимо отметить, что патриотизм и социокультурное развитие личности имеют тесную взаимосвязь. Патриотическое воспитание является ключевой составляющей воспитательного процесса личности, направленной на формирование у подрастающего поколения чувства любви и привязанности к родной земле, государству, его природным богатствам, национальной культуре и традициям. Патриотизм передается из поколения в поколение как неотъемлемая часть культурного наследия, способствуя сохранению и укреплению национальной идентичности и культурных ценностей общества. Особую значимость приобретает патриотическое воспитание, основанное на историческом наследии Великой Отечественной войны, делая существенный вклад в процесс подготовки молодежи к выполнению роли защитников Отечества, поэтому важно развивать в обществе национальное самосознание, сохраняя память об истории своей страны, ее роли в мировой истории и формируя у подрастающего поколения чувство ответственности за будущее своей Родины [6, с. 53].

Значительная роль в обеспечении правопорядка и сохранении состояния безопасности граждан и государства принадлежит сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС РФ) [1, с. 53], поэтому их патриотическое воспитание и социокультурное развитие имеют особое значение. Патриотизм как важный аспект социокультурного развития играет ключевую роль в воспитательном процессе, помогая формировать у сотрудников УИС РФ чувство принадлежности к своему народу и государству. Формирование патриотических ценностей среди сотрудников пенитенциарных учреждений является ключевым элементом их профессионального и социокультурного становления. Начинать данный процесс необходимо задолго до поступления на службу в исправительные учреждения. Наиболее подходящим для этих целей является период обучения будущих офицеров в образовательных организациях ФСИН России [5, с. 73].

В целях проведения воспитательной работы с сотрудниками пенитенциарных учреждений и курсантов образовательных организаций ФСИН России, в учреждениях и органах ФСИН России созданы и функционируют подразделения отделов кадров по работе с личным составом. Кроме того, неоценимый вклад в данный процесс вносит Общероссийская общественная организация ветеранов УИС. Именно на роли ветеран-

ских организаций в процессе патриотического воспитания и социокультурного развития настоящих и будущих сотрудников УИС РФ следует остановить наше внимание.

Ветераны играют ключевую роль в передаче молодым сотрудникам пенитенциарной системы практического опыта и ценностей, накопленных поколениями сотрудников, а регулярные мероприятия и встречи направлены на развитие и укрепление у молодежи патриотических чувств и уважения к своей Родине и избранной профессии. Взаимодействие такого рода не только способствует сохранению культурного наследия, но и способствует формированию у молодежи высоких моральных стандартов и профессионального поведения, что так необходимо в условиях службы в пенитенциарных учреждениях.

Одним из ярких представителей ветеранов УИС Пермского края является С. В. Ерофеев, заместитель председателя Регионального отделения Общероссийской общественной организации ветеранов УИС по Пермскому краю, полковник внутренней службы в отставке. Сергей Васильевич заслуживает особого внимания. Являясь выдающимся деятелем УИС РФ, он посвятил свою жизнь службе и активной деятельности в сфере исправления осужденных, воспитания сотрудников, курсантов образовательных организаций ФСИН России, а также жителей своего родного города, в котором и началась его служба.

С. В. Ерофеев прослужил в УИС РФ более 37 лет. Свой профессиональный путь начал в 1985 г. в г. Соликамске, где начал работу в должности инженера по организации труда осужденных, и благодаря высокому уровню профессионализма, компетентности и личностным качествам успешно продвинулся по карьерной лестнице, заняв должность заместителя начальника управления ГУФСИН России по Пермскому краю.

На протяжении своей карьеры С. В. Ерофеев демонстрировал значительные достижения в различных областях служебной деятельности, направленной не только на исправление осужденных, но и воспитание сотрудников пенитенциарной системы. В 2010 г. в звании полковника внутренней службы, С. В. Ерофеев вышел в отставку, но не оставил свою деятельность и продолжил активно участвовать в жизни родного ведомства.

В настоящее время С. В. Ерофеев является заместителем председателя Регионального отделения Общероссийской общественной организации ветеранов УИС по Пермскому краю, а также уже более 14 лет руководит постоянно действующей исторической экспозицией ГУФСИН России по Пермскому краю. Заслуги С. В. Ерофеева не были оставлены без внимания руководства ФСИН России, и в 2022 г. приказом директора ФСИН России ему заслуженно присвоено звание «Почетный работник УИС России».

Благодаря своему профессионализму и многолетнему опыту С. В. Ерофеев оказывает значительное влияние на развитие подрастающего поколения и формирование патриотических ценностей среди сотрудников УИС РФ. Его отличает вдумчивый и настойчивый подход к решению задач, что позволяет успешно взаимодействовать с органами государственной власти и средствами массовой информации. Эти качества способствуют созданию устойчивой платформы для воспитательной и просветительской работы, которая не только охватывает сотрудников и ветеранов, но и активно привлекает молодое поколение, включая курсантов образовательных организаций ФСИН России, прибывающих в исправительные учреждения г. Соликамска для прохождения практики, и учащихся школ г. Соликамска.

Важно отметить, что деятельность С. В. Ерофеева не ограничивается формальными мероприятиями, она направлена на глубокое проникновение патриотических идей в со-

знание каждого человека. В эпоху глобальных перемен и вызовов, с которыми сталкивается современное российское общество, такие инициативы особенно важны, так как они помогают сохранить духовные и нравственные ориентиры, а внимание к истории и культурным традициям родной страны являются важной составляющей государственной политики.

Огромное значение несет деятельность С. В. Ерофеева, направленная на сохранение и популяризацию культурного наследия УИС РФ. Историческая экспозиция, созданная и поддерживаемая под его руководством, не только служит важным образовательным инструментом, но и является местом, где сохраняется память о героическом прошлом нашей страны. Экспозиция регулярно обновляется и пополняется новыми материалами, что делает ее постоянно актуальной для всех посетителей. На базе постоянно действующей экспозиции истории уголовно-исполнительной системы под его руководством с 2010 по 2024 год было проведено более 300 организованных экскурсий, которые посетили более 5000 человек, включая учащихся школ, сотрудников и ветеранов, курсантов образовательных организаций ФСИН России, а также гостей города. Важным аспектом данной работы является включение посетителей музея в обязательные экскурсии по историческим местам города, что способствует укреплению их профессиональной и гражданской позиции.

Значительным вкладом в сохранение исторического наследия страны является поисковая работа, проводимая С. В. Ерофеевым, по установлению имен сотрудников и служащих системы, ушедших на фронт в годы Великой Отечественной войны. Благодаря его усилиям, были установлены и преданы широкой огласке имена 15 Героев Советского Союза и 5 Полных кавалеров ордена Славы. Результатом этой работы стали издания нескольких памятных книг, которые играют важную роль в сохранении исторической памяти и патриотическом воспитании [2].

Кроме того, С. В. Ерофеев внес вклад в популяризацию службы в уголовно-исполнительной системе через средства массовой информации. За последние пять лет им было подготовлено и размещено более тысячи публикаций и сюжетов, посвященных деятельности сотрудников УИС РФ и ветеранов. Разнообразие форматов публикаций позволяет охватить широкую аудиторию, что помогает формировать положительный имидж пенитенциарной системы в обществе и повышает престиж службы среди молодежи.

Таким образом, патриотическое воспитание и социокультурное развитие сотрудников и курсантов образовательных организаций ФСИН России, играющих ключевую роль в поддержании правопорядка и общественной безопасности страны, являются фундаментальными аспектами их профессионального становления. Вклад ветеранов УИС, таких как Сергей Васильевич, в воспитание молодого поколения сотрудников, курсантов имеет важное значение, способствуя укреплению патриотических ценностей и сохранению духовных и нравственных ориентиров. В условиях современных вызовов, когда дестабилизирующие факторы могут оказать негативное влияние на общественное единство страны, это становится особенно актуальным.

Деятельность ветеранов УИС ориентирована не только на выполнение формальных задач, но и на глубокое проникновение патриотических идей в сознание каждого участника образовательных и воспитательных мероприятий, что вносит значимый вклад в укрепление внутренней стабильности и консолидацию российского общества. Пример Сергея Васильевича Ерофеева, который является образцом русского офицера, посвятившего свою жизнь служению Отечеству, иллюстрирует высокие моральные

и профессиональные стандарты, необходимые для всех сотрудников УИС. Его вклад в патриотическое воспитание и социокультурное развитие молодежи продолжает играть ключевую роль в поддержании традиций и преемственности поколений.

Список источников

1. Бушмакин А. С. Организация социокультурной деятельности курсантов в учебно-воспитательном процессе образовательной организации Федеральной службы исполнения наказаний // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 1(2). С. 52–62.
2. Герои уголовно-исполнительной системы Прикамья. Биографические и архивные материалы о Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы / сост. С. В. Ерофеев. 2-е изд. доп., Пермь : Издательский дом Типография купца Тарасова, 2020.
3. Демин И. В., Долгина Е. С. Патриотизм: понятие и виды // Вестник магистратуры. 2015. № 11-2(50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-ponyatie-i-vidy> (дата обращения: 21.08.2024).
4. Павлов А. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-ochen-kratkaya-istoriya-idei> (дата обращения: 21.08.2024).
5. Пивоварова Т. В. Патриотическое воспитание сотрудников Университета ФСИН России // Профессиональное юридическое образование и наука. 2022. № 2(6). С. 72–76.
6. Шатров А. Г. Патриотическое воспитание курсантов и слушателей в образовательных учреждениях МВД России на героических традициях Великой Отечественной войны // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1998. № 2(8).

References

1. Bushmakina, A. S. 2024, 'Organization of socio-cultural activities of cadets in the educational process of the educational organization of the FPS', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 1(2), pp. 52–62.
2. Yerofeev, S. V. (comp.) 2020, *Heroes of the penal system of the Kama region. Biographical and archival materials about the Heroes of the Soviet Union and full cavaliers of the Order of Glory*, 2nd ed., Perm.
3. Demin, I. V. & Dolgina, E. S. 2015, 'Patriotism: the concept and types', *Bulletin of the Magistracy*, iss. 11-2(50), viewed 21 August 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-ponyatie-i-vidy>.
4. Pavlov, A. 2018, 'Patriotism. A very brief history of the idea', *Philosophical Anthropology*, iss. 1, viewed 21 August 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-ochen-kratkaya-istoriya-idei>.
5. Pivovarova, T. V. 2022, 'Patriotic education of employees of the University of the FPS of Russia', *Professional legal education and science*, iss. 2(6), pp. 72–76.
6. Shatrov, A. G. 1998, 'Patriotic education of cadets and students in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the heroic traditions of the Great Patriotic War', *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, iss. 2(8).

Информация об авторе

А. С. Бушмакин – старший преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования.

Information about the author

A. S. Bushmakin – senior lecturer at the Department of regime organization, security and escort.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.8.1 Общая педагогика, история педагогики и образования

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья
УДК 159.9:343.83

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ СЛУЖЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ СОТРУДНИКОВ В ПЕРИОД ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Елена Вячеславовна Сорочкина¹

¹ УФСИН России по Республике Мордовия, г. Саранск, Россия, eleanoranc7@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты, способствующие формированию устойчивой мотивации сотрудников уголовно-исполнительной системы к служебно-профессиональному саморазвитию: взаимосвязь внутренней и внешней мотивации, постановка целей и их достижение, личностно-психологические особенности сотрудников, способствующие успешной служебно-профессиональной деятельности. Основное внимание направлено на служебно-профессиональное саморазвитие сотрудника уголовно-исполнительной системы. Предметом исследования являются личностно-психологические качества сотрудника уголовно-исполнительной системы как профессионала и факторы, способствующие их дальнейшему успешному формированию и развитию. Основной задачей является необходимость показать взаимосвязь развития профессионально важных качеств и мотивации к службе, а также качественные изменения, происходящие в структуре личности сотрудника в период прохождения службы. Выявление закономерностей развития личностно-психологических особенностей способствует расширению понимания особенностей становления личности сотрудника в системе служебно-профессиональной деятельности. Актуальность детального рассмотрения комплекса профессионально важных качеств сотрудника обусловлена современными качественными изменениями, происходящими в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Прослеживаются тенденции в построении комплексного подхода к формированию профессионально-успешных сотрудников по направлениям служебной деятельности. Методы психологической диагностики являются основой формирования доказательной базы исследования и позволяют сделать выводы о результативности полученных данных.

Ключевые слова: сотрудник уголовно-исполнительной системы, служебно-профессиональное саморазвитие, мотивация, профессионально важные качества, целеполагание

Для цитирования

Сорочкина Е. В. Психологические аспекты формирования мотивации служебно-профессионального саморазвития сотрудников в период прохождения службы в уголовно-исполнительной системе // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 3(04). С. 87–94.

Original article

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF MOTIVATION OF SERVICE-PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT OF EMPLOYEES DURING THEIR SERVICE IN THE PENAL SYSTEM

Elena Vyacheslavovna Sorochkin¹

¹ FPS of Russia for the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, eleonoranlc7@gmail.com

Abstract. The article examines the aspects contributing to the formation of sustainable motivation of employees of the management system for professional self-development: the relationship between internal and external motivation, setting goals and achieving them, personal and psychological characteristics of employees contributing to successful professional activity. The main focus is on the professional self-development of a penal system employee. The subject of the study is the actual personal and psychological qualities of a penal system employee as a professional and the factors contributing to their further successful formation and development. The main task is to show the relationship between the development of professionally important qualities and motivation for service, as well as qualitative changes taking place in the structure of an employee's personality during the period of service. The identification of patterns of development of personal and psychological characteristics contributes to the expansion of understanding of the peculiarities of the formation of the personality of a penal system employee in the system of official and professional activity. The relevance of a detailed consideration of the complex of professionally important qualities of an employee is due to modern qualitative changes taking place in the penal enforcement system of Russia. There are trends in building an integrated approach to the formation of professionally successful employees in the areas of professional activity. Psychological diagnostic methods are the basis for the formation of the evidence base of the study, which allows us to draw conclusions about the effectiveness of the data obtained.

Keywords: penal system employee, professional self-development, motivation, professionally important qualities, goal setting

For citation

Sorochkina, E. V. 2024, 'Psychological aspects of formation of motivation of service-professional self-development of employees during the period of service in the penal system', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(04), pp. 87–94.

Вопросы служебно-профессионального саморазвития являются актуальными при изучении успешного становления сотрудника на всех этапах его службы в уголовно-исполнительной системе (УИС РФ). На всем протяжении служебной деятельности происходит развитие личностно-психологических, служебно-профессиональных, внутренних и внешних ресурсов, побуждающих сотрудника адаптироваться к условиям прохождения службы и успешно развиваться. Прохождение службы в учреждениях УИС РФ предъявляет повышенные требования к личностно-психологическим качествам сотрудников, уровню их эмоциональной выдержки, терпимости, самообладанию, наличию социального иммунитета к возможному воздействию криминальной субкультуры и иных неблагоприятных факторов [4].

Перечисленным критериям отвечает эффективно организованная система профессионально-психологического отбора на первоначальном этапе изучения будущих сотрудников УИС в качестве кандидатов на службу. Диагностика степени выраженности тех или иных психологических качеств осуществляется на протяжении всего процесса сопровождения сотрудников, начиная от изучения кандидатов на службу, далее, анализируя динамические изменения в период прохождения службы, и, завершая оценкой особенностей профессионально важных качеств сотрудников перед увольнением в связи с достижением предельного возраста.

Необходимые профессионально важные качества могут быть недостаточно развитыми, что объясняется либо незрелой системой личности, либо социально-средовыми факторами. Успешность коррекции также определяется наличием внутренней мотивации сотрудника к саморазвитию, к практическому применению полученных навыков.

Эффективное применение тех или иных форм и методов психологического сопровождения сотрудников невозможно без адекватных средств, с помощью которых они реализуются: конспективно-лекционные материалы, кабинеты групповой психологической регуляции, учебные кабинеты (мультимедиаклассы) со специальным оборудованием, видеофильмы, тематические видеоролики, презентации, наглядные пособия, флипчарты, 3D-оборудование, раздаточный материал, приборы и технические устройства психофизической регуляции и т. д. Системно организованные занятия как в индивидуальной, так и в групповой форме создают условия для развития необходимых компетенций личностно-профессиональной и служебной направленности.

Профессиональное развитие личности, рассматриваемое с позиций системного подхода, представляет собой не статическое, а динамическое, непрерывно изменяющееся состояние. Профессионально важные качества субъекта труда развиваются, складываются приемы их компенсации, деятельность приобретает качественно новые характеристики. Меняется «удельный вес» отдельных профессионально важных качеств по мере перехода от начального уровня профессиональной успешности – к более высокому [4].

Этому способствует наличие специального образования (знания, умения, навыки, в том числе полученные в ходе специального обучения по направлению служебной деятельности) и профессионально-психологической подготовки, которая складывается из системы теоретических и практических занятий, организуемых в рамках служебной деятельности. Нельзя не упомянуть жизненный опыт и наличие внутренних личностно-психологических ресурсов, степень развития которых у всех людей различная и определяется в том числе и социально-средовыми факторами.

Основными аспектами служебно-профессионального саморазвития сотрудников в период прохождения службы в УИС РФ относятся следующие:

1. Мотивация к служебной деятельности. Мотивация играет центральную роль в постановке и достижении целей в абсолютно любых видах деятельности: образование, карьерный рост, профессиональное саморазвитие и является самым сильным побуждающим к развитию фактором. Внешние мотивы – это осознание важности и необходимости своей служебной деятельности, ответственность за свои действия перед обществом, соответствие требованиям правового общества и т. д. К внутренним мотивам относят интерес к своей работе, желание работать и решать проблемы людей, реализация призвания и т. д. В контексте профессиональной деятельности очень важно, чтобы внешняя мотивация совпала с внутренней, либо произошла ее трансформация во внутреннюю под влиянием условий профессиональной деятельности. В этом случае можно отмечать качественные изменения в структуре личности сотрудника УИС, позволяющие развиваться и совершенствоваться. Профессиональная мотивация – это отражение внутренней структуры субъекта профессиональной деятельности [2]. Стоит отметить процесс непрерывного перехода потенциальных способностей сотрудника УИС РФ в области профессиональной деятельности в актуальные, в том числе лично значимые. Например, рассматривая первичную теорию потребностей А. Маслоу в контексте служебно-профессиональной деятельности сотрудника УИС РФ, можно отметить изменчивый процесс преобразования потребностей и мотивов на всем пути служебной деятельности, постановку и реализацию целей в соответствии с актуальными условиями.

По Л. Л. Малковой, мотивация сотрудников УИС РФ заключается в реализации таких условий служебно-профессиональной деятельности, которые обеспечат потребность в добросовестном, результативном труде и помогут получить высокий результат как подкрепление [3]. Происходит выравнивание структуры ценностно-смысловой сферы в области дальнейшего профессионального становления и развития. Ценностная и мотивационная сферы личности сотрудников УИС РФ на разных этапах служебной деятельности имеют сложную, многоуровневую структуру, представляющую собой единство личностных и профессиональных ценностей и мотивов. Изменения происходят под влиянием условий и специфики профессиональной деятельности, преломляясь в системе потребностей, установок и характерологических особенностей.

2. Постановка конкретных целей, процесс целеполагания и развитие мотивационно-волевого компонента в структуре личности сотрудника УИС РФ. При поступлении на службу постановка целей может быть размытой и подкрепляться ошибочными установками, что свидетельствует о недостаточном жизненном и служебно-профессиональном опыте. В процессе служебной деятельности цели становятся более точными, четкими и менее отсроченными по времени их реализации. В таком случае можно судить о том, что сотрудник уже более осознанно подходит к своим целям, их реализации и дальнейшему планированию этапов своей профессиональной самореализации. Способность ставить цели и планомерно их реализовывать свидетельствует о сформировавшейся структуре личности.

3. Эффективная организация условий внешней среды, так называемая иерархическая структура системы функционирования служебного коллектива и условий служебной деятельности, позволяет развивать профессионально важные качества (знания, умения, навыки и способности). Важным условием является принятие сотрудником всей системы условий, которыми располагает служебная деятельность и в дальней-

шем успешно в ней функционировать. Это помогает принимать взвешенные решения, учитывать накопленный опыт, анализировать и усваивать информацию.

Основные профессионально значимые психологические качества личности сотрудника УИС РФ: адаптивные способности, нервно-психическая (эмоциональная) устойчивость личности, коммуникативная компетентность, организаторские способности, лидерские качества, умение работать в команде [5].

Названные качества могут служить запросом для организации адресного психологического сопровождения. Индивидуальный подход к рассмотрению структуры личности каждого сотрудника реализует перспективные возможности его дальнейшего становления и развития.

Профессиональное саморазвитие – это сложный структурированный процесс, при котором важна роль самого субъекта развития (сотрудника УИС). Ключевую роль играет потребность самого сотрудника в самообразовании. В области изучения профессионального развития личности сотрудника концепция построения необходимых для этого условий способствует смещению фокуса внимания на развитие профессиональных компетенций.

Определение успешного служебно-профессионального саморазвития складывается из ряда признаков:

- сотрудник в позитивном ключе отзывается о своей служебной деятельности;
- свойственно поступательное развитие: карьерный рост, получение образования (базового или дополнительного), служебные поощрения, регулярные повышения квалификации;
- участие в общественной и служебной жизни коллектива;
- потребность в самообразовании в рамках изучения актуальных нормативных актов и документов, регламентирующих служебно-профессиональную деятельность;
- гибкость когнитивно-познавательной сферы и отсутствие признаков деструктивного изменения структуры личности на протяжении службы;
- отсутствие отрицательной динамики структуры личности, ярко выраженного деформационного процесса с проявлением деструктивных форм поведения и симптоматики.

Качественные изменения личностно-психологических свойств наглядно показаны на примере анализа средних значений психодиагностики кандидатов на службу и сотрудников со сроком службы от 5 до 10 лет – средний и старший начальствующий состав (рис. 1). Значимым аспектом является период службы либо его отсутствие, что позволяет проследить динамику развития показателей.

Если ориентироваться по основным шкалам методики как предпосылкам формирования профессионально важных качеств, необходимых сотруднику для успешного осуществления его служебной деятельности, то прослеживается положительная динамика по позициям: интеллект, коммуникация, нервно-психическая устойчивость и т. д. Косвенным подтверждением являются результаты средних оценок по дополнительным методикам (рис. 2, 3).

Если выделять волевой самоконтроль как одну из ключевых позиций ресурсов сотрудника в период прохождения службы, то качественные изменения в первые 5–10 лет служебной деятельности способствуют повышению его успешности и создают потенциал для дальнейшего обучения и развития. Диагностика нервно-психической устойчивости поддерживает формирующуюся личностно-психологическую структуру в стабильном состоянии (рис. 3).

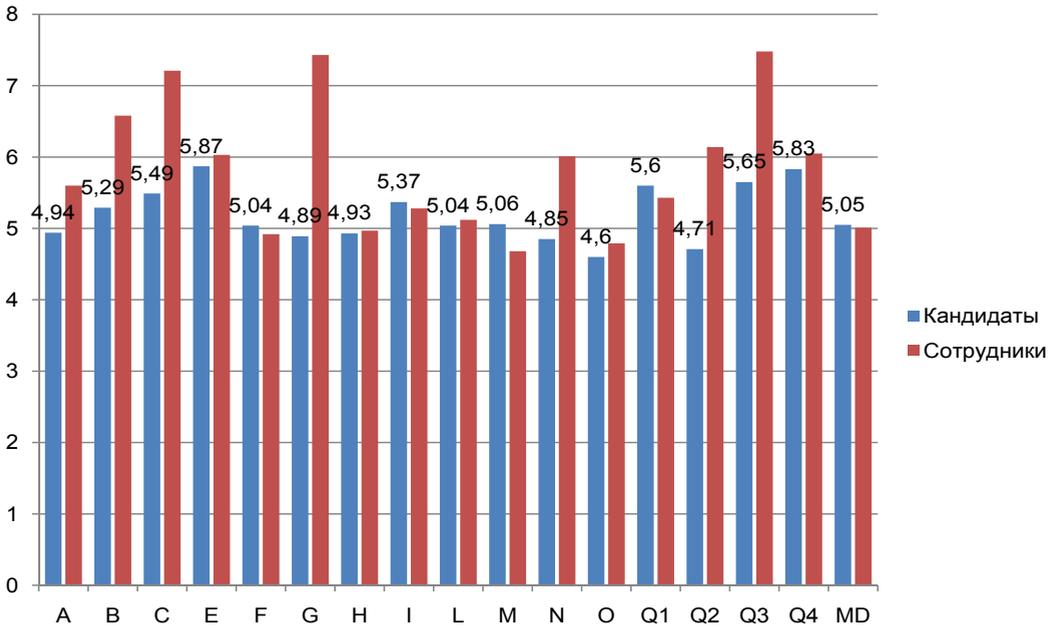

Рис. 1. Результаты психодиагностики по методике Р. Кеттелла (С)

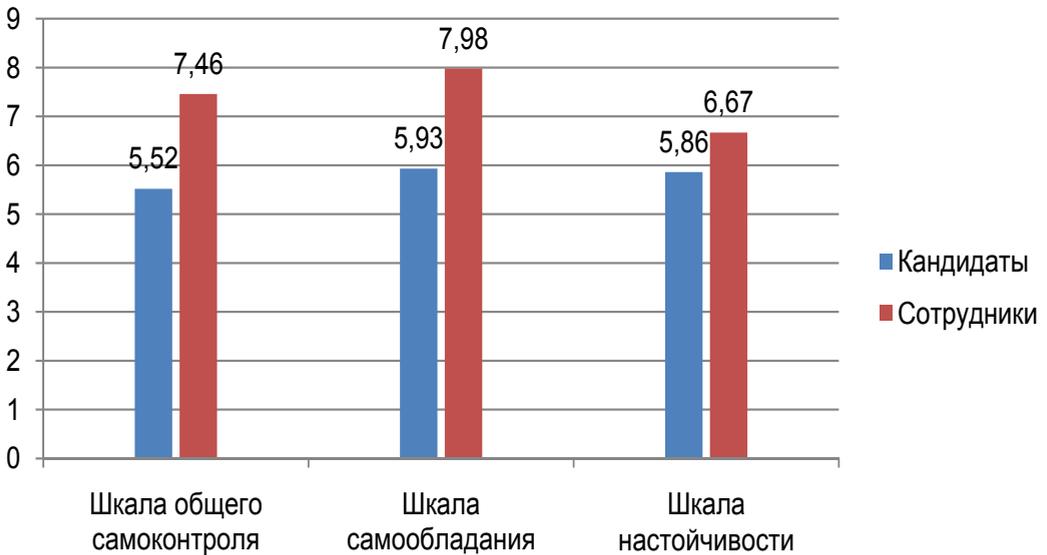

Рис. 2. Результаты психодиагностики по методике волевого самоконтроля Е. В. Эйдмана

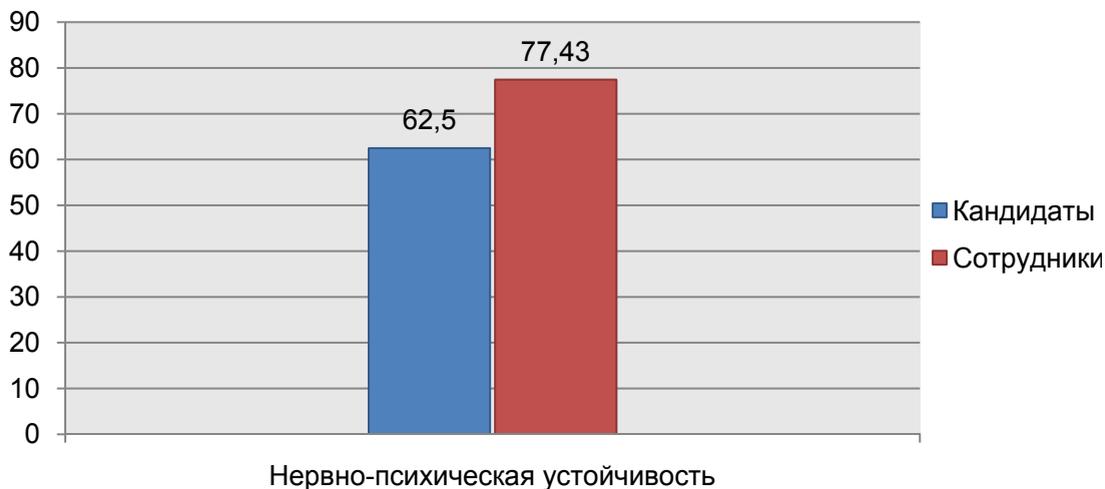

Рис. 3. Результаты психодиагностики по методике оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз»

Таким образом, качественное психологическое сопровождение, адресное использование методов и методик психологического воздействия, психологическая профилактика причин, способствующих проявлению профессиональных деструкций, способствуют профессиональному развитию личности сотрудника и предотвращению профессиональной деформации личности [4]. Отметим организацию эффективного взаимодействия кадровых, психологических служб, отделов по работе с личным составом и работающую систему наставничества, позволяющую обеспечить возможность формирования у сотрудников УИС РФ необходимой системы профессиональных компетенций и установок в условиях служебной деятельности. Процесс профессионального саморазвития часто определяется потребностью в обучении и взаимосвязью внутренних мотивов со средовыми факторами служебно-профессиональной деятельности.

Несмотря на сложные условия служебной деятельности, высокую эмоциональную напряженность, работа в УИС РФ является стабильной и дает возможность профессионального развития личности через преодоление трудностей службы, приобретение психологической устойчивости к негативному воздействию среды, наработку таких качеств, как мужественность, решительность, самодисциплина, твердость и бескомпромиссность в вопросах службы, мгновенная реакция, и многих других, необходимых сотруднику УИС РФ в служебной деятельности [4].

Список источников

1. Дебольский М. Г. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы // Энциклопедия юридической психологии. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
2. Казымов М. Р., Ложкова Г. М. Профессиональная мотивация как средство личностного развития // Научный журнал NovalInfo. 2016. С. 288–293.

3. Крапивина М. Н. Мотивация в уголовно-исполнительной системе // Вестник науки № 6(51). 2022. Т. 1. С. 160–164.

4. Кузнецова Л. Э., Бочарова К. А. Исследования молодых ученых // I Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2019 г.) Казань : Молодой ученый, 2019. С. 50–51.

5. Чернышева Е. В. Пенитенциарная психология : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2023.

References

1. Debolsky, M. G. 2003, 'Psychological service of the penal system', *Encyclopedia of legal psychology*. Moscow.

2. Kazymov, M. R. & Lozhkova, G. M. 2021, 'Professional motivation as a means of personal development', *Scientific journal NovalInfo*, pp. 288–293.

3. Krapivina, M. N. 2022, 'Motivation in the penal system', *Bulletin of Science*, vol. 1, iss. 6(51), pp. 160–164.

4. Kuznetsova, L. E. & Bocharova, K. A. 2019, 'Research of young scientists', in *I International scientific conference* (Kazan, June 2019), *Young scientist*, pp. 50–51 Kazan.

5. Chernysheva, E. V. 2023, *Penitentiary psychology: study guide*, Ekaterinburg.

Информация об авторе

Е. В. Сорочкина – психолог психологической службы УФСИН России по Республике Мордовия.

Information about the author

E. V. Sorochkina – psychologist of the psychological service of the Federal Penitentiary Service of Russia In the Republic of Mordovia.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 25.07.2024; одобрена после рецензирования 31.07.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 25.07.2024; approved after reviewing 31.07.2024; accepted for publication 12.08.2024.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Научная статья
УДК 159.9.07(510)

КИТАЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: ОБЗОР АКТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Денис Алексеевич Курдин¹

¹ Академии ФСИИ России, Рязань, Россия, dnskurdin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9292-7342>

Аннотация. В статье представлен обзор организации китайской психологической науки. Перечислены некоторые сообщества, занимающиеся исследованиями в области психологии. Китайская психологическая ассоциация – это общественная академическая организация, состоящая из психологов Китайской Народной Республики. Институт психологии Китайской академии наук решает задачи проведения перспективных фундаментальных и прикладных исследований. Автором рассмотрена система организации публикаций психологических исследований. Сбор и обработка научных данных о публикациях происходит в наукометрической системе CNKI. Приведен анализ журналов, которые публикуют научные достижения в данной области. Рассмотрены последние опубликованные исследования. В выводе отмечено, что современная китайская психология все еще не так широко изучена и распространена за пределами Китая, особенно в России.

Ключевые слова: Китай, китайская психология, Китайское психологическое общество, институт психологии Китая, обзор исследований

Для цитирования

Курдин Д. А. Китайская психологическая наука: обзор актуальных исследований // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 3(04). С. 95–104.

INTERNATIONAL EXPERIENCE

Original article

CHINESE PSYCHOLOGICAL SCIENCE: AN OVERVIEW OF CURRENT RESEARCH

Denis Alekseevich Kurdin¹

¹Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, dnskurdin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9292-7342>

Abstract. The article presents an overview of the organization of Chinese psychological science. Some communities involved in research in the field of psychology are listed. The Chinese Psychological Association is a public academic organization consisting of psychologists from the People's Republic of China. Institute of Psychology of the Chinese Academy of Sciences conducts promising fundamental and applied research. The review of the system of organization of publications of psychological research is considered. The collection and processing of scientific data on publications takes place in the CNKI scientometric system. The analysis of journals that publish scientific achievements in this field is given. The latest published studies are reviewed. The conclusion notes that modern Chinese psychology is still not so widely studied and widespread outside of China, especially in Russia.

Keywords: China, Chinese psychology, Chinese Psychological Society, Institute of Psychology of China, research review

For citation

Kurdin, D. A. 2024, 'Chinese psychological science: an overview of current research', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(04), pp. 95–104.

Вектор развития отечественной психологии сегодня если не очерчен, то во всяком случае осознаваем большинством ученых-психологов. Новые веяния психологического дискурса вполне оценимы специалистами. Западная психологическая мысль легко интерпретируется отечественными психологами, почти так же легко, как и отечественная.

Реалии современной политики вносят свои коррективы, возникает необходимость смотреть шире на мир в том числе и обратить внимание на восток, где также есть большие успехи в области психологической науки. Один из центров научного мира находится в Китайской Народной Республике (КНР).

История современной китайской психологии началась в конце XIX века и включает в себя процесс становления и развития психологии как самостоятельной дисциплины. Развитие психологии в Китае возможно разделить на шесть этапов.

Первый этап (1840–1920 гг.). Древняя китайская психология имеет долгую историю, но в условиях длительного феодального правления ей не хватило условий для развития в самостоятельную дисциплину. В Китай после «опиумных» войн начала проникать западная культура, включая русскую и советскую психологию.

Второй этап (1921–1937 гг.). В 1921 г. была создана Китайская психологическая ассоциация, до начала войны с Японией количество китайских специалистов, учрежде-

ний и публикаций в области психологии быстро росло. Китайский ученый Цай Юаньпэй руководил созданием Центрального научно-исследовательского института и основал Институт психологии (1928 г.).

Третий этап (1937–1949 гг.). Психологическое общество прекратило свою деятельность, начался период упадка в развитии китайской психологии. В чрезвычайно сложных условиях продолжались научные исследования и были достигнуты определенные результаты. Была подготовлена группа аспирантов, опубликовано несколько важных работ и основано новое издание — «Исследования в области психологии образования».

Четвертый этап (1949–1965 гг.). После основания Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г. с развитием социалистического экономического строительства, научные, культурные и образовательные мероприятия развивались быстрыми темпами, были открыты широкие перспективы для развития китайской психологии. С тех пор китайская психология вступила в новый исторический период.

Пятый этап (1966–1976 гг.). Во время «Культурной революции» наступил кризис психологии, так как психологию оклеветали как буржуазную лженауку, она понесла серьезные потери. Развитие психологии приостановилось. Но все же есть психологи, которые настаивали на изучении и написании работ по психологии в сложных условиях. «Краткие психологические заметки» Пань Шу (1984 г.) были написаны в этот особый период.

Шестой этап (1977–2021 гг.). Это важный этап развития китайской национальной психологии. После «Культурной революции» Китай вступил в новый период исторического развития. Психологическая наука постепенно восстанавливалась и развивалась. Институт психологии при Китайской академии наук, а также секции и группы преподавания и исследования психологии различных колледжей и университетов во всем Китае возобновляют свою деятельность. [2]

Рассматривая основные векторы развития китайской психологической науки, следует отметить, что психология носит официальный статус науки и преподается во многих вузах страны. В КНР существует Китайское психологическое общество (КПС). Это одна из первых академических организаций среди существующих национальных обществ. КПС было основано в 1921 г.

Китайская психологическая ассоциация – это общественная академическая организация, состоящая из психологов КНР. Ее цель – объединить психологов, осуществлять научную деятельность и проводить дискуссии в целях содействия процветанию и развитию психологической науки в стране. Содействовать популяризации и продвижению знаний в области психологической науки, а также способствовать росту, совершенствованию и развитию талантливых специалистов.

Рис. 1. Официальный символ Китайского психологического общества

Рис. 2. Профессиональный комитет по культурной психологии

Рис. 3. Официальный символ Института психологии

В КПС в настоящее время насчитывается около 25 000 зарегистрированных членов. Российское психологическое общество (РПО) на сегодняшний день насчитывает около 5000 членов. В структуре РПО – 62 региональных отделения и 16 научных секций. В структуру КПС входит Совет. Совет – орган управления, избирается членами общества на срок 4 года. Советом руководит избранный председатель. В настоящее время генеральный секретарь КПС – Фу Сяолань. Стоит отметить, что одним из выдающихся психологов и председателем КПС в течении 30 лет был Пань Шу.

Китайское психологическое общество состоит из 43 профессиональных комитетов по различным отраслям психологии, 13 рабочих комитетов и 2 редакционных комитетов журналов. КПС также объединяет региональные психологические ассоциации в 31 провинции, автономных районах и муниципалитетах страны. Китайское психологическое общество осуществляет активное сотрудничество и входит в состав Международного союза психологических наук (IUPsyS) с 1980 г., а также Международной ассоциации прикладной психологии (IAAP) с 1984 г. КПС осуществляет свою деятельность на основании соответствующего Положения. Приведем несколько статей из данного положения.

Статья 3. Целью СПК является соблюдение принципов марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важной идеи «Трех представительств», научного взгляда на развитие и идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой.

Статья 4. СПК придерживается общего руководства Коммунистической партии Китая и в соответствии с положениями Конституции Коммунистической партии Китая.

Кроме КПС вопросами психологических исследований занимается Институт психологии Китайской академии наук.

Институт психологии Китайской академии наук (далее – Институт психологии) создан в 1951 г. Ранее известен как Институт психологии Академии Синика, основан в 1929 г. Основными задачами Института психологии является проведение перспективных фундаментальных и прикладных исследований, создание отечественной научно-технологической платформы поддержки, поддержка исследовательских коллективов высокого уровня, формирование институционального механизма и инновационной системы современного научно-исследовательского познания.

Институт психологии состоит из трех лабораторий: 1) медицинской и генетической психологии, 2) когнитивной психологии и психологии развития, 3) социальной и инженерной психологии. По состоянию на 2022 г. в Институте психологии работает в общей сложности 217 сотрудников, в том числе 156 научных сотрудников, а так же обучается около 500 студентов.

В последнее время институте было проведено 759 новых научно-исследовательских проектов с общим объемом финансирования около 640 миллионов юаней (около 8 млрд рублей). Ключевыми вопросами исследований являлись: изучение нейронного механизма внимания; когнитивные исследования; исследования визуальной обработки биологической информации о движении; зрительное восприятие человека, а также изучение в области «социальных изменений» и «системы социально-психологических услуг» и др. Публикация научных исследований, а также сбор и обработка научных данных о публикациях происходит в наукометрической системе (аналог Российского индекса научного цитирования) CNKI.

CNKI – наукометрическая база данных Китайской Народной Республики, которая на протяжении почти двадцати лет занимается индексацией статей на китайском языке, покрывая огромную площадь исследований в Китае.

Рассмотрим журналы, которые публикуют научные достижения в области психологической науки.

«Acta Psychologica Sinica» – ежемесячный журнал, спонсируемый Китайским психологическим обществом и Институтом психологии Китайской академии наук, издаваемый издательством Science Press. В нем публикуются новейшие психологические науч-

Рис. 4. Официальный символ наукометрической базы данных Китайской Народной Республики

но-технические работы самого высокого уровня, написанные китайскими психологами. Журнал был основан в 1956 г. К концу 2010 г. было опубликовано в общей сложности 49 томов и 284 выпуска. С 2008 года издается ежемесячно.

«Journal of Psychological Science» – издание, выходящее раз в два месяца, спонсируется Китайским психологическим обществом, организовано Восточно-Китайским педагогическим университетом и публикуется редакционным отделом психологических наук. Это комплексный академический журнал по психологии, всесторонне отражающий новейшие разработки в различных областях психологии и публикующий как теоретические, так и практические статьи. Журнал основан в 1964 г.

«Advances in Psychological Science» – журнал, издаваемый Институтом психологии Китайской академии наук. Цель журнала – отразить последние достижения исследований в различных областях психологии. В журнале публикуются обзоры литературы и комментарии, которые могут отражать новый прогресс, новые тенденции и новые достижения в различных областях психологии в КНР и за рубежом. Журнал был впервые опубликован в 1983 г. Журнал 11 лет подряд был признан CNKI «самым влиятельным международным научным журналом Китая» (2013–2023 гг.).

Исследования китайских психологов.

Анализируя последние исследования в области психологии возможно привести их к типологии. Перечислим несколько актуальных тем и направлений исследований для китайской психологии согласно публикациям в журналах.

1. Обзорные психологические исследования и исследования в области организационной психологии (строительство университетских психологических лабораторий: проблемы и меры противодействия) [6]. Развитие прикладной психологии: проблемы и меры противодействия (на примере Тяньцзиньского университета технологий и образования) [3]. Кросс-культурная психология и локализация психологии [4].

2. Исследования в области психологии образования и педагогической психологии: Изучение и практика системы обучения «пять в одном» для студентов бакалавриата по прикладной психологии [9]. Самосовершенствование классного руководителя [1]. Стратегии развития у студентов колледжа способности к самоуправлению на основе позитивной психологии [8].

3. Исследования в области криминальной психологии: применение технологии криминалистического психологического тестирования при расследовании сложных дел [10]. Исследование системы управления уголовно-психологической коррекцией на основе PDCA [5]. Влияние когнитивной нагрузки на индивидуальные ответы в тестах на криминальное сознание [12].

Отдельно выделим исследования находящиеся на стыке психологии, физиологии и последних достижений искусственного интеллекта. Рассмотрим подробнее наиболее интересные.

Ван Юйлин, Лу Сяовэй, У Цзунцзе, Ли Гогэнь, Чжан Линь – ученые из Института психологии университета Нинбо в своей статье «Процесс кросс-канальной интеграции в оценке привлекательности лица» [13] описали проведенное ими исследование психологической оценки лиц.

В своем исследовании они подтвердили, что существует взаимосвязь между различной сенсорной информацией в оценке привлекательности лица, которое интегрировано по всем сенсорным каналам. Таким образом, на основе предыдущих исследований, пространственная модель лица и байесовская модель причинно-следственного вывода

синтезированы. Решение о привлекательности лица люди принимают на основе сенсорных стимулов и существующих лиц, они интегрируют различную сенсорную информацию в мозге, чтобы сформировать модель привлекательности.

Ученые из департамента психологических наук и психического здоровья Аньхойского медицинского университета, Хэфэй, Китай: Слива Корё, Ван Кай, Ли Даньдань опубликовали труд «Применение социальных роботов у детей с расстройством аутистического спектра», в котором описали исследования применения успешной коррекции нарушения социального взаимодействия с помощью социальных роботов [11].

Социальные роботы – это роботы, созданные для взаимодействия и общения с людьми в общественных местах и домах. Кроме того, различают понятие «социальные роботы для реабилитации», которые являются элементами социальной робототехники, призванными помогать и вовлекать пожилых людей или инвалидов в общественную жизнь (общение, учебу или работу).

Кроме того, данные ученые предлагают выявлять структуру взаимоотношений человек – социальный робот, они продвинулись в разработке новых сценариев взаимодействия роботов с детьми, имеющими расстройства аутистического спектра.

Ученые-психологи из Шэньчжэньского университета Цинхуа, Шэньчжэнь Китай: Хоу Ханьчао, Ни Шигуан, Линь Шуя, Ван Пушенг – провели исследование по оценке эмпатии людей с помощью искусственного интеллекта. Они описали данное исследование в статье «Когда ИИ учится эмпатии: темы, сценарии и оптимизация вычислений эмпатии с точки зрения психологии» [7].

Эмпатические вычисления – это новая область исследований, которая объединяет искусственный интеллект (ИИ) и технологии больших данных для прогнозирования, идентификации, моделирования и создания человеческой эмпатии. Эта область опирается на психологические исследования с точки зрения концепций, измерений, нейронных основ и приложений эмпатии, а также использует инновационные вычислительные подходы для анализа и моделирования эмпатии. В статье дается критический обзор текущих исследований в области эмпатических вычислений и обсуждаются их будущие направления с психологической точки зрения, с целью содействия фундаментальным исследованиям и практическим приложениям в этой области.

Ученые, используя классические в психодиагностике методы тестирования, а именно тесты: Многофакторный опросник эмпатии (Interpersonal Reactivity Index, IRI); Опросник эмоциональной эмпатии (Emotional Empathic Tendency Scale, EETS); Опросник когнитивной и аффективной эмпатии, ЭКА (Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, QCAE); Пертская шкала эмпатии (Perth Empathy Scale; PES), также вычисления с помощью методов искусственного интеллекта (ИИ), технологий больших данных для прогнозирования. Они построили универсальную исследовательскую структуру. Данная структура позволила классифицировать эмпатические высказывания, построить систему эмпатического реагирования и генерацию эмпатического диалога, а также установить сценарные инновации для психологических приложений (рис. 5). Ученые доказали, что ответы, основанные на сотрудничестве с ИИ, демонстрируют более высокий уровень сочувствия.

Современная китайская психология все еще не так широко изучена и распространена за пределами Китая, особенно в России, но ее уникальные аспекты и традиции являются объектами изучения. В статье мы рассмотрели лишь часть огромного пласта психологических исследований в КНР. Возможно, в качестве вывода следует отметить,

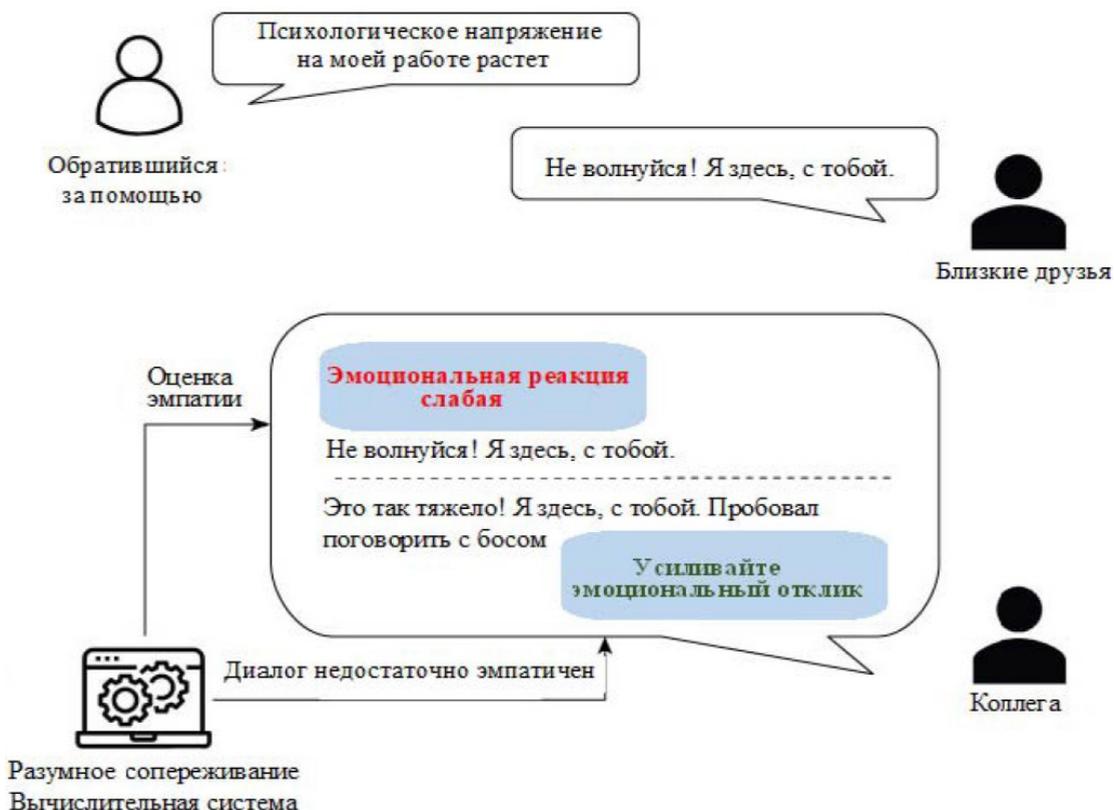

Рис. 5. Схема примера оценки эмпатии в диалоге

что психологическая наука в данный момент находится на подъеме. Современные тенденции, которые раньше организовала психологическая наука западных стран, перестают быть перспективными для исследования. Первенство в исследованиях отдается синтезу научных мыслей со всего мира, часть которых принадлежит России занял Китаю.

Список источников

1. Юньшэн Цзюй, Матвеев М. О. Обзор истории китайской психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2022. № 2. С. 3–31.
2. Ю Хуэй. С точки зрения психологии я расскажу о самосовершенствовании классного руководителя. 2024. № 4. С. 41–42.
3. Вуч Жэнь, Ли Цзе, Лу Чи. Развитие специальности «Прикладная психология»: проблемы и меры противодействия – на примере Тяньцзиньского университета технологий и образования. 2008. № 18 С. 52–56. URL: https://cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2008&filename=TJJB200804016&uniplatform=OVERSEA&v=Xs5nx_vhWiZmCB21LiljHICwJZ7CGNH4dNBNU5Q3As_JmQ1Gxi5GFF1-5kz1yxdT (дата обращения: 24.03.2024).
4. Ву Фан. Краткий доклад о кросс-культурной психологии и локализации психологии. 2008. № 8 С. 82–83.

5. Сюэ Фэй. Исследование системы управления уголовно-психологической коррекцией на основе PDCA. 2022. URL: <https://cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD202301&filename=1023431611.nh&uniplatform=OVERSEA&v=adzEjV-ht8AcZK4AO5NII EZ2id2pJdkRLedJRf8eU5mQy2KhpzHiD4Z72CxDYuy2> (дата обращения: 24.03.2024).

6. Цзы-Юнь, Цянь Сяо-ли. Строительство университетских психологических лабораторий: проблемы и меры противодействия. 2008. № 12. С. 87–89.

7. Хоу Ханьчао, Ни Шигуан, Линь Шуя, Ван Пушэн. Когда ИИ учится эмпатии: темы, сценарии и оптимизация вычислений эмпатии с точки зрения психологии. 2024. № 32. С. 845–858.

8. Чжа Сяоле. Стратегии развития у студентов колледжа способности к самоуправлению на основе позитивной психологии. 2024. № 10. С. 105–108.

9. Чжэн Тин, Ма Чао, Цяо Циньцай. Изучение и практика системы обучения «пять в одном» для студентов бакалавриата по прикладной психологии. 2024. № 34. С. 47–52.

10. Фань Синь. Применение технологии криминалистического психологического тестирования при расследовании сложных дел. 2014.

11. Слива Коре, Ван Кай, Ли Даньдань. Применение социальных роботов у детей с расстройством аутистического спектра. 2024. № 32. С. 834–844.

12. Ван Ли. Влияние когнитивной нагрузки на индивидуальные ответы в тестах на криминальное сознание. 2022. URL: https://cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD202202&filename=1022547836.nh&uniplatform=OVERSEA&v=DAFRnNRShHm9rDDLgvG8_mUawphoXHUugF4ddtm7qI9IvbPFES8s0bJf0Ut47aNJ (дата обращения: 24.03.2024).

13. Ван Юйлин, Лу Сяовэй, Ву Цзунцзе, Ли Гогэнь, Чжан Линь. Процесс кросс-канальной интеграции в оценке привлекательности лица. 2024. № 32 С. 790–799.

References

1. Yunsheng, Ju. & Matveev, M. O. 2022, 'Review of the history of Chinese psychology', *Bulletin of the Moscow University*. Series 14. Psychology, iss. 2, pp. 3–31.

2. Yu, Hui 2024, *From the point of view of psychology, I will tell you about the self-improvement of the class teacher*, iss. 4, pp. 41–42.

3. Wu, Zhen, Li, Jie & Lu, Chi 2008, *Development of the specialty "Applied psychology": problems and counteraction measures – on the example of Tianjin University of Technology and Education*, iss. 18, pp. 52–56.

4. Wu, Fan 2008, *A brief report on cross-cultural psychology and localization of psychology*, iss. 8, pp. 82–83.

5. Xue, Fei 2022, *A study of the management system of criminal psychological correction based on PDCA*, viewed 24 March 2024, <https://cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD202301&filename=1023431611.nh&uniplatform=OVERSEA&v=adzEjV-ht8AcZK4AO5NII EZ2id2pJdkRLedJRf8eU5mQy2KhpzHiD4Z72CxDYuy2>.

6. Tzu-Yun & Qian, Xiao-Li 2008, *Construction of University psychological laboratories: problems and counteraction measures*, iss. 12, pp. 87–89.

7. Hou, Hanchao, Ni, Shiguang, Lin, Shuya & Wang, Pusheng 2024, *When AI learns empathy: topics, scenarios, and optimization of empathy calculations from the point of view of psychology*, iss. 32, pp. 845–858.

8. Ja, Saale 2024, *Strategies for the development of college students' ability to self-government based on positive psychology*, iss. 10, pp. 105–108.

9. Zheng, Ting, Ma, Chao & Qiao Cincy 2024, *The study and practice of the five-in-one learning system for undergraduate students in applied psychology*, iss. 34, pp. 47–52.

10. Fang, Xin 2014, *Application of the technology of forensic psychological testing in the investigation of complex cases*.

11. Sliva, Koryo, Wang, Kai, Li, Dandan 2024, *The use of social robots in children with autism spectrum disorder*, iss. 32, pp. 834–844.

12. Wang, Li 2022, *The influence of cognitive load on the individual responses in tests for criminal minds*, viewed 24 March 2024, https://cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD202202&filename=1022547836.nh&uniplatform=OVERSEA&v=DAFRnNRShHm9rDDLgvG8_mUawphoXHUugF4ddtm7qI9IvbPFES8s0bJf0Ut47aNJ.

13. Van, Yilin, Lou, Saava, Wu, Suntze, Whether, Hogan, Zhang, Lin 2024, *The process of cross-channel integration in the assessment of facial attractiveness*, iss. 32, pp. 790–799.

Информация об авторе

Д. А. Курдин – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии.

Information about the author

D. A. Kurdin – PhD (Psychology), associate professor of the Department of general and pedagogical psychology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 30.06.2024; принята к публикации 03.07.2024.

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 30.06.2024; accepted for publication 03.07.2024.

ПАМЯТНЫЕ И ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА ИВАНА ИВАНОВИЧА КУПЦОВА

Татьяна Александровна Симакова¹

¹ Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия, simakovatanea@yandex.ru

Иван Иванович Купцов родился 10 августа 1934 г. в Сараевском районе Рязанской области, в селе Одоевщина. Отец будущего профессора Иван Михайлович Купцов рано ушел из жизни, в неполные 35 лет. Матери Ивана Ивановича – Анастасии Петровне Купцовой пришлось поднимать одной пятерых маленьких детей в трудное военное и послевоенное время. По рассказам Ивана Ивановича эта женщина обладала сильной волей, трудолюбием и аналитическим складом ума. Она своим примером каждодневной беззаветной любви к детям, трудолюбием, честностью формировала жизненные ориентиры и ценности своих детей.

Несмотря на трудности военного и послевоенного времени, в котором прошло детство Ивана Ивановича, его воспоминания о школьном обучении были пронизаны светом человеческой радости, поскольку обучение будущего ученого проходило с любовью к ученическому труду, к познанию мира и открытиям неизвестного. Общение с педагогами Иван Иванович Купцов вспоминал с особым уважением к ним, поскольку оно было пронизано любовью и заботой, учителя были не только носителями интересных знаний, но и наставниками, искренне заботившимися о будущем своих учеников. Часто И. И. Купцов вспоминал учителя русского языка Александру Семеновну Малышеву, директора Одоевщинской школы, которую считал своей наставницей, определившей профессиональный путь на педагогическом поприще. С материнской заботой Александра Семеновна обращалась к маленькому мальчику с теплыми словами: «Ваня, у тебя очень светлая головка! Ты должен хорошо учиться, несмотря ни на какие трудности!». Эти слова, очевидно задевшие душу ребенка, были заветом на всю жизнь выдающегося ученого. Результаты учебы в семилетней школе были отмечены похвальной грамотой, после ее окончания И. И. Купцов поступил без экзаменов в Педагогическое училище районного центра Рязанской области г. Сапожок. После окончания с отличием педагогического училища в 1953 г., помня напутственные слова своей любимой учительницы, Иван Иванович продолжил обучение в Рязанском государственном педагогическом институте.

© Симакова Т. А., 2024

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Обучение в вузе в то время считалось очень престижным, лишенным формализма, студентам была чужда мотивация «чтобы получить диплом», дети войны понимали истинную ценность мирного времени, и не тратили его напрасно. Учеба в институте проходила для Ивана Ивановича с присущими ему трудолюбием, интересом, высокой степенью мотивации. Доказательством может являться воспоминание профессора о его студенческой подготовке с друзьями к педагогической практике. После согласования конспектов предстоящего учебного занятия друзья шли в аудиторию и нарабатывали педагогические навыки. Один становился учителем, а друзья превращались в учеников, первоначально в обычный класс, затем последовательно в класс немотивированных бездельников, в класс одаренных детей, в класс озорников и так до тех пор, пока все педагогические риски не окажутся проработанными. В 1954 г. Иван Иванович Купцов по итогам учебы и общественной деятельности избирается на общем собрании пединститута секретарем комсомольской организации, членом партийного бюро института. В 1958 г. институт был окончен с отличием.

Начало педагогической карьеры состоялось в должности директора Которовской семилетней школы Касимовского района Рязанской области. По результатам педагогической деятельности, в которой были органично соединены новейшие академические знания, знания педагогики и методики преподавания и воспитания, а также лучшие традиции школьной жизни любимых учителей родной школы, Ивана Ивановича Купцова как самого успешного педагога Областной отдел народного образования рекомендует в Рыбновскую школу-интернат для детей сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, на должность заместителя директора по учебно-воспитательной работе. Успешный и быстрый карьерный рост строился на честном труде и умении отдаваться делу без остатка. Это было время сопутствия успеха тем людям, кто много и плодотворно работал, социальные лифты в то время не были эфирными. Владимир Иванович Селиванов – основатель Рязанской психологической школы воли, заметив способности молодого педагога, приглашает И. И. Купцова к поступлению в аспирантуру на кафедру общей психологии вуза. Следует отметить, что для того времени приступить к написанию научной диссертации было большой честью, это могли только весьма одаренные люди, отличающиеся высоким уровнем интеллекта, имеющие реальные показатели практической успешности профессиональной деятельности.

В 1964 г. И. И. Купцов успешно заканчивает аспирантуру с предоставлением диссертации на тему «Психологическая характеристика преодоления недостатков собственного поведения подростков» к защите на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии), поскольку психологические направления еще не были включены в реестр специальностей по защитах научных диссертаций. По направлению Министерства образования РСФСР И. И. Купцов в 1964 г. отправляется в Уссурийский государственный педагогический институт Приморского края на должность старшего преподавателя кафедры психологии и педагогики. Как отмечал Иван Иванович, в это время начинается самый плодотворный и творческий период его профессиональной деятельности.

В январе 1966 г. в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина состоялась успешная защита И. И. Купцовым кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии), в ноябре он получил ученое звание доцента и был назначен проректором Уссурийского государственного педагогического института. В 1968 г. Иван Иванович Купцов был назначен ректором вуза в 34-летнем возрасте. «Я был самым молодым ректором Советского

Союза», с гордостью говорил он нам, своим ученикам, для нас это было честью, обязывавшей «учиться, не взирая не на какие трудности», как это делал наш выдающийся Учитель с большой буквы, претворяющий в жизнь все лучшие традиции наставничества отечественного образования. Иван Иванович вспоминает годы работы в этой должности как самые интересные, творческие и насыщенные созиданием. Был построен учебный корпус на 1500 мест, общежитие на 900 мест для студентов института, но самым главным результатом работы стали его выпускники – заслуженные учителя РСФСР и отличники народного образования СССР и РСФСР. Спустя многие десятилетия уссурийские коллеги, сохранившие добрую память о незаурядном руководителе, удостоили Ивана Ивановича звания «Почетный профессор Уссурийского государственного педагогического института».

Переезд в Рязань состоялся по семейным обстоятельствам и это подтверждает еще одну важную черту личности И. И. Купцова, который был психологом не по сертификатам, как часто бывает в настоящее время, а по сути своей души, поскольку здоровье и благополучие членов семьи было важнее высоких чинов. Без малого 62 года семейной жизни он прожил с Александрой Михайловной Купцовой, удивительно многогранным человеком, талантливым учителем математики, истинной хранительницей семейного очага. С гордостью и душевной проникновенностью Иван Иванович говорил о себе и своих детях «мы все доценты и профессора, а Александра Михайловна – академик, мы своими защитами обязаны ей». Дети Ивана Ивановича достойно продолжили научную карьеру своего отца. Старшая дочь, Галина Ивановна Аксенова, доктор психологических наук, профессор полковник внутренней службы. Она работает профессором на факультете психологии и пробации в Академии ФСИН России. Сын, Михаил Иванович Купцов, кандидат физико-математических наук, доцент полковник внутренней службы в отставке в настоящее время работает доцентом кафедры высшей математики в Рязанском радиотехническом университете имени В. Ф. Уткина.

После переезда из Уссурийска в Рязань Иван Иванович возглавил кафедру исправительно-трудовой педагогики и психологии Рязанской высшей школы МВД СССР. Кафедра была образована приказом начальника РВШ МВД СССР от 20 февраля 1974 г. № 48 л/с. Профессорско-преподавательский состав кафедры отличался богатым практическим опытом в исправительных учреждениях и органах внутренних дел, энтузиазмом и высоким профессионализмом. Иван Иванович руководил кафедрой исправительно-трудовой педагогики и психологии (в то время не имеющей аналогов во всем Советском Союзе), являясь штатским сотрудником, а все члены кафедры имели специальные звания. Это является доказательством выдающихся организаторских способностей.

В 1988–2000 гг. он заведовал кафедрой психологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. За это время при кафедре активно работала аспирантура. Под руководством Ивана Ивановича Купцова подготовлено и защищено 12 кандидатских диссертаций его учениками. Становясь его учеником, каждый аспирант входил в круг его близких и доверенных людей. Если у кого-то возникали временные трудности, он призывал остальных: «Надо помочь, она же наша!». Это был главный экзистенциальный принцип построения научной психологической школы.

Выдающиеся ученые московской школы психологии, с которыми Ивана Ивановича связывали тесные профессиональные и дружеские связи, называли Ивана Ивановича современным Лазурским, потому что все его научные труды изобилуют большим коли-

чеством психологических портретов. Примечательно то, что даже на склоне лет Иван Иванович хранил в памяти имена и особенности личности своих обучающихся, которые принимали участие в его исследованиях.

За плодотворный труд профессор, член-корреспондент Международной академии психологических наук, И. И. Купцов удостоен званий: «Отличник народного образования РСФСР и СССР» (1967 г.), «Отличник народного просвещения» (1970 г.), профессор (1999 г.), член-корреспондент Международной академии психологических наук (1994 г.), лауреат Всероссийского конкурса на лучший пакет психологических диагностических методик в системе образования Российской Федерации (2002), Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации и др.

Главным своим трудом жизни Иван Иванович считал свой труд «Духовность, народность, патриотизм – основа возрождения великой России», мотив написания этого труда Иван Иванович объяснял необходимостью работы с молодым поколением. В монографическом труде Иван Иванович обосновывает безусловные ценности отечественного образования, апробированные в личном жизненном опыте мальчика из села Одоевщина.

Села Одоевщина уже нет, но остался плодоносящий сад князя Одоевского. Иван Иванович ушел из жизни 31 июля 2021 г. В антропологической психологии, приверженцем которой был Иван Иванович Купцов, человек определяется как конечная бесконечность, безусловно, есть дата рождения и смерти, но человек продолжает свою жизнь, пока память о нем хранится в душах его близких, потомков и учеников.

Информация об авторе

Т. А. Симакова – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра.

Information about the author

T. A. Simakova – PhD (Psychology), associate professor, leading researcher at the Research Department of the Scientific Center.

ПАМЯТНОЕ СЛОВО О ДМИТРИИ ВЛАДИСЛАВОВИЧЕ СОЧИВКО, ПОСВЯЩЕННОЕ 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Роман Клавдиевич Цуркан¹

¹ Помощник начальника УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю по организации работы с верующими, протоиерей

Уважаемые коллеги и сотрудники, участники помощи тем, кто оказался «в узах сущим», в своем послании хочу поделиться воспоминаниями о профессоре психологии Дмитрие Владиславовиче Сочивко, его христианском взгляде на криминальную психологию, взгляде «мудрого мужа с детским чувством веры», взгляд которого являет пример взрослого ребенка во Христе.

По словам проповедника XVIII в. епископа Ильи Миниатия, «не ожидает суетный человек, когда смерть придет, дабы взять душу крепко обдержимую миром, сильно прилепившуюся к настоящей жизни, и в темную могилу ринет всю фантазию его, – тогда какая туга, какой страх, какое крушение!» [3, с. 46–48]. Слова эти адресованы тем, которые не помышляют о смерти, но осуетились. Дмитрий Владиславович в своей книге «Экзистенциальная психодинамика» [5] обращал внимание на суету, называя ее «неподлинной коммуникацией», сравнивая с подлинной, феноменальной как преодолением одиночества, обезличенности человека, его разобщенности с другими людьми. Он верил в подлинное бытие, выступающее в качестве бытия с другими. Достижения Дмитрие Владиславовича Сочивко помогали преодолевать «пограничные ситуации», помогали людям, испытывающим повышенное давление мира, помогали преодолевать духовное напряжения и «в потоке своих психодинамических сил» приходиться к вере в Бога.

Тема рассредоточенности психодинамических сил, обезличенности преступника для Дмитрие Владиславовича в его статьях занимает особое место, в связи с чем в этом послании можно сказать том, о чем он не писал, но о чем думал (это зафиксировано в нашей с ним переписке, во время его тяжелой болезни). Предлагаю Вашему вниманию иллюстрацию в виде его рассуждения об индивидуализме как рассредоточенности психодинамических сил на основе трудов русского богослова Сергея Булга-

© Цуркан Р. К., 2024

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

кова, в котором осмысливаются последствия грехопадения как удар по ипостасности человека (от концентризма – к эксцентризму/эгоцентризму).

С. Булгаков подмечает изменение или даже искажение в структуре человеческой личности, которая оказывается индивидуальностью, обособляющейся и отличающейся от других. «Этим затемняется и извращается естественное, онтологическое равенство людей, как множественных центров не только сходной, но и общей, единой жизни. Целость человеческого рода разрушается, разворачивается с утратой целомудрия, и на место многоединства выступает многообразие, дурная множественность, вместо концентризма – эксцентризм (эгоцентризм). И это множественное число заключает в себе сатанинскую ложь, то есть свою ограниченность. Индивидуальность есть ответ Денницы на человеке, которого он захотел извратить по образу своего метафизического эгоизма, моноипостасности без любви. Все человечество разлагается на индивидуальности, которые логика считает возможным объединить только в абстракции, мысленно выводя за скобки общие признаки. И условием спасения христианского является погубление души своей ради Христа, то есть освобождение от плена индивидуальности. Однако в падшем мире индивидуальность есть единственная форма для жизни души, так же как греховное тело для жизни плоти, и только жизнь во Христе освобождает ипостась от индивидуальности, вводя ее в должное для нее многоединство в любви, в Церкви» [1, с. 41–42]. Сергей Булгаков добавляет, что до грехопадения Адам был представителем всего многоипостасного человеческого рода, а после грехопадения «всякая ипостась стала жить за свой собственный счет, как индивидуальность, и вместе с тем все оказались поработаны оброку греха, стали чадами гнева» [1, с. 42].

Заслуга Дмитрия Владиславовича состоит в том, что, рассматривая тему индивидуального в психологии, он не мог не обнаружить религиозного корневища, того компонента пенитенциарной (покаянной!) системы, который есть основа духовно ориентированного консультирования осужденных в колониях. До сих пор в моем сознании запечатлелась ремарка Дмитрия Владиславовича о духовнике знаменитой певицы Людмилы Сенчиной, который ей говорил: «А ты не тешь, ты утешай!». Кающийся человек, окормляемый тюремным священником, принципиально должен от тестов психолога переходить к духовному утешению священника (так считал Д. В. Сочивко) [3, с. 125]. Ни в коем случае кающийся не должен попадать в руки тех, кто не подозревает о значении слова *penitentia*, продолжая путать карательную систему с исправительной. Раскрытию этой идеи Д. В. Сочивко в соавторстве с Н. Н. Голышевой посвятил монографию «Возрастание духовности и религиозности осужденных молодежного возраста как фактор их психологического исправления и ресоциализации» (2012 г.).

Список источников

1. Булгаков С. Купина неопалимая. Париж, 1927.
2. Сочивко Д. В., Цуркан Р. Переписка в последовательности. 2020–2021 гг.
3. Порфирий (Успенский), еп. Проповедники на островах Средиземного моря // Труды Киевской Духовной Академии. 1880. № 1.
4. Сочивко Д. В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 26–30.
5. Сочивко Д. В. Экзистенциальная психодинамика. М.; Рязань: Академия ФСИН России. 2020.

Информация об авторе

Р. К. Цуркан – помощник начальника УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю по организации работы с верующими, протоиерей.

Information about the author

R. K. Tsurkan – Assistant to the head of the FPS of Russia for the Republic of Crimea and Sevastopol for the organization of work with believers, archpriest.

Научное издание

ВЕКТОРЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный журнал

Редактор *Т. Н. Русакова*,
Перевод *О. Р. Белозерова*
Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*
Ответственный за выпуск *А. Д. Пашукова*

Подписано в печать 30.09.2024. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 6,5. Тираж 32 экз.

Заказ № 341.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru